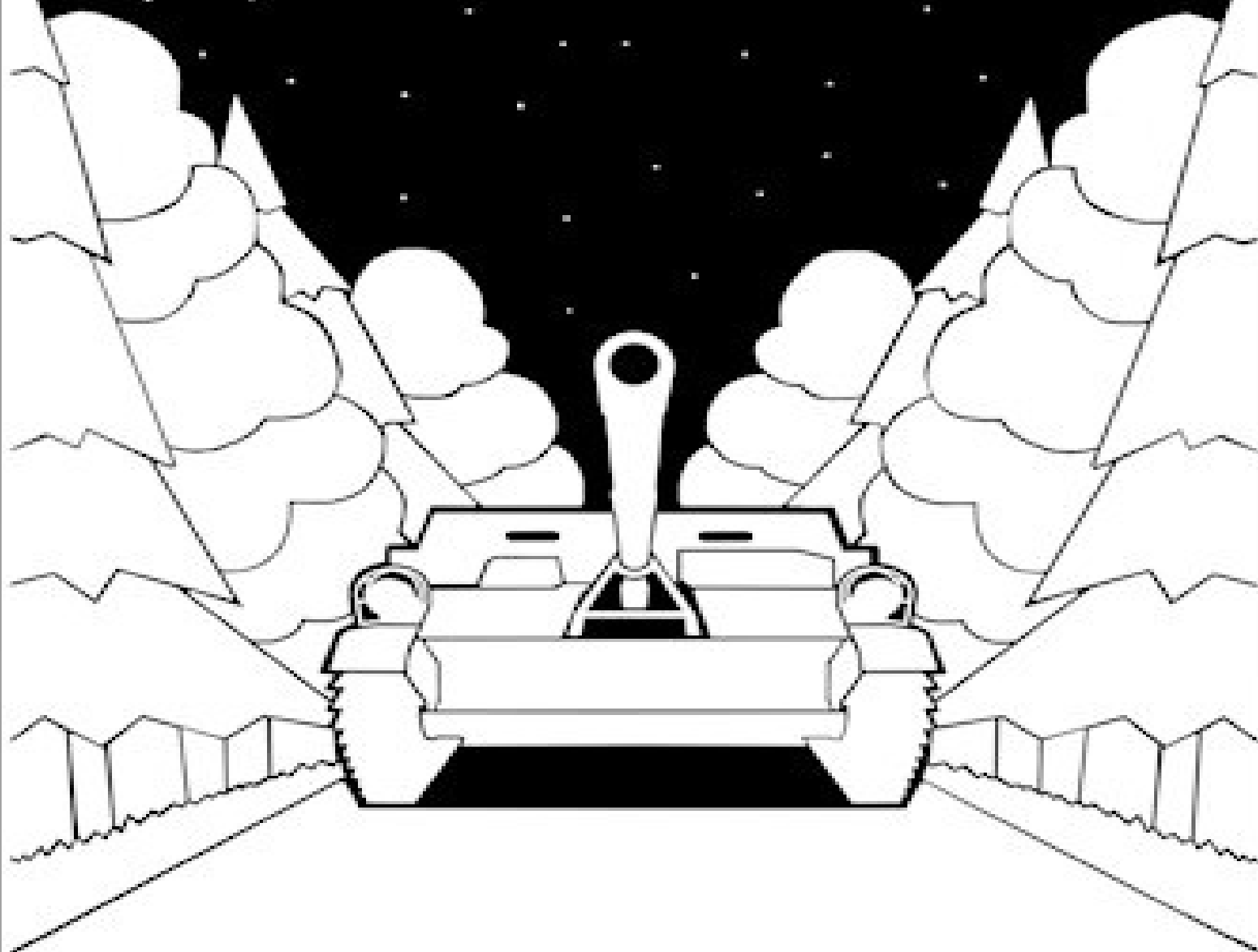

МАРШРУТ 21

Тоня и Оля — две девчушки, что находят себя посреди разрушенного Третьей Мировой Войной СССР. Но так ли постапокалипсис страшен, как его описывали фантасты? Осталось ли в нём место для дружбы, совести, доброй памяти и долга? И какую ответственность нужно на себя возложить, чтобы заполучить крупицу счастья?

Глава 1 Знакомство

Часами дорога содрогалась под весом стальных траков. И вдруг — рёв беснующегося мотора, что гнал железные цепи вперёд, смолк. Тишина. Кромешная. Даже птицы не поют и деревья не трещат. Всё замерло.

Прервал тишину звонкий голос молодой девчушки: — Заглох?

Другой, что старше и раздражённый, ответил ему: — Заглох.

— Ну и что будем делать, Оля?

— Тоня, вот любишь же ты задавать вопросы. Откуда мне знать? — с тем же раздражением, утирая грязный нос, ответила Оля.

— Ну, так ты же старше — знаешь больше!

— Вот только он у нас впервые глохнет, — Оля безуспешно нажимала кнопку стартера.

— А чего нервничать? Починим, может он, ну, не знаю, выдохся? — Тоня пожалала плечами.

— Ага, ещё скажи, что он устал. Там и прокладка могла стереться и шланг порваться. Много что.

— Вот, а говорила, что не знаешь.

— Это ничуть не упрощает нам задачи. Где я тебе среди леса новые запчасти найду или масло моторное или бензин? Ладно, сейчас посмотрю, может, невелика проблема.

Оля вылезла наружу, обтирая и без того замызганные штаны о немытый борт танка.

— Мне тебе помочь чем-нибудь? — послышалось из рубки.

— Собирай вещи пока. Дальше пешком отправимся.

Попытки разобраться, что же пошло не так в этом нагромождении шлангов, цилиндров и грязи оказались безуспешными.

— А ты смотрела руководство по эксплуатации?

— Слова какие знаешь. Мне бы понять для начала там что-то помимо оглавления. И так еле выучила, как этим управлять.

— Так я с бумажки прочла, — Тоня смутилась резким ответом.

— Будто я не поняла. Дай сюда эту книжонку.

Тоня резво выпрыгнула из рубки, чуть не сбив с крючка подвешенную керосиновую лампу.

— Убьёшься же, осторожнее.

— Вот, держи!

— Угу, спасибо, — Оля уселась на корпус и принялась шгудировать руководство.

Время шло, а Тоня не знала, чем себя занять. Вокруг один лишь тёмный, как отработанное моторное масло, лес, а почти всё живое кануло в небытие. Ни тебе птиц, ни даже назойливых насекомых, норовящих укусить между лопаток. Да даже шанс того, что выпрыгнет волчок и схватит за бочок — крайне мал, если не нулевой. Но если он и выпрыгнет, на такой случай девочки всегда таскали с собой старую винтовку, которую нашли ещё когда только встретились. Тоня тоже вспомнила о ней, и том, что за оружием надо тщательно следить, а потому забралась обратно в рубку и взяла оттуда немного оружейного масла с куском тряпки. Есть приятная медитативность и спокойствие в этом деле, когда котелок занят рутинным делом. Шомпол ходил туда-сюда, масло на тряпке уже высохло, но делать было нечего — ещё только полдень. Оля всё читала и читала

руководство, время шло крайне неохотно.

— Нашла! — радостно объявила Оля.

— Нашла что?

— Причину!

— Ну и в чём же она?

— У нас закончилось топливо. Если быть точнее — авиационный бензин Б-70. А-72 тоже пойдёт, — с уверенностью протараторила она.

Повисло неловкое молчание. Оля всё так же улыбалась, что было крайне редко, но сейчас, чувствуя удовлетворение проделанной работой, она сияла от радости, а Тоня хлопала глазами, уставившись на неё в недоумении.

— Так это, что получается, мы столько времени без него обходились?

— Нет, конечно, говорю же, закончился, — Оля чуть задумалась, — Разве я не заправляла его пару раз? Ты не замечала?

Тоня, будто игнорируя сказанное, осыпала Олю вопросами: — А сразу ты не могла проверить? Зачем мы столько ждали? И подожди, авиационный? Это же танк!

— Ну вот откуда мне знать, тем более мы последний город проезжали ещё вчера и там я самолётов не видела. И кстати, канистры у нас где?

— Были, сейчас принесу. Только куда мы пойдём?

— Мы же направлялись в сторону Свердловска, туда и побредём. Сколько по карте осталось?

— Так она-то у тебя, — немного нахмурившись сказала Тоня.

— И то, правда.

Оля похлопывала себя по карманам: — Ключи... спички... бинт... не карманы, а барахолка... А, вот же она, нашла. Тоня, собирайся скорее!

— Готова и уже давно, я даже «Свету» успела почистить.

— Прошу же её не трогать, ты маленькая ещё.

— Ничего не маленькая, могла бы и спасибо сказать. Ты за ней не следишь совсем.

— Я тебя на пять лет старше, — с некоторой тоской сказала Оля.

— И что? и мне скучно, вообще-то.

— Ага, скучно. Ладно, чего спорить. Нам до города вроде немного осталось, успеем до ночи, а если повезёт, даже к вечеру вернёмся. Только вещи возьму.

Оля надела старый армейский рюкзак, на него нацепила ту самую керосиновую лампу, а по другую сторону котелок, забрала со щепок два спальных мешка и всучила Тоне. Ещё накинула через плечо эту самую «Свету». Так любя называли бойцы РККА винтовку СВТ-40.

Конец октября, но солнце припекало не хуже, чем в августе. Тоня сняла свою любимую армейскую каску, которая теперь бесцельно болталась у неё за спиной. Нарушал идиллию только ремень старой советской винтовки, что натирал кожу даже сквозь плотную ткань.

Какой именно это год девочки не знали. Всё та же земля, те же дороги, те же города. Те же леса и реки. Человечество когда-то давно подписало смертный приговор себе, а не всему миру, да только теперь в действительности можно считать, что эпоха ушла, в частности, советская.

На дороге пробка: «Копейки», «Победы», «Волги», «Запорожцы» и другие. Все они уже давно сгоревшие, обворованные или сломанные. Простой металлолом. Только сосновые боры и берёзовые рощи оставались в первоначальном виде. Почти. Величавые деревья с

размашистыми ветвями, пышные кустарники, грибы, растущие большими и дружными семьями, заросли низкорослых папоротников и дикой розы. По обочине росли паутинистые тысячелистники, чьи стебельки переплетались словно лоза для плетения корзинок, подорожники, чьи лечебные свойства теперь стали той ещё глупостью и ромашки с белоснежными лепестками, неким образом сохранившиеся осенью. Такое буйство природы, которое совершенно не замечаешь, когда занят различными «важными» делами. Только теперь это всё казалось чем-то далёким от простой жизни, чем-то давно отказавшимся от своих первоначальных обязательств, чем-то, начавшим жить исключительно для себя.

Тоня любила лето, любила чай из шиповника. Так приятно пахнет. Сладкий, с сахаром, когда заболел или просто так. Девчонки пытались несколько раз заварить пару чашек, но вкус получался совершенно не тот. Наверное, уже и не повторить. И всё же в лесу рос тот самый шиповник, и его было действительно много. Колючий, красивый и сотня красных как кровь ягод на нём.

А Оля любила зиму. Может, сказывалось детство на Южном Урале, где что ни год, так шесть месяцев зимы — с ноября и по конец апреля. Хочешь или не хочешь, а полюбишь. А может, зимой есть смысл носить любимые ушанки, любовь к которым у неё появилась от дедушки. Такая привязанность к вещам, которая просто есть.

Гнетущая тишина отдавалась в мыслях тревогой. Только завывающий ветер перебивал это беспокойство.

Вдруг Тоня громко заявила: — Скоро придём!

— Да-да, немного осталось, вон уже и здание какое-то.

В метрах пятистах от них было КПП. Само оно было небольшое. Там стояло несколько побитых «Зилов» и «Уралов» и ещё больше легковушек. В полуразрушенной будке, в которую Тоня заходила уже в своей каске, не нашлось ничего интересного, помимо залежалой бутылки водки от 77-го года. Удивительно, как за столько лет чекушку никто не прибрал к рукам, да и сама она была, как новая. Этикетка гласила: «Срок хранения: 4 года. Хранить в закрытой таре. Избегать попадания прямых солнечных лучей».

— Оля-я-я, смотри, что нашла!

— Сейчас, иду-у! — Оля вылезла из побитого «Урала», — Чего у тебя тут?

— Вот, — Тоня торжественно преподнесла ей находку.

— Эм, ну и зачем она нам? У неё и срок годности, наверное, давно истёк. Но если подумать, пить-то необязательно. Можно рану обработать или поджечь что-то.

— Ну?

— Молодец, молодец, — Оля потрепала Тоню за щеку.

— Э-эй, ну чего ты делаешь!

— Ха-ха-ха, не нравится, да? Важная какая, — Оля попыталась защекотать подругу, пока та увилывала.

— Ну-у хватит, чего творишь? — попыталась она вырваться, — Я же не кукла какая!

— Ладно-ладно. Ты правда молодец, только странно это всё.

— А ты чего нашла? — Тоня чуть склонила голову вправо и нагнулась, посмотрев Оле в глаза.

— Я, а, ну, да ничего такого, только вот два патрона на ТТ, да магазин к нему.

В отличие от найденного и разбитого в хлам пистолета, магазин был целым и чистым, хорошо лежал в руке, да и ощущения от него были довольно приятными. Ободряет, как теннисный мяч в руке, который и собаке кинуть можно, и зарядить кому-нибудь в глаз.

У Тони же во взгляде загорелся огонёк: — А ну, дай мне.

— А тебя манерам не учили, да? — с долей сарказма ответила Оля. В таких условиях далеко не до манер, но и такого обращения к себе она терпеть не хотела.

Тоня начала уж дуться, но опустила голову: — Оля, дай, пожалуйста, посмотреть.

— Вот скажи, это так сложно?

— Нет, — потупила Тоня взгляд.

— Ладно, не дуйся, держи.

Огонёк в глазах Тони никуда не пропадал, это всё был её коварный план! Она со свойственной ей приткостью схватила магазин и выбежала из полуразрушенного кабинета.

— Ах ты!

Бутылка водки поспешно сунулась в рюкзак. Помимо «обновки», как в шутку нарекла бутылку Оля, в нём лежали тёплые перчатки, два ИРПа да четыре пластиковых полуторалитровых бутылки с водой. Стелянные было найти проще, но таскать их неудобно — они бренчат при ходьбе, как колокол на шее у коровы.

Оля хотела и сама осмотреться, принялась лезть в какой-то шкаф, но не прошло и минуты, как с улицы послышался испуганный крик. «Вот чёрт!» — успела только подумать Оля, как выхватила «Свету» и выскочила из кабинки вслед за Тоней. На улице стоял парень чуть моложе тридцати в старом бушлате и зелёных армейских штанах. Определённо обеспокоенный ситуацией, он активно размахивал руками. Позади висел АК-74, на бедре — фляжка. В общем, совершенно обыкновенный такой армеец, разве что погон не было видно. Он безуспешно пытался успокоить Тоню.

— Чего же ты кричишь? Спокойнее, я тебе не обижу.

Оля судорожно вскинула винтовку, направила в его сторону. Он опешил, лишь поднял руки, что-то нервно бубня.

— Н-не стреляй. Свой я, свой! Опустит, у меня и автомат не заряжен, ради вида ношу.

— Заткнись! Ты кто такой вообще? Мы много месяцев не видели никого, — пускай говорила Оля грозно, а колени всё равно сильно дрожали.

Тоня спряталась за подругу, смотрела из-за спины и чуть ли не плакала.

— Солдат, солдат я. Сержант Кузнецов Михаил Игнатьевич.

В иной ситуации он бы посрамил честь советского военнослужащего, но почему-то сейчас, наведя на него винтовку, Оля не испытывала ничего помимо собственного страха.

— Ты что тут делаешь? Тоня, он тебе угрожал? Ты зачем к ней полез?

— Оля, Оля, опусти. Я не думаю, что он плохой, — легонько одёргивая бушлат, говорила Тоня.

— Ничего ты не понимаешь, я знала, знала, что тут что-то не так! — держать палец на спуске Оля не осмеливалась.

— Опустит, испугалась я, он ничего не делал. Страшно мне стало, тебя рядом не было.

Кузнецов закрыл глаза и, кажется, молился. Ни единого мускула на его лице за всё время и не дрогнуло. Занимательная реакция для того, в чью голову целятся с расстояния пяти метров.

Всё же, доверившись Тоне, Оля опустила винтовку, дыхание становилось глубже, а мысли приходили в норму. «Света» отдавалась теплом в руках, но направлять её на кого-то было совсем иным чувством, далеко не самым приятным. Держать человека на мушке, вершить его судьбу Оле совершенно не понравилось, она еле заметно дрожала, смотря на Михаила.

— Откуда ты?

— Военная часть, неподалёку совсем, могу вас провести.

Тоня вмешалась в разговор: — А можно? Тебе разве за это ничего не будет? Ты же солдат!

— Нет-нет, не будет, я один остался. Все разлетелись. А здесь ответственный, если проще, — не переставая умиляться Тоне, отвечал он.

— И как успехи? — довольно сухо спросила Оля.

— Никак, года два никто не выходил на связь. Каждый день сижу у радиостанции, помехи слушаю. Даже зверья в округе нет, о людях и говорить не приходится. Редкая птица пролетит — уже счастье. Если бы не каждодневная рутина, давно бы уже с ума сошёл. Так от этого устал.

— И с чего бы нам друг другу верить?

— Ни с чего. Но разве есть причины не доверять? Мне, честно говоря, уже без разницы, податься некуда. Да и у нас была сотня возможностей пристрелить друг друга. Только зачем нам это?

— Разряди.

Оля не стала вскидывать винтовку, хотя сама отметила, что поступает крайне необдуманно. Михаил снял автомат. Магазин и патронник оказались пустыми.

— Так ты не врал?

— Говорю же, незачем мне это. Поверьте, я просто хочу поговорить.

На Олю накатило чувство стыда вперемешку со злобой. Мурашки пропали, но вот зубы плотно сомкнулись.

— Вы, ты... в общем, извини, что так вышло.

— Не извиняйся. Может, заново попробуем? Я Кузнецов Михаил Игнатьевич, можно Миша или как вам самим удобно.

— Меня Тоня, а её Оля зовут, мы путешествуем!

Михаил улыбался. Олю, несомненно, настораживал вид взрослого мужчины, что с таким умилением смотрел на подругу, но виду не подавала.

— Да, меня зовут Ольга, а её Тоня. Да, мы путешествуем и нам бензин нужен, — Оля старалась выглядеть взрослее, чем есть на самом деле, что выходило нелепо.

— Михаил, а можно тебя дядя Миша звать? — перебивала Тоня.

Чуткая и нежная натура Кузнецова не пережила этого удара, он уже ни капли не пытался скрывать искреннюю радость.

— Да, конечно, можно. Ох, вы извините мне сентиментальность, последний раз от матери имя своё слышал, лет десять назад. Уже и забыл, как с людьми-то общаться, ха-ха! — это был нервный смешок, — Что вам за бензин нужен? У нас на складах в части всего навалом, чудом не разбомбили. Как сейчас помню, нам буквально за неделю до войны доставили новые зенитки.

— А-72 нужен или Б-70, - сказали девочки в унисон.

— И на чём же вы таком ездите?

— На танке! Дядь Миш, на танке! — Тоня уже не пряталась за подругой. Очень ей хотелось рассказать о прекрасной боевой единице.

— На танке? Вы? Вдвоём? Каком? Где он?

— АСУ-57, - ответила Оля, и тут же Тоня повернулась к ней и показала язык, но Оля проигнорировала столь очевидную провокацию, — Если коротко, то мы его полностью

рабочим нашли, но сомневаюсь, что это оригинальная... Модель?

— Допустим. Танк, так танк. Могу я на него...

— А до него обратно два часа идти! — Тоня отказывалась учиться хорошим манерам.

— Так, ладно, до части недалеко. Вы, может, есть хотите? Пить? Спать? Бензин-то я найду, а вам отдохнуть надо.

— Веди. Хотя подожди. Вот эту бутылку ты здесь оставил?

— А я её уже потерял. Ты лучше не пей, она уж давно испортилась.

— Я и не собиралась. Просто спирт всегда может пригодиться.

— Это правда. Так, идите за мной, тут не долго, километра два или три. Только магазин подберу, не хочу вещами раскидываться, надеюсь, вы не против.

— Пойдём? — Тоня посмотрела на Олю вопрошающим взглядом.

— А ты ничего не забыла случаем? — с долей лёгкой насмешки сказала Оля.

— Ну, а как же, всё всегда при... Вот блин. Не могла же я!

— Вот, держи, — Михаил протянул Тоне магазин от ТТ

— Спасибо, дядь Миша!

Михаил от счастья таял на глазах.

— Я готова!

— Пойдём, — заключила Оля.

— Следуйте за мной, — Михаил скомандовал «Кру-гом!» и резко повернулся на все сто восемьдесят градусов через левое плечо.

Путь оказался многим длиннее, чем «пара километров». Уже темнело, компания подходила к воинской части, Михаил рассказывал о своей бытовухе с середины.

— Знаешь, помаленьку. Крупы на три сотни лет вперёд на одного меня хватит, все паразиты будто в одночасье сдохли. Воду набираю в ближайшей реке. Она течёт оттуда, где почище, потом кипячу. Пытался рыбу ловить, да только труха попадается. Закимарил один раз, а там маленький такой ёршик к крючку пристроился, я его и отпустил. В общем, на провиант не жалуюсь. Всё свободное время или окрестности обхожу, или частоты прослушиваю... — Михаил очень живо вёл монолог, не давая возможности девочкам вставить и слова.

Разрушенный город удивлял своей непостоянностью. Простенькие, серенькие, непримечательные пятиэтажки, чей архитектурный стиль утерялся во времени, были теперь неузнаваемы. Приятная скромность соседствовала со всей монструозностью природы, свободной от оков человечества. Деревья, выросшие как на дрожжах, буквально за десяток лет, ныне заслоняли собой разрушенные постройки. Трёхэтажные дома культуры с облупленными орнаментами, окрашенный в белый цвет с голубой волной городской бассейн, неказистое здание исполкома, районный профсоюз в вымпелах и флагах, аккуратный до того театр с порушенными колоннами и много чего ещё пыталось скрыть свою натуру за высокими соснами и тополями. В некоторых дворах даже стояли разбитые теплицы. Миша сказал, что больно много лишнего креатива у людей было тогда, вот и придумывали разные способы пропитаться.

Панельки — большая их часть — сложились, как карточные домики. Порушены они были не неуклюжим движением ребёнка, а сознательным решением вполне компетентных людей по всему миру, так или иначе, отдающих себе отчёт в собственных действиях. Но, может, и нет.

Определённые места компания сознательно обходила по наставлению Михаила. Он говорил о радиации и совершенно не верил девчонкам, что они без опаски ходили где угодно. Тоня же не сильно обращала на всё это внимания, ей было интереснее послушать самого Мишу.

— Осень очень люблю, прошедшая такая красивая была, листопады, шуршащие листья под ногами. Жаль фотоаппарата у меня тогда не было. Вот только недавно нашёл, когда по городу мотался. Людей нет уж давно. Совершенно никого, так что и квартиры ничейные. Ходил от дому к дому, вот и наткнулся. «Искра» назывался, только вот модели не помню, одна из последних на тот момент, но я вам обязательно покажу, — Оля никогда не имела приязни к больно разговорчивым людям, однако сейчас и ей и Тоне было как-то без разницы. Всё лучше, чем самим языки напрягать.

— ...Так он тогда с лестницы навернулся неудачно, а мы его вчетвером унести не могли, представляете? Такой огромный был, и главное, где он столько еды находил? Нет, мы, конечно, не голодали, но он точно килограмм под сто двадцать весил. И как он тогда себе не сломал ничего, грохот был такой, будто в штабе связку гранат подорвали. Как в армию попал? Человек — загадка. А сейчас Алексеич в лучшем из миров — помер. Лет пяти назад. Передавали мне, что на танковую мину наступил. Сгубил его в итоге недюжинный аппетит или мина с ослабленным детонатором была, чёрт знает. Смотрит сейчас оттуда, — Михаил поднял голову в попытках разобрать что-то в очертаниях хмурого неба, — И злится на меня. Хотя, зная его, скорее сидит и с собственной нелепости ржёт. Видел я таких, весёлые и всегда на подъёме. А как бой, так отчаяннее всех бьются. Потом стараются ободрить кого, садятся рядом, руку на плечо и расскажут какую-нибудь глупость или анекдот там, что ты сам от неожиданности уже ловишь себя на смехе. Бывают же люди.

Тоне приходилось видеть и трупы, и взрывы, но первые, как правило, уже представляли собой лишь горстку костей, а вторые были далеко, когда девочки падали из танка в преграду или в стену какую. Разлетевшийся из-за взрыва на тысячу кусков живой человек, даже в воображении пугал до боязливой тряски головой.

— Вы в Бога верите? — Михаил шёл чуть впереди, но вдруг замедлился, отчего витающая в мыслях Оля чуть не врезалась в него.

— Михаил. Кхм, Миша, а почему интересуешься?

— Ага, почему мы в него верить должны? — ответила и Тоня.

— Точно, вам двоим это незачем. Я к тому, что вам очень повезло быть друг у друга, поэтому не верьте в такие байки, иначе обернётся вам боком. Мои же друзья и родные лежат в земле. От прадеда до племянницы. Всё, что осталось от них, — это память, и даже она порой врёт. Посмотришь вокруг и думаешь: какой Бог? Читал я библию, там много хороших идей — гуманистических, но ради чего? Какой конец? Рай. А на «бренной земле», нам предлагают страдать ради справедливости. Враньё, мы справедливости при жизни хотим, а другой мы не знаем и не узнаем. Даже если Бог есть, лучше умереть, думая всю жизнь головой, чем верить во что-то и по итогу, как и все, оказаться в ящике. Странная штука, эта смерть, да? — его шаг ускорился, стал шире. Тоня провожала быстро удаляющегося Михаила взглядом, — Мой дом! Ну же, идём-идём! Сейчас я вам всё покажу. Вы не бойтесь, целых зданий осталось мало, склад, штаб, да моя казарма, немного совсем осталось. Немного. В оставшиеся я уже давно не заходил, боюсь, что меня балка какая придавит, так и помру, ха-ха-ха!

— Тонь, всё хорошо? — Оля потрепала подруге волосы на макушке.

— ...

Огромный забор, обвитый колючей проволокой, простирался, кажется, на километры в обе стороны. Высота его была метра три, не меньше. Он казался неприступным, но множественные пробоины в нём выдавали обратное.

Война здесь давно кончилась, а пепел боёв унёсся далеко-далеко. Михаил, недолго думая, направился в казарму. Она выглядела, мягко говоря — так себе: три этажа, зелёные, обшарпанные стены, многие стёкла выбиты, неподалёку стоял одинокий «ЗИЛ», в кузове валялся многочисленный хлам. Однако при входе внутрь картина преобразалась, видно, что Михаил ухаживал за местом своего фактического проживания. Полы вымыты, а стены даже покрашены в успокаивающий бежевый оттенок. За неимением начальства, легко отдаться самодеятельности, и Михаил этого совершенно не отрицал.

Одна из огромных комнат казармы, выделенная на солдат пятьдесят, была искусственно огорожена кирпичной кладкой. Теперь же спальня была метражом в пару десятков квадратных метров. Здесь располагалась куча барахла, которую Миша бережливо расставил по полочкам. Он ушёл в соседнее крыло за постельным бельём, пока девочки с разрешения принялись изучать это всё. Тут находились десятки детских игрушек и разных безделушек, деревянные кубики, зелёные солдатки, деревянные искусные лошадки. Железные машинки и БТРы. Много совершенно разных книг, руководства по той самой «эксплуатации», даже самоучитель по игре на гитаре. Модели самолётов, танков, самодельное радио, плюшевый рыжий кот и небольшая пчёлка с большими крылышками. Какие-то трубы, связки ключей. Странного вида приборы, рядом простые гаечные ключи, разного размера молотки и много чего ещё. В ящике на той же полке валялись сотни, если не тысячи железных деталей, от гвоздей до сварочных диодов. Если и говорить о барахолке, то она была здесь, а не у Оли в карманах. Были и несколько кружек. Тоня заметила одну эмалированную с ручную нарисованной на ней ромашкой. В дальнем углу, около окна, стоял письменный стол с кипой бумаг, датирующихся аж 1976-м годом. Оля не стала заострять на них внимание, списав всё на расторопность Михаила. Не привыкла она копаться в личных вещах и привыкать к этому не желала.

По правую сторону от входа стояла кровать, большая, из двух сдвинутых вместе солдатских коек, укреплённая парой досок снизу для пущей жёсткости. Шаги Михаила в такой тишине слышались за пару десятков метров по казарме. Он кое-как открыл дверь и кинул на соседствующий с кроватью стул новый комплект постельного белья.

— Сейчас всё сделаем, а ну, Оля, помоги мне... Так вы чего, всё ещё не переоделись? Да кидай ты всё на пол, только вот вчера мыл, — Михаил принялся стягивать пододеяльник и простынь с кровати. Оля, недолго думая, сняла верхнюю одежду и рюкзак, взялась за наволочки подушек.

— Мы же вернуться хотели, — Тоня немного нервничала.

— Вы тут первые за три года, а танк оставили, как я понял, на одной знакомой мне захолустной дороге. Никому не нужны ваши пожитки, тем более без топлива. Да и поздно уже, вам следует отдохнуть, — заключил Михаил, заправляя одеяло в чистый пододеяльник, что, будучи честным, выходило не очень хорошо. Казалось, пододеяльники — это извечная проблема любого общества.

Справившись с постельным бельём, Миша окинул девочек взглядом.

Одна из них повыше, в старой мужской рубашке и армейских штанах. Взъерошенные волосы. Тёмные, как Донбасский уголь и крепкие, как Уральская сталь. Чуток бледная и

сухая кожа. Приятные, мягкие черты лица, с толикой строгости и простенький носик, без задоринки. Глаза цвета болота с мешками под ними и взгляд тягучий как трясина. Движения её рук были уверенными, но сохраняли грацию, присущую девушке, оттого порой становясь немного неуклюжими. Впрочем, всё это лишь напоминание о том, кто разрешает все возникающие у дуэта неурядицы. А вторая девочка была невысокой. С головы и до самой талии ниспадала пышная пшеница. Яркие голубые глаза, румяное лицо, одухотворённое жизнью и любопытством. Искорка, что никогда не покидала её взгляда. Вот она-то свободно махала руками, разбираясь с наволочками. Одну туда! Подушку сюда! Если бы могла, то обхватила бы в объятия вообще всю казарму, всей широтой своей души. Никакого стеснения. А главное, даже в таких условиях она старалась сохранять прекрасную, тихонькую улыбочку на лице.

Оля, говоря честно, была крайне красивой и сформировавшейся девушкой, но Михаил сохранял стойкость характера, а может, имел принципы или отличное воспитание, так или иначе, кинуть и единого косого взгляда он себе не позволял.

Вспомнив наконец, что гости и голодны, и устали, он предложил первым делом принять ванну. Девчонки сильно обрадовались возможности, но тут пришло печальное осознание.

С досадой говорила Оля: — Да нам даже переодеться не во что, мы и не думали, что выдастся возможность.

— Ох, это не проблема. С комнатой мы закончили, теперь и с одеждой можно разобраться.

— У тебя и она есть, дядь Миша?

— Конечно, есть, всё есть, и на тебя что-нибудь подберём! — Михаил потрепал Тоню по голове, — Тут подсобка, рядом ещё комната, сейчас я генератор включу, а то уже темно становится.

Михаил на минуту всего вышел на улицу и в крыле казармы зажегся свет. В попытках же отпереть дверь он принялся перебирать связку ключей, в которой их была сотня, не меньше. По привычке хранил, не иначе.

Наконец найдя нужный, быстрым движением он отворил дверь и включил свет. На вешалках было много комплектов формы, такие же бушлаты, штаны, сапоги и берцы. Только в одном дальнем лежала парочка джинсов варёнок и несколько детских однотонных футболок.

— Держите, меряйте. Можете хоть всё забрать, а я пойду ванну греть, — Михаил поспешно удалился, оставив девочек. Оля сняла свою потрёпанную рубашку довольно плотного пошива, которую носила уже продолжительное время прямо на голое тело, что вогнало её в краску. Другое дело Тоня, она бегала практически голышом от вещи к вещи, пытаясь надеть всё и сразу.

— А они чистые вообще? — с недоверием высказывала Оля мысли вслух.

— Конечно, не думаю, что, так стараясь для нас, Миша стал бы нам всякие непотребства подсовывать, — говорила Тоня, пока надевала на себя футболку.

— Хорошо сидит, — до сих пор полуголая, сложив руки на груди, Оля осматривала Тоню в синей сорочке, которая была размера на два больше необходимого, — Великовата, но на вырост самое то.

— А ты, чего стоишь? — спрашивала её Тоня, пока с отвращением рассматривала большие мужские трусы с дыркой в области ягодицы.

— Да, не знаю я, глаза разбегаются.

В раскиданной кое-кем куче вещей Оля заметила большую майку, которую без промедления и надела.

— Свободная. И чистая. На удивление.

В дверь послышался глухой стук.

— Тук-тук, вы там закончили? Я ванну тёплую набрал, идите, пока не остыла и вещи не забудьте. И да, ванна рабочая у меня тут только одна, так что мыться будете вместе. Вы, надеюсь я, не против?

Схватив всё необходимое, девочки поспешно удалились, но вот куда ушёл Михаил — было неясно. За распахнутой дверью обыкновенная армейская душевая с парой отличий. По левую сторону стоял алюминиевый стол, на котором тут же нашли пристанище вещи, а чуть дальше кустарно установленная ванна. От неё куда-то в стену уходила тройка труб. И вновь послышался стук.

— Вы, когда закончите, внизу в ванне пробка есть, выдерните, чтобы вода слилась. Ну всё, не отвлекаю, мне в штаб надо.

Тоня, недолго думая, залезла в ванну: — Ух, тепло, лезь скорее!

Оля неторопливо разделась и провела ладонью по воде.

— Ну чего ты боишься, быстрее! — Тоня обрызгала её.

Оля от неожиданности взвизгнула: — Ты чего брызгаешься?

Ответить на частые выходки Оля умела и очень даже хорошо, схватив Тонию за нос в намерениях сделать сливу. А в тёплой воде таковая появится гораздо быстрее и будет намного ярче.

Тоня заливалась смехом, пытаясь вырваться: — Ну отпусти, пусти, больно же, ха-ха-ха!

— Дурёха.

Вода тёплая, почти горячая. При желании можно было утонуть, такая глубокая была ванна. Тоня погрузилась в мыльное облако по шею, а потом и вовсе полностью окунулась, начав пускать носом пузырьки. Оля отыскала мыло и начала намывать Тоне голову.

— Глаза щиплет, — Тоня вытирала их руками.

— Ты ещё мылом умой. Сейчас холодную включу, — Оля потянула кран и обожглась напором кипятка.

— Вот же, — одёрнув руку, она поспешила включить правильный, но потекла лишь тонкая прохладная струйка.

— Ну, когда уже, глаза болят.

— На, вот, промойвай.

Пока Оля намывала подруге голову, в собственную лезли совершенно разные вопросы, что начинали надоедать.

И почему он так добр? Понятно вроде, он точно человек не плохой, но подозрительный. Одежда, комната, ванна. Может, он и правда от всей души или как это называют? А если так, смогу ли я её сама всем этим обеспечить? Может, остаться с Тоней тут, спокойно жить. Но это всё ещё военная часть, мало ли что может пойти не так. Шальная ракета или бомба или приказ какой, что нам тогда делать вообще? И он опять же, с Богом своим. Неужели, действительно столько лет тут без людей пробыл? То молится, то к чёрту всё шлёт.

— Ты уснула там? — Тоня вся была покрыта пеной, её саму уже трудно было отличить от облачка.

— Ой, извини, сейчас всё смою, только душ возьму.

— А ты-то голову мыть будешь? — стояв уже руки в боки, спрашивала её Тоня.

— Буду, конечно, иди вытирайся пока. Не поскользнься только.

Тоня перелезла через бортик и поспешила вытираться полотенцами, заботливо оставленными Михаилом.

— Оль, а тебе дядь Миша нравится?

— Не знаю.

— А по мне добрый, помогает нам, даже одежду подарил, — Тоня вытерла светлые волосы до состояния овечки на голове.

— Тебе лишь бы добрый, не просто так он это делает и это настораживает. Он, может, и не плохой, но просто так сейчас никто бы помогать не стал.

Одевшись, они, как и просил Михаил, выдернули пробку. По трубе начала сливаться тёмная, мыльная вода. Это был первый их приём душа за последний месяц. Приятная свежесть — редкая радость теперь, приносящая тонну удовольствия, так ещё и чистые волосы. Красота!

— Не стоит так впредь затягивать, — заключила Оля и открыла дверь наружу. В коридор хлынула волна пара.

Михаил упоминал штаб, потому девочки направились именно туда. По территории части выл осенний ветер. Странно, но именно этот день и вечер были теплее обычных. Девчонки нашли здание, что больше других, зашли в него. Света в коридорах не было, но выше по этажам в полной тишине разносился странный писк и треск помех. Девчонки остановились напротив двери, за которой и был звук. Смотрев на старую, дряхлую дверь около минуты, Тоня наконец набралась смелости и с важным видом постучала в неё.

— Дядь Миша, открывай!

Молчание длилось вечность, но на деле не прошло и пяти секунд. Треск и писк на мгновение остановились: — Идите в комнату, сейчас приду.

Шум возобновился. Девочкам не оставалось другого, как просто вернуться в казарму. Ветер всё так же завывал, попутно сдирая пожелтевшие листья. Монументальные сосны и ели составляли костяк лесного массива, оттого, жёлтые и оранжевые берёзы, рябины и один величавый дуб выглядели ещё привлекательнее. Очаровательная своей простотой картина. Тоня иногда шаркала ботинками, что были ей не в размер, а Оля отбивала чёткий ритм своими добротными берцами. Ничего не тревожило, а с порывами уходили и все плохие мысли. Возможно, по этой причине Михаил и оставался здесь, хотя эта мысль, конечно, крайне романтична и истинные его мотивы точно в разы приземлённее.

В казарме продолжал гореть свет. Девочки вернулись в комнату, её наполнял свежий аромат зелёного чая с мёдом, кружки с которым стояли на столе. Одна из них была той, которую успела подметить Тоня.

И когда он только успел? — в их мыслях зрел схожий вопрос.

Тоня с Олей расположились на большой, заправленной кровати и прильнули к угощению. Чай уже успел порядком остыть, но был тёплым и сладким. Может он и не шиповником, как хотела того Тоня, но помимо воды они уже давно ничего не пили. И снова стук. Кажется, в такое время сложно ожидать от рядового солдата какой-то культуры или учтивости, но Михаил нарушал глупый стереотип, не забывая про простые нормы приличия и порядка.

— Оля, Тоня, вы уже тут? Да слышу я, уже во всю чай гоняете.

Михаил энергично открыл дверь, войдя боком. На подносе стояли открытые, разогретые

говяжьих консервы. Запах мяса и жира быстро перебил аромат чая, у Тони уже почти стекала слюна от обилия предстоящих гастрономических удовольствий.

— Извините, без гарнира, варить больно долго. Вот вам вилки, угощайтесь. Не уляпайтесь только, оно жирное всё.

На лице с жёсткой чёрной щетиной появилась грустная улыбка. Видно, сам он ничего сегодня не ел. Михаил подходил к третьему десятку, но у него уже проступала седина, а взгляд напоминал мужчину лет пятидесяти. Только сейчас это заметила Оля и не могла свести с него взгляд. Лицо его было таким простым, будто с детского рисунка, без ярких черт, страшных шрамов или ссадин. Лишь грубовато квадратное. Серовато-зелёные, тусклые глаза выдавали в нём личность, думающую и мыслящую, и, возможно, от этого потерявшую всё сокровенное, что было в жизни. Даже его широкие плечи и грозный вид чахли за ненадобностью.

— Чего не ешь? — наконец заметив пристальный взгляд, он обратился к Оле.

— А? Я ем. Откуда тушёнка?

— Как откуда, со склада, конечно. Последняя партия на моей памяти пришла в восьмидесятом. Ещё годятся, считай, что последний год и выкидывать. А пока горячие — ешь.

Со стола пропала кипа бумаг. Оля не знала, что там было, сознательно отказавшись рыться в чужих вещах и прошлом. Сейчас она начинала понимать состояние Михаила. Тоня же молча уплетала мясо за обе щёки, и съела бы она всё за пять минут, но тушёнка оказалась на удивление жёстче, чем сухпай. Хочешь или нет, а приходилось разжёвывать и лишний раз напрягаться. Она тщательно пережёвывала, запивая всё из большой эмалированной кружки с ромашкой.

Ну что за несправедливость?!

— Миша, почему ты всё это делаешь?

Кузнецов устало облокотился спиной на заваленный грязной одеждой прикроватный стул и задумался.

— Понимаешь, есть причины. Всегда есть причины что-то делать, — он смотрел в потолок, который украшала одинокая лампочка накаливания в плафоне, — Я же не хороший человек. Делал много глупостей: и убивал, и хоронил. Понимаю, как вам непривычно получать столько всего от того, кого знаешь, может, часов семь от силы. Если тебе так будет понятнее, то думай, что я искупаю вину перед народом, потому что так оно и есть.

На подносе уже стояла одна пустая консерва, что была отведена Тоне.

— Ты-то доедать будешь? — спрашивал Михаил Олю.

— Да, буду, — она зачерпнула вилкой остатки консервов и сунула в рот, почти не прожёвывая.

— Давайте всё сюда, я унесу, завтра разберёмся с остальным.

— А можно я себе оставлю? — Тоня держала кружку в руках.

— Конечно! Забирай. Только ложись скорее спать, поздно уже, — Михаил чуть приподнял уголки губ, захватил поднос и пошёл к двери, — Комната хорошо утеплена, не замёрзнете.

Тоня уже залезла под одеяло, что поспешила сделать и Оля, выключив свет.

— Посплю в штабе, спокойной ночи.

— И тебе, дядя Миша! Спокойной ночи.

Дверь закрылась, шаги стихли, генератор умолк. Только деревья качались под напором

СТИХИИ.

— И всё же, он хороший, — сказала Тоня и улеглась Оле на руку.

— Может, ты и права. Давай-ка спать.

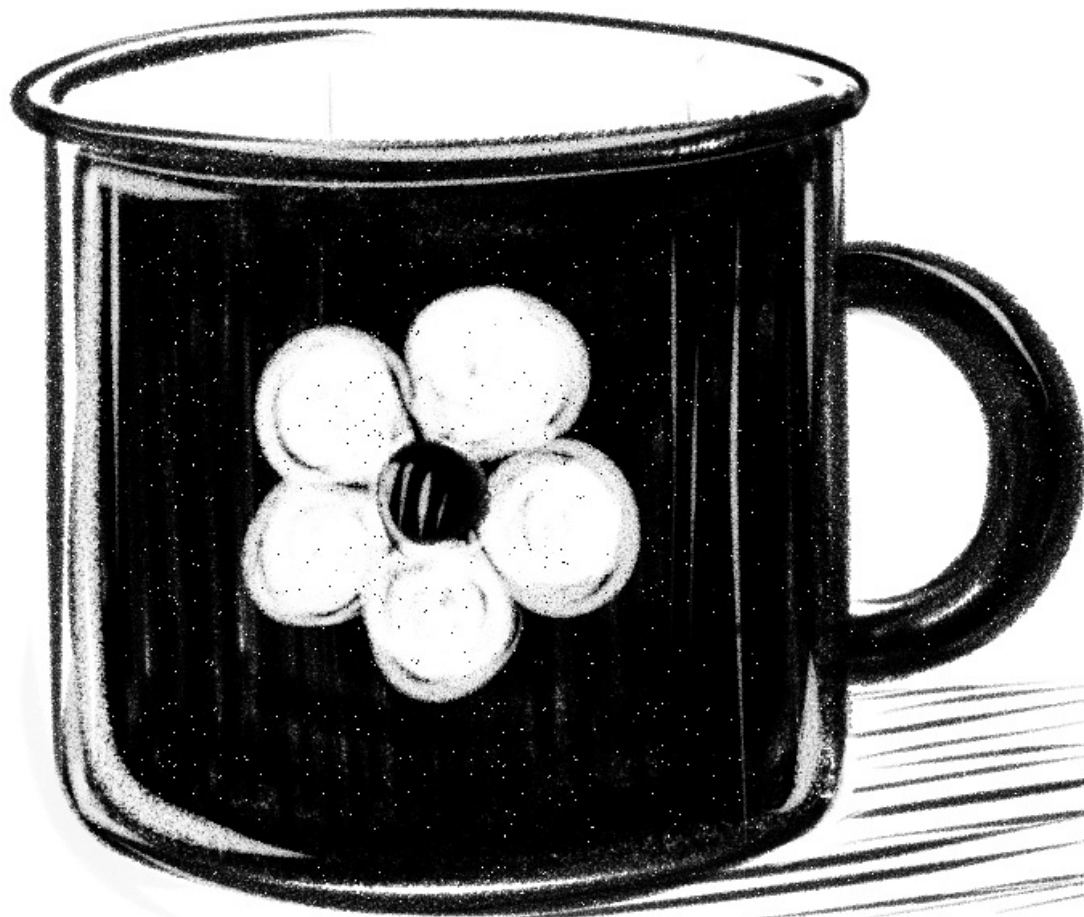
Порой угрюма ты,

Порою очень зла -

Я не в обиде на тебя,

Ведь мало знаю и могу.

Но всё изменится к утру!

Глава 2 Подарки

Солнечный свет, не без усилий преодолевая густые кроны, проникал в комнату. Близились зима, потому утро наступало всё позднее и позднее. Оля неохотно просыпалась, первым делом осознавая, как приятно спать в чистой постели, а не заворачиваться калачиком в спальном мешке, да ещё и в угрюмом танке. Кровать притягивала к себе, вставать совершенно не хотелось. Только вот рука казалась чужой под тяжестью лежавшей на ней Тони. Не беда, милому спящему личику можно было простить многое. Небрежно протерев глаза рукой, Оля принялась будить подругу. Никакие слова не помогали и в ход пошла тяжёлая артиллерия — щекотка.

— Хи-хи... чего ты... ха-ха-ха. Ха-ха-ха! Чего ты делаешь?

— А тебя по-иному не поднимешь, вон, руку мне всю отлежала, — Оля присела на кровати, рука бессильно болталась, но Тоня вновь закрыла глаза, улёгшись на подушке.

— Так, а ну, вставай давай, у нас сегодня полно дел!

— Ай-ай, ну встаю я, встаю. Чего за нос-то снова хватать? — Тоня приподнялась и пробежалась взглядом по комнате, — Интересно, а где дядя Миша?

— Не сторожить же ему нас. Уверена, ему есть чем заняться, — Оля встала с кровати, принялась надевать на себя штаны, потуже затягивая ремень.

— Может он всё ещё в штабе? Сходим, проверим его?

— Оденься первым делом, там и решим.

Как и вчерашний вечер, утро тепло приветствовало их. Только тишина, голый асфальт и побитые здания в округе. Солнце к этому моменту возвышалось над кронами деревьев, слепило прямо в глаза. Яркое и тепло. Рассмотреть штаб поздним вечером не представлялось возможным, но сейчас перед девочками возвышалось большое четырёхэтажное здание с облупившейся краской, выбитыми окнами, кучей проводов и большими антеннами на крыше. Сложно было представить, что там всё ещё функционирует что-то.

И вот девочки оказались напротив той самой двери на третьем этаже, а за ней ничего. На напористый стук в дверь никто не откликнулся. Обдумав ситуацию, решено было побродить по зданию. Проходясь по правому крылу на первом этаже, они услышали отчётливый храп. В комнате их встретил смердящий запах перегара и Михаил, который спал, повернувшись к спинке дивана. Тоня не сразу вспомнила этот запах и на автомате зажала нос рукой.

— А чего тут так плохо пахнет? Водкой что ли? Фу!

— Михаил, — Оля с долей, нет, не разочарования, но тоски и понимания взглянула на него.

— А-а-а, кто? Ик! А-а-а это вы, доброе у-у-утро, ик! Пить хочу... — он медленно перевалился на правый бок, чуть не упав с дивана. Подле него лежала та самая бутылка водки.

— Простите, не думал, что вы так рано проснётесь. Ик! Я ненароком взял, так давно не выпивал. Как-то само получилось. Боже, как же пить хочу, у вас ничего нет?

— Нет, нету у нас ничего. Откуда нам было знать, что ты тут будешь. Пьяным.

— Дурак я, ха-ха-ха! Ой-ой, как же голова ноет. Там же совсем немного было, а меня как выпускника... Ещё же на склад идти, и зачем я только, — Михаил замолчал и уставился на дверной косяк.

— И, встали! — он уже приподнялся с дивана, как начал падать. Оля метнулась к нему, еле успев поймать.

— Тяжёлый какой, уф-ф...

Михаил был действительно крупным и сильным мужчиной, а может всё дело в том, что Оля ничего не ела с самого утра. Кое-как устояв на ногах, она повалила его обратно на диван.

— Простите, ох, как же голова раскалывается. Так стыдно, — он держался за голову, пытаясь прийти в чувство, то и дело похлопывая себя по лицу.

— Дядя Миша, зачем напиваться-то так?

Он неуклюже встал и, тяжело перенося вес с ноги на ногу, открыл окно: — Иногда нужно совершать маленькие глупости, чтобы потом не совершать больших ошибок. А я так, голова немного болит. И! У меня есть для вас кое-что. Для начала, вот, чистите зубы, умывайтесь, — Михаил достал зубные щётки и залежалую пасту из ящика в столе.

— Ага, помним. Утром и вечером!

— Правильно, держите. У меня не убавится.

Чистые зубы, ободряющая прохлада, казалось, именно так и должно начинаться любое утро. Закончив водные процедуры, девочки вышли на улицу, где метрах в двухстах от них уже раздавался звон железок и треск падающих деревяшек. Там же кричал раздражённый Михаил.

— Да где же, чёрт подери!

Вдруг они слышали радостный восклик.

— Нашёл! Наконец-то!

Показался старый велосипед со спущенными шинами и кривым рулём. Михаил вытаскивал его из кучи хлама в одном из складских помещений, выходящих дверью прямо на улицу.

— Уже здесь? Это хорошо. Сейчас пойдём за самым главным. Вон в том большом ангаре всё нужное, а этот красавец на потом, — Михаил похлопал по старой дырявой сидухе велосипеда и приставил его к стене.

Захватив большую тележку, все направились к ангару, где взяли пять 30-литровых бочек с топливом. Не каждый сможет с похмелья вообще встать, а Михаил удивительным образом даже смог привести такой груз в движение.

— Стоять. Так вы же и не завтракали?

— Да, не в первый раз уже, — Оля равнодушно пожала плечами.

— Так, непорядок, завтрак — это самый важный приём пищи. За мной! Воды главное не забыть, будем кашу варить. И вкусно, и полезно.

Рецепт каши прост и понятен любому: огонь, вода, крупа. На импровизированной кухне, созданной на развалинах бывшей огромной столовой, Миша включил газ — газ этот хранился в больших баллонах — на огонь поставил крупную кастрюлю, а на стол около неё двухкилограммовый пакет гречки, вновь ушёл. Девочки уселись ждать.

— Не люблю я кашу, скучная она. И пресная, — Тоня с толикой обиды взглянула на закипающую воду.

— Ты её каждый день ела, а сейчас решила нос воротить? — Оля сама повисла взглядом на кастрюле.

— Вот почему снова она?

— Не возмущайся, каша полезная.

В этот момент вернулся запыхавшийся Миша: — Вы чего ждёте? Гречку кидайте, вода выкипит!

— И правда.

Оля резким движением руки вскрыла пакет и высыпала содержимое в кастрюлю. Бульканье ненадолго прекратилось, оставалось ждать.

— Тонь, Оль, вы вообще откуда?

— Какой-то научно-исследовательский центр около Челябинска, — Оля всё продолжала смотреть на гречу в кастрюле, — Помешивать надо.

— Да, надо бы.

Некоторое время они стояли в тишине, пока Оля наконец не продолжила.

— Первые месяца два были как в тумане. Помню, как проснулась, как встретилась с Тоней, как гуляла по институту, по лесу. Лето было. Это лето. Ничего конкретного, если подумать. Как мы 57-й нашли. Нетронутый, со «Светой» внутри. Там в институте и еда была, и вода. А почему мы оттуда уехали, я не очень помню. У трупа бывшего работника документы были, а там Москва упоминалась, вот мы и поехали. Глупо вышло.

Оля смотрела на горящую конфорку, отдалённые догадки мельтешили в голове: — Может, уже сварилась?

— Да. Держите тарелки и присаживайтесь.

Тоня продолжала сокрушаться: — А разве она не должна настояться?

— Тоже правда. Ладно, сами положите. Пойду сделаю кое-что, — он направился к выходу. Опять.

— Дядя Миша, а ты есть не будешь?

— Я не голодный, наедайтесь.

— И чего он только столько носится, — Оля проводила его взглядом, бурча под нос. — Неугомонный.

Надежды найти что-то интересное в шкафчиках разбились о керамическую действительность. Зато есть куда кипяток разлить — по кружкам. Забытая всеми полупустая солонка, толку от неё теперь ноль. Смирившись с поражением и за неимением альтернатив, Оля положила две тарелки источающей пар гречки и уселась есть.

— Чего ж ты так привередничаешь. Одной банки свежей тушёнки хватило, чтобы тебя разбаловать? — она пододвинула к Тоне тарелку.

— Эх, что поделать. Приятного аппетита.

— Приятного. Дуй, а то обожжёшься.

Не прошло и минуты.

— А почему греча? — при всей своей бестактности с набитым ртом Тоня не говорила.

— Опять ты о ней, — тихо возмущилась Оля, — Что ты имеешь в виду?

— Греча-греча-греча. Повтори с десяток раз, звучит странно, — сказала она и сунула ложку в рот.

— А что такого? Греча есть греча. Что не так?

— Ну, вот, почему греча — это греча? Кто так решил?

— А кто их знает. Миру столько лет, вот кто-то придумал — все так и говорят.

— Получается можно назвать всё что угодно и как угодно? Хе-хе.

— Ещё чего. Слова же имеют привязку, контекст там. Можно, конечно, играть с ними ради шутки или сравнения, но если свинью собакой назвать, то собакой она не станет.

— Так это же глупо, зачем так делать?

— Делают же. Обманывают люди друг друга и постоянно. Ты тоже говоришь, что винтовку чистишь, а может оно и так, только ты так развлекаешься, а чистка уже дело десятое.

— Ну чего ты сразу, — Тоня нахмурилась.

— А ничего, говорю не трогай, маленькая ещё.

— Сама-то.

— Дать бы тебе ложкой по лбу, только марасть тебя гречей не хочу. Ешь спокойно, а то ещё вопросы странные задаёшь.

— Не странные, стало интересно — вот и спросила.

— Займи себе голову знаешь чем? Название поездке придумай. Может, будем дневник вести или заметки какие.

Следующие минут пять они сидели в тишине и почти доели, когда Тоня снова оживилась.

— Это сложно.

— Чего сложно? А! Ну, у разных проектов есть кодовые названия, а у солдат позывные, от этого и отталкивайся.

— На корпусе у танка же цифры есть!

— Двадцать один которые?

— Они самые.

— И что ты предлагаешь?

— У нас же есть примерный маршрут, как и куда ехать? Тогда пусть называется... — Тоня чуть выпрямилась, а следующее сказала самым басистым басом из подвластных ей, — Маршрут — Двадцать Один!

— Ндам, звучит. Главное — не забудь потом. Давай посуду, сейчас помою и пойдём.

Мыть приходилось скребком и почти закончившимся куском мыла. Вода была холодная, и, в попытках отмыть злосчастные тарелки с ложками, Оля начинала сама проклинать эту самую гречу.

Из комнаты девчонки забрали все свои вещи, направившись искать Мишу, благо то было не сложно — шум со стороны главной улицы явно намекал, куда стоит идти. Михаил разгребал мусор, перетаскивая в укромный угол какие-то металлические конструкции и крышки.

— Поели? А посуду вы помыли? — Миша держал в руках большую металлическую бочку.

— Да, помыла. Наслышаны о грече, что в бетон превращается.

— Ха-ха-ха, это да, хорошо, — его смех резонировал в бочке, стал раз в десять ниже и громче.

Интересовалась Тоня: — А ты чем занят?

— Увидите. Когда заправим вашего стального друга, приедем обратно, тогда всё узнаете.

Миша наконец взялся за ржавую тележку с канистрами. Лесные массивы по обе стороны защищали от назойливого ветра. Лишь немного смущал тот факт, что не изменилось буквально ничего. Всё та же дорога, те же машины, те же деревья. Когда едешь исключительно вперёд, не оглядываясь назад, не обращаешь внимание на то, что позади тебя всё остаётся прежним. Ты увидел и ушёл, а вещи, находящиеся там, будто застывшие во времени, уже и не существуют вовсе. Будто всё поставили на паузу, команда «Мотор» уже не

прозвучит, и даже одинокий дятел в лесу не будет никем услышан. Что уж говорить, когда и сам дятел давно пропал и неясно, вернётся ли он вообще в этот лес. Вдруг ветви сомкнулись над головами, образуя длинный туннель, что с неохотой пропускал солнечный свет. И почему именно это? Будто что-то именно сейчас захотело напугать, остановить, но не может, да и человеческая воля гораздо сильнее какого-то природного страха.

Миша продолжал рассказывать истории из жизни, своего детства, школы, техникума, с армейских времён, но на просьбы рассказать о последних проведённых годах отвечал сухо: — Ничего интересного. Сам он становился на этой фразе отрешённой, на лбу проступали морщины, взор опускался на горизонт. Видно, помнил он всё очень хорошо и ворошить эти воспоминания совершенно не хотел. Мало кто способен сохранить рассудок в таких условиях, только единичные отшельники или монахи, хотя и им обычно есть с кем поговорить. Даже распорядок дня и увлечения, общепринято признанные как те, что приводят мысли в порядок, не могут вернуть былое состояние ума. Монолог Михаила тёк как горная речка, перепрыгивая с темы на тему, словно ударяясь о камни, в поисках зацепки или подсказки для ответов на собственные вопросы.

Вот кампания прошла место встречи — малое КПП. Миша был на удивление спокойный, лишь переменялся в лице, когда уголки рта чуть приподнялись. Оля начинала понимать — молился он вовсе не за свою жизнь, и вовсе не за спасение. Возможно, это вообще была не молитва, а что-то вроде благодарности.

Тоня по бескультурью перебивала Мишу, но он только рад был отвечать на её вопросы. «А как мотор работает? А каким образом свинец от радиации спасает? А капсуль почему взрывается?» — И ещё многие другие. Оля не часто слышала такое от подруги, хотя знала ответы на многие, а потому даже немного расстраивалась, но продолжала молча идти, вглядываясь в пересечение неба и щебёнки в поисках 57-го. Уже был полдень, когда они наконец приблизились к нему.

— Вон он, вон! — Тоня радостно воскликнула.

Михаил был прав, можно было не волноваться: 57-ой стоял нетронутым. Удивительно: танк, разработанный ещё в пятидесятых, на ходу, после войны, да ещё и переоборудованный. К нему было припаяно много дополнительных карабинов, стальной ящик, а боевое отделение было увеличено почти на треть, что в ширь, что в длину. Такой большой кармой и несуразным видом он немного напоминал шмеля. Тоже нелепый на вид, с большой попой и очень полезный.

— Орудие рабочее? — Миша отпустил тележку, пойдя рассматривать чудо человеческой мысли.

— Да, дядь Миш, мы пару раз стреляли!

— Фугасными. Нужно было пробить кое-что, — уточнила Оля.

— Хочется увидеть того гения, что создал такое, — Миша открыл машинное отделение, — Даже двигатель не оставил в покое! Я же на механика учился, вроде, что-то да помню из этого... Вам тут и масло нужно и воду менять. Бедный аппарат, ещё пару дней так и он у вас помрёт на ходу.

Михаил схватил первую канистру и направился заправлять баки: — У вас лебёдка хоть есть?

— Нет её у нас, откуда ей взяться? — ответила Оля.

— Плохо. Старым путём не доедем. Легковушки мы, может, раздвинем на этой махине, но «ЗИЛы». Хотя, — он по-отцовски положил руку на корпус 57-го, — Как же я давно не

видел рабочей техники, аж душа радуется!

— А что, поломана вся? — вопрошала Тоня.

— Да чего уж там, не вся, конечно. Но та, что на ходу, фонит невероятно. Пытались вот после активных боёв расчистить завалы, а там снова атака, и снова. Поздно все поняли, что дело это глупое, и много техники побросали.

— А что случилось?

— Ну как же. Ядерный удар. А в округе люди, завалы, спасать всех надо. В исполкоме у нас в Свердловске всегда были все сердобольные, да и волонтёров очень много. Как началось всё, неделю или больше Москву не было слышно, а люди с пригородов, окрестностей бегом завалы расчищать, помогать, в военкомы направились, совершенно забыв об опасностях, что за собой такой взрыв несёт. До этого никто такое оружие в войне не использовал, а взаимопомощь и патриотизм от радиации не спасают, к сожалению. В итоге только хуже сделали. По-человечески, по-людски, но хуже. Держитесь подальше от всяких железок и техники, — он с тоской взглянул на Тоню и направился сгружать остальные канистры в танк.

— Я закончил. Ну, что, мехвод, заводи машину!

Оля обернулась через плечо: — А тележка?

— Ай, потом заберу, у меня их и так с десятков. Поехали уже!

Оля пожалала плечами, все забрались в танк.

Пришлось постараться, чтобы двигатель завёлся. Он запыхтел, зарычал и тут же повалили чёрные, густые клубы дыма. Трёхтонный агрегат двинулся неохотно, постепенно набирая скорость. Гусеничные траки давили грунтовую дорогу под собой, раскидывая щебёнку во все стороны. По всему лесу раздавалось гулкое эхо от работающего мотора, предназначенного в своё время для лёгонькой Победы, а сейчас служащему боевой машине, созданной в первую очередь для ведения войны. Высунувшись из рубки, Тоня смотрела вперёд, будто капитан корабля, а Оля хорошо управлялась с рычагами. Даже будучи девушкой, ей не составляло большого труда манипулировать старым, скрипучим механизмом. А вот визор на месте водителя был довольно мал, и сама Оля была не очень высокой, хотя выше Тони, потому всегда подкладывала себе что-то на сиденье, чтобы быть чуть повыше.

Поездка обещала быть недолгой. Спешить не уда. Михаил рассматривал переоборудованную рубку. Снизу прикрытые ящики с десятком сухпаев, какими-то закатками, крупами и бутылками воды. Над ними располагалась широкая доска метра полтора длиной или больше, на которой ночью и спали девочки, укутавшись в спальные мешки. Всё та же старая керосинка, «Света», и ещё всякое по мелочи.

Тем временем компания выехала на шоссе. Можно было не рассчитывать на тихую поездку, но того и не требовалось. В иной ситуации хотелось заткнуть себе уши, но рёв мотора и брэнчание железок привносили в очередной день долгожданную живость.

Как и предполагалось, 57-й расталкивал легковушки, как задира младшекласников. Но вот на КПП, за невозможностью сдвинуть многотонные грузовики, пришлось смести сетчатый забор с колючей проволокой.

Когда трио подъезжало к окраинам, Михаил оживился и стал руководить процессом. Только он знал, какими дорогами можно попасть в часть. Если до этого девчонки смотрели на десятки заросших дворов, то теперь им приходилось пробираться сквозь повалившееся фонарные столбы, деревья и даже объезжать подбитый БТР. А вот жёлтый трамвай, что

сошёл с рельс и перевернутый троллейбус. Груда металлолома с длинными усищами. Фары разбиты, стёкла выбиты, а колёса спущены.

В Свердловске население было около миллиона, но машин на автострадах или в городе меньше, чем могло быть, если так присмотреться. В СССР никогда не было много личного автотранспорта — дорогой и очередь выстоять надо, да и с развитым общественным он был многим попросту не нужен. Двадцатиминутная прогулка была куда лучше, чем лишний раз покупать бензин, спорить с автолюбителями, чинить всё за свой счёт. Но это же статус! Да и если напрячь память, Тоня вспоминала, что папа любил возиться с мотором от Запорожца. Бранился на него часто, но машину любил. Такое дорогое хобби, да и от двух женщин в квартире хороший способ отдохнуть, чего Тоня признавать не хотела. Отец очень её любил, а думать про него сейчас что-то такое было в её понимании непозволительно.

Несколько столовых и магазинов, бывших ларьков: одни с мороженым, другие со свежей, на тот момент, конечно, газетой. Разбитая аптека бежевого цвета, которая, однако, не была разграблена. Это было помещение на углу жилого дома дореволюционных времён. В этом районе они остались, как достояние истории. Десяток штук. А теперь целых так всего тройка, другие превратились в руины. Осиротевшие стекольные рамы напоминали о произошедшей трагедии. На прилавках стояла сотня склянок различного содержимого, благо на большинстве из них остались нетронутые этикетки.

— Нам бы взять чего, — Оля приоткрывала дверь, но Тоня протиснулась вперёд раньше.

— У вас совершенно ничего с собой нет?

— Ничего. Совершенно ни-че-го, — Оля принялась рассматривать первую попавшуюся на глаза склянку.

— Лучше положи на место. Сейчас я вам всё нужное и ненужное сам соберу, — Михаил пошёл за прилавок, где принялся разгребать мусор.

— А это что такое? — Тоня подбежала к нему и показала упаковку таблеток.

— Да тут и названия нет, по виду что-то для живота. Дай-ка посмотрю... Да, жёлтые с полоской, жаль названия не помню. Берите, лишними не будут.

Он отдал блистер Тоне, продолжил копошиться в вещах. Она в свою очередь с важным видом пошла к Оле и вручила ей ещё две упаковки.

— Куда нам столько, мы же не питаться ими собрались.

— Пойду ещё что-нибудь поищу, — Тоня побежала в подсобку.

— Только не пробуй там ничего.

— Сейчас все таблетки съем, моргнуть не успеешь!

— Вот что мне с ней делать? — Оля наблюдала за Мишей, как он открывал шкафчик за шкафчиком, рассматривая остатки содержимого.

— Хе-хе, ничего. Она хоть и ребёнок, но очень умная, — он встал, держась левой рукой за спину, а в другой держа пакет, — Вот же гадство, я же не старик ещё. Так, смотри. Тут бинтов да побольше, широких. Зелёнка, йод, пирамидон, мазь вишневого, те таблетки ты взяла. Вот жаропонижающее, ещё аспирин, нашатырь, обычный спирт, антисептик, ножницы, активированный уголь. Антибиотиков я давать не буду, только хуже себе сделаете. Прививки у вас все нужные имеются, а в случае отравления обильно воду пейте и постельный режим. Вроде всё, держи, пойдём за фармацевтом.

Тоня сидела в окружении раскиданных тут и там коробочек, рассматривая одну за другой: — Тут такая куча всего! Правда я не помню ни одно из названий.

— Ты чего тут устроила? Пойдём, немного осталось до части, и так задержались.

— Интересно же, да и кому помешает?

— Так, не ссориться, по мелочам уж тем более. Плюньте, сам потом всё соберу, — Михаил стоял в проходе, облокотившись на дверной косяк.

— Нельзя так, ты чересчур добрый.

Тоня схватила охапку коробок и скинула их всех в один ящик.

— Ну всё, всё, пойдёмте, мне ещё нужно вам кое-чего показать.

Михаил ушёл искать моторное масло, девчонки же остались наедине с плацом, что, казалось, простирался на километры во все стороны. На фоне такой звенящей пустоты накатывало ощущение собственной крохотности и незначимости, отчего в голову начинали пробираться самые разные черви. В попытках как-то отвлечься, Оля принялась лениво смотреть по сторонам, но взгляду было не за что зацепиться.

Везде одно и то же. Аж спать охота. Куда ни глянь — ничего, только побитые казармы вдалеке. Иди туда или сюда, а разницы никакой и конец один. Даже страшно становится, будто за этим всем в действительности больше ничего нет. А есть! Но разве чем-то оно отличается от этого вот безразличного асфальта? И ему и этому наплевать на нас — ничем не отличается. Никого нет, а с людьми и восхищение и вдохновение и даже грусть вместе пропали. Нет, они остались, но их так мало, что и нет почти. Хотя, если при спокойной жизни отказываешься открываться другим, то тухнешь, чувствуя всё меньше, а без окружающих теперь уж тем более. Будто стоишь на парковке, огромной, а на ней расчерчены белой краской полосы, отводящие каждому своё место, а их освещали фонарные столбы. Они в любом случае неспособны подарить свет каждому нуждающемуся, но есть хотя бы что, и где, и кому освещать, значит, и столбы, и полосы не просто так там находятся. А если машин нет? Так, значит, убери ты это всё, оставь один асфальт, ничего не изменится. Вот поэтому и разницы никакой нет, что всё ради себя жить стало. А если всё одинаковое, то и бояться чего-то конкретного как-то глупо. Да и разницы нет получается никакой в жизни, потому что всё равно умрёшь, а жизнь любишь, потому что умереть боишься, а умереть боишься, потому что жизнь любишь. А если разница в чём-то есть, только если она как-то используется, то и жизнь от смерти не отличается, потому что они ради друг друга существуют? Ладно, и зачем этот замкнутый круг нужен? В какие-то дебри уже полезла. И где этот Миша, а? Я в философы не записывалась! Только в пионеры, а там такому не учат, к несчастью, наверное. Зато музыке училась, может, сыграть на гитаре бы смогла, и искусству, даже самолёты фанерные клеила. И радио мастерила. Только как, и где, и чем? Ничего в голову не лезет. Ощущение, будто слово на языке вертится. Вроде и заново переживаешь, а что конкретно — неясно. И со словом так! Смысл и значение помнишь, но, что именно это за слово: помнить — не помнишь. Вспоминаешь даже что-то, что совершенно к делу не относится — раздражает. Да даже имён одноклассников не помню. А может я их и не знала? Да нет, как можно за десять лет имена не узнать? Бред какой-то, не могла я в четырёх стенах столько лет прожить! Только всё равно вместо лиц в памяти болванчики остались. Может, вру самой себе? Голова не болит, и почему не могу вспомнить?

Тоня продолжительное время наблюдала за Олей, которая полушёпотом, склонив чуть голову на бок и облокотившись о борт, что-то рассказывала. Любопытство взяло верх, и она хлопнула подругу по плечу: — Оля, ты как? Что с тобой?

— Я? Просто задумалась. Пойдём к Мише, а то вдруг чего случилось.

На складе торжествовало царство сотен тысяч пыльных стеллажей, что душили всей

своей блеклой сущностью, обречённой хранить какие-то безделушки. Ещё тары, которые уже никогда никому не понадобятся. Как и утром, Михаил яростно ругался на происходящее, на вещи, то и дело валившиеся у него и на него. То ведро с грохотом упадёт, то швабра какая или ящик, а может, и всё сразу. Оля машинально закрыла Тоне уши.

— Да где же эта дрянь?! Каждый раз одно и то же, никогда ничего найти не могу!.. Ах ты ж, проклятое ведро! Ещё немного и я это стеллаж опрокину к чёртовой матери! — он почесал голову и, обернувшись, заметил девочек.

— А, вы тут? Всё не могу масло нужное найти. Точно помню, тут где-то было.

На месте, с которого на него упало ведро, чуть дальше, красовалась пятилитровая бутылка желтоватого оттенка. Он приставил массивную деревянную лестницу и проговорил что-то шёпотом.

— Найду ли что? — Тоня спросила его.

— Слушай, тебе бы в шпионы с таким слухом. А так, ничего интересного. Давненько одну вещь посеял, даже не знаю где.

— Странные вы. Нервные какие-то и грустные, а рассказывать ничего не хотите.

Миша нервно посмеялся, а Оля крепко схватила подругу за руку. Тоня горестливо вздохнула.

Это, конечно, не откровение, что мы много тараканов держим в голове, куда без них? Они в немалой степени определяют нас, нашу личность, характер, мотивы поступков. Разве захочешь делиться этим с каждым встречным? Но сейчас-то, когда не осталось никого, и так всё скрывать? Даже поговорить не хотят. Мы же тут не партизаны!

Миша и Оля лишь почесали головы да побрели вместе с Тоней обратно.

Масло залили, оставалась лишь вода. Михаил ушёл за ней, а возвращался уже с кучей вещей и рюкзаком. Одной рукой он вёл тот самый старый велосипед с новыми шинами, боковыми колёсиками и рулём, а другой держал тряпичную сумку, в которой лежали какие-то железки. Девочки стояли молчала.

— Чего стоим? Тоня, иди сюда, тебе же подарок! Вот, держи. Кататься умеешь?

— Пару раз только садилась, — Тоня попыталась сесть на двухколёсного (на самом деле четырёхколёсного) товарища, но безуспешно. К счастью, страховочные колёсики спасли её.

— Ничего, быстро вспомнишь. Крути и вперёд!

Михаил держал её за плечи, немного подталкивал. Тоня закрутила педалями и уже через пару минут вошла во вкус.

— А ты с велосипедами управляться умеешь? — обращался он уже к Оле.

— С танком же как-то справляюсь. Лучше покажи, чего в сумке принёс?

— Конечно. Помнишь, вчера про камеру говорил? Так у меня их, оказывается, две есть! Первая вот, та самая «Искра». Не урони. Одна проблема, плёночный, а плёнку проявлять надо, да и жидкостей нужно много специальных, неудобно в общем. Но! Есть один специально для вас, — он достал другой фотоаппарат довольно неказистой формы, будто сделанный в спешке, и картонную коробочку, — Думаю, это что-то вроде рабочего прототипа. Представь, фотографируешь и он сразу фото выдаёт, вот тут из щели выползает. Не знаю, как он смог к нам попасть, но вещь интересная.

— И что, оба рабочие? — Оля взяла второй, он был полностью из железа, довольно увесистый, квадратные кнопки, а объектив при нажатии на них ходил взад-вперёд с характерным резиновым звуком. Вспышки не было.

— Конечно, я проверял. Где там Тоня? Давайте сфотографируемся на память.

— Тоня-я! Езжай сюда! Ты где?

— Как тормозить?! — по правую сторону послышался крик.

Михаил встал в позу вратаря, широко расставив ноги и руки, готовясь к удару.

— Я же так врежусь! — Тоня закрыла глаза, а именно сейчас перед велосипедом нарисовался злополучный камень.

Страшно!

Убьются же.

Картина маслом: Михаил с грохотом падает на спину, Тоня каской чуть ли не выбивает ему челюсть, после чего вдвоём они распластываются по асфальту. В метре над ними кувыркром пролетает велосипед, преодолевая четыре метра и с треском падая на землю.

— Я... я... — у Тони спёрло дыхание.

— Вы в порядке? Тоня, Миша, да как так можно вообще? — Оля подбежала к ним и подняла с Михаила подругу, отряхнула её, вытерла слёзы, осмотрела, — Не зря каску носишь, дурёха!

— Не кричи на неё, это я забыл на велосипед тормоза прикрутить.

— Да у тебя же кровь идёт! Вон, на ноге.

— Да? Пустяки, само заживёт. Сотню раз уже всякими железками царапался. Не просто же так от столбняка прививали, ха-ха-ха! — Михаил встал, его лицо исказилось в гримасе боли.

— Так, стой тут, я сейчас всё нужное принесу, — минута и у Оли в руках была вода и новый бинт, — Садись, штанину задери.

— Нормально всё будет.

— Упрямый! Садись, кому говорю? Я помню, как бинты накладывать.

Крепкая штанина не спасла от педали велосипеда. Рана была широкая, кривая, не слишком глубокая. Главное, что кость не повреждена. Перебарывая собственное отвращение, а Оля не прогуливала уроки НВП в школе — забинтовать ей было не сложно, она вылила на рану воды. Кузнецов чуть поморщился.

— Подумать только, почти тридцать лет, а мне ногу девушка перебинтовывает, — Михаил почёсывал щетину, смотря на Олю.

— Дядя Миша, прости, я не хотела...

Оля разозлилась: — А ну, всем молчать! Что на уме вообще?

— Эх...

— Вот именно, что «ЭХ»! — Оля сделала последний оборот и закрепила бинт.

— Чего же ты злишься так? Всё же обошлось. Давайте лучше сфотографируемся, с самого же начала хотели, — Миша из ниоткуда принёс ту самую жестяную бочку, поднял побитый велосипед и облокотил его о танк. — Идите сюда, чего настроение портить.

Оля по обыкновению вздохнула и, приобняв Тоню, встала около 57-го. Михаил расположил камеру на бочке, поторопившись в кадр. Глухой «чик».

— А теперь, Оля, давай сюда тот, — Миша настроил чудаковатый кусок металла и вернулся в кадр.

Тоня успокоилась, стояла счастливой, глядя прямо в объектив, Оля же лишь немного приподняла уголки губ и вовсе смотрела куда-то за камеру. Теперь же прозвучал громкий «тык» и из нижнего отделения у камеры выехало фото. Оно было ярким и чётким.

— Как классно! А нам такой можно?

— Забирайте, мне «Искры» хватит.

Михаил похлопал Тоню по каске, вручив коробочку с бумагой. Обрадовавшись, Тоня поспешила в рубку, где начала оживлённо что-то искать.

Вдруг Михаил обратился к Оле полушёпотом, положив руку на плечо: — Она не должна пережить всё то, что пережили мы. Ты, конечно, тоже ещё ребёнок, но защити её, хорошо? Понимаю, как тебе может быть страшно, и я бы пошёл с вами, но не могу — пускай из меня никудышный солдат, но присягу я предавать не собираюсь. Понимаешь, никого не осталось. Лучше не ругайтесь лишний раз, и это вас не единожды потом спасёт. Берегите друг друга.

— Но почему тогда не остаться здесь? У тебя?

— Нельзя. Да, выглядит так, будто тут спокойно, на деле же всё может измениться в один момент. Вы в Москву едите? Правильно?

— Угу.

— Это хорошо, цель — это всегда хорошо. Я не многим могу помочь, разве что вот: пара бронежилетов на вас и консервы.

Оля взяла их, большие и увесистые.

И почему выходит так, что весь креатив и наука, как правило, на прямую связаны с попыткой кого-то убить и не умереть самому? Взрывчатка, стройматериалы, медицина, транспорт и много чего ещё. Неужели, война и правда двигатель прогресса? Или просто самое запоминающиеся и простое средство из прочих?

Из-за танка уже успела выбежать Тоня.

— Дядя Миша, держи! Это моя старая кружка. Немного, но хоть как-то отплатить тебе за подарки.

Потёртая железная голубая кружка. Ничего лишнего, только ручка немного кривая. Тусклый взгляд Михаила вдруг принял тёплый оттенок.

— Спасибо, спасибо большое, я буду дорожить ей, спасибо, — он смотрел на подарок, его руки немного дрожали.

— Тебе спасибо! — Тоня обняла Михаила, упёршись ему лбом в грудь.

Оля стояла в стороне, не мешала им, обдумывала сказанное Мишей. В голову лезли мысли о маме, но Оля не могла вспомнить ни её лица, ни её тёплых объятий. И это не пустота, всё просто ощущается неправильно, будто перевернулось с ног на голову и слишком неожиданно, буквально в один миг.

— Полдень уже, давайте-ка прощаться, как раз успеете до ближайшего села доехать.

— А как же ты? — Тоня взглянула на него глазами полными непонимания.

— Не грусти. Не могу, я же солдат, у меня есть обязанности! Не волнуйся, я же всё время тут буду. У вас карта с собой есть?

— Да, вот, — Оля вытащила её из кармана.

— Отлично, сейчас всё покажу.

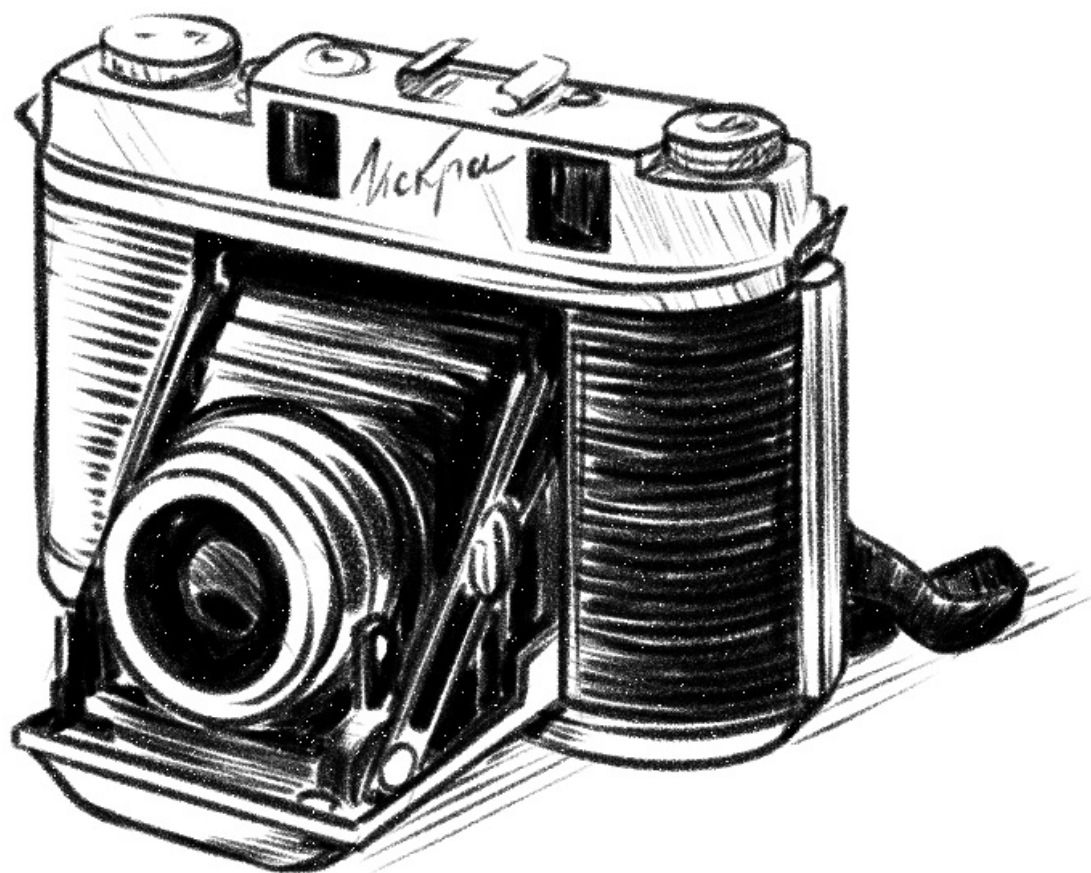
Девчонки уселись в 57-й. Двигатель заводился гораздо охотнее в этот раз, пыхтел пуце прежнего. Плотный и чёрный дым сменился пепельным, жидким. Возможно, это были последние минуты вместе, потому никто не торопился расставаться. После сказанного Мишей, Оля хотела отвлечься дорогой, Тоня же сидела сзади и махала на прощание. Миша махал в ответ. Кажется, они бы прощались так вечно, но совсем скоро поворот, а там лесополоса.

— Пока-пока, дядь Миша!

— Увидимся!

Девчонки скрылись за поворотом.

Не перекладывав вину,
Он обозлился на судьбу.
Устал, ему невмоготу.
Мне больно видеть пустоту,
Но я никак не помогу.

Глава 3 Простуда

Животы урчали, руки мёрзли. Тушёнку, что отдал Миша, съели оперативно — в течении одной недели, о чём Оля уже сильно пожалела. Приходилось часто останавливаться в местечковых поселениях ради провианта и всякой мелочи. Девчонки продвигались медленно, то и дело блуждая и натываясь на места, где уже были, но несмотря на все невзгоды, почти переправились через Уральские Горы. Рубка у 57-го была открытой, поэтому Тоня теперь, как правило, сидела ближе к машинному отделению — там теплее. Она не жаловалась, может, не хотела лишний раз тревожить нервную от плутаний подругу, а может, это было банальное детское упрямство: — «Всё нормально, ничего мне и не нужно!» Оля не замечала того, концентрируясь на дороге и посматривая на карту.

Тоня набрала воздуха: — Апчхи!

— Будь здорова, — ответила Оля вполне спокойно.

— Апчхи!

— Будь здорова.

— Апчхи!!! — Тоня стукнулась каской об обшивку танка, раздался звон.

После некоторых манипуляций Оля остановила 57-й, взглянула на подругу.

— Ты чего? Исчихалась вся.

— Да нормально в... — Тоня зажмурилась, — АПЧХИ!!!

— Поехали обратно.

— Да не надо, всё в порядке... Апчхи! — Тоня утёрла сопли.

— Конечно, нормально, конечно. Не хватало в дороге с простудой слечь!

Подмёрзлая грязь не мешала набирать скорость. По правую сторону невысокий, пологий обрыв, а слева холм. Все лиственницы, берёзы, тополя и дубы успели облететь, оставив лишь оголённые стволы и ветви, кои одним своим видом навевали холод, и пускай многочисленные ели остались в своих хвойных шубах, такая одёжка не казалась достаточным препятствием перед надвигающейся стужей. Оля кинула подруге свой бушлат, та немного отнекивалась, но завернулась в него.

Девчонок с вещами уже припорошило снегом. Техника, как и любой организм, не любит перепада температур, это всем известно. На морозе двигатель становится крайне привередливым, иной раз вообще не хочет заводиться. Совсем скоро придётся тратить гораздо больше топлива, благо сейчас ещё не успело так похолодать.

Девочки уже съезжали с горы, когда пришлось возвращаться обратно, и поэтому довольно резкий подъём давался танку тяжело. Тоня продолжала шмыгать носом, Оля тоже начинала замерзать, однако терпела.

Поселение находилось близ горной речки. Может, это был перевалочный пункт, а может, люди после войны решили обжиться здесь, но сейчас оно пустовало. Никаких благ цивилизации — водяная колонка и та поломана. Только пять изб, из которых две уже успели прогнить. Одна из них, стоявшая надёжнее прочих, стала пристанищем девчонок на ближайшее время. Оля наспех припарковала железного товарища, помогла Тоне выбраться.

Низкая избушка, дверь закрывалась плохо, места внутри немного. Окна маленькие, прикрытые деревянными ставнями. По полу дул холодный ветер — давала знать о себе хлипкая дверь. В самом деле это было сложно назвать избой, за неимением в ней печи. Только старенькая буржуйка около стылой кровати могла стать в таких условиях

источником тепла. Пыльный матрас, а рядом кипа грязного постельного белья. Стоило Тоне присесть на кровать, как раздался пронзительный скрип. Оля зажгла керосиновую лампу, осмотрелась. Ни дров, ни бумаги, ни сухих тряпок — ничего. Лишь в углу стоял широкий деревянный стол и пара стульев.

— Укладывайся, пойду искать, чем печь топить.

— Ты же замёрзнешь, — Тоня принялась снимать бушлат.

— Не замёрзну. Каску снимай и ложись давай, сейчас укрою тебя. Всё, скоро приду.

— Оля-я, — Тоня тихо сопела носом.

— Чего?

— Принеси попить, пожалуйста.

— Сейчас принесу, отдыхай, — Оля взглянула на неё со всей теплотой души, вышла за порог.

От лампы исходил тяжёлый тёплый свет. В руке безымянные таблетки, помогающие при простуде. Тоня проглотила одну, обильно запила водой и залезла обратно под одеяло. За окном вечерело, становилось холоднее. Оля торопилась обыскать избы, что стояли по другую сторону дороги. Ни у одной из них не было печей, лишь узенький дымоход, выходящий за стену.

Ближайшая избышка. Выбитая вовнутрь дверь, разбитые стёкла, скрипучий пол. Некоторые прогнившие доски могли проломиться и под весом Оли. Две сломанных кровати, большая и поменьше. Вторая идеально заправлена. С верхней несущей балки свисали несколько верёвок. В дальнем углу деревянный стол с кучей бумаг, там же рядом лежали и дрова. Оля сняла простынь, скинула на неё охапку дров и бумагу, пошла обратно.

Лампу погасили, убрали в дальний угол. Тоня потихоньку засыпала, глаза слипались, а лоб её был горячим. Сухие газеты и записи отлично горели, Оля методично добавляла полено за поленом. Из трубы плотным столбом повалил чёрный дым.

Вторая изба была чуть меньше. Вместо кровати старая раскладушка, с тряпками поверх неё. Тряпки эти напоминали разорванные мешки из-под картошки, а пол всё такой же скрипучий. Прямо в углу расположилась большая, пустая паутина, оттого не менее пыльная, и воздух тут был тяжёлый и затхлый. Около дальней стены стояла потёртая табуретка, стол, упавшая буржуйка.

— Везде эта рухлядь? — риторически возмутилась Оля.

Ничего интересного, только залитый воском на столе подсвечник и пустой спичечный коробок. Возле них лежал и помятый листок, на нём было что-то написано. Решив, что Тоня в любом случае спит, Оля уселась за стол, уставившись в стену, благо из-за всей беготни было совершенно не холодно. Перевела взгляд на этот самый листок. Даже на расстоянии почерк казался довольно неказистым. Он был рваный, и всё же вполне различимый. Казалось, будто писавший это был очень нервным или с тремором, а может всё вместе. Оля схватила листок, что оказался письмом. Крыша тут уже давно прохудилась, и всю избу с завидной регулярностью заливало водой, однако самый обычный простой карандаш был различим на старой мятой бумаге.

Стоит ли читать?

Любопытство взяло верх.

«Внучек мой, Митя, здравствуй!

Желаю тебе счастья, здоровья, бей этих гадов, как твой дед, бей! Мы все заслуживаем лучшей жизни, особенно ты. За нас не беспокойся. Помнишь, хотел прокатиться с дедом на

лыжах? Мы сейчас на той самой лыжной базе. Вышло перебраться сюда. Только я, да наши соседи с пятого этажа. Дед твой с нами не поехал, говорил: — «Я войну прошёл! Я мужчина, коммунист! Мой долг остаться тут». Ни единого письма от него так и не получила. Отправил меня с твоей тёткой да соседями куда подальше, только обнял на прощанье. Старый дурак. Очень страшно было, а сейчас просто жду день ото дня, совсем старая стала. А дочку Журавлёвых помнишь? Полину. За неделю до всего этого день рождения её отмечали. Они тогда ближе нас к центру были, в магазине. Чудом выжили, но года не прошло, Поле плохо стало. Всю зиму все вместе за ней ухаживали, а в марте она во сне умерла. Андрей с Соней после похорон два дня не выходили, заперлись. На утро только записка на двери, мы дверь выломали, а там они висели. Мельниковы два месяца ещё оставались, не выдержали всего, собрались и уехали в сторону Перми. Тётка твоя совсем тронулась головой, забрала ружьё и ушла куда-то. Я совсем одна, никого со мной не осталось. Митя, возвращайся скорее, всё будет хорошо, я уверена! Нас всех ждёт счастливое будущее, главное — возвращайся. Дед твой — герой, но дурак полный, хоть ты не бросай меня, как твоя мама, как он. Я не хочу, я не могу так жить. Пожалуйста, победите, ты победи и вернись на родину, все вас ждут, я тебя жду. Очень тебя люблю!

Горячо обнимаю. Твоя бабушка Аня».

Может листок уже не в руках, но история успела овладеть головой. Оле приходилось сталкиваться с такими. В школе рассказывали о героях Великой Отечественной Войны. Храбрые пионеры, мужественные лётчики и танкисты, доблестные солдаты и офицеры, бесстрашные артиллеристы, партизаны и пограничники и многие-многие другие. К детям приходили ветераны, которые рассказывали о войне. На уроки приносили и безымянные письма, которые приходили на фронт и с фронта, и бесхозные посылки, и даже что-то своё, что смягчало суровый нрав старого бойца. Десятки разных марок, самые разнообразные почерки и неподдельная искренность в каждом таком крохотном послании. От этого и был слабый, чуть заметный мандраж. Не ясно, кто именно адресат и адресант, что тут произошло и когда. Будто это письмо было маленьким, застывшим во времени, кусочком разрушенного города. И сама история. Судьба девочки, которой было возможно не многим больше или меньше, чем Тоне.

Нужно осмотреться немного.

Оля не сильно старалась найти что-то конкретное, скорее просто пробегалась взглядом по тёмным уголкам в надежде наткнуться на что-то эдакое. Пыль, снова пыль, пустая паутина, снова грязь и снова пыль, неоткуда взявшаяся раскиданная солома, рваная ткань, кучка угля. Удача была не на её стороне.

Может и самой что-то написать? Только что и чем?

В надежде найти что-то чем можно было бы оставить напоминание, внимание пало на угольки. Писать ими сложно, да и неудобно. В попытках поудобнее взяться за один такой, на Олю снизошло печальное озарение.

Чем я занимаюсь вообще? У меня Тоня одна больная лежит, а я тут каракули всякие принялась рисовать. Вот дура!

С долей злости она швырнула уголь об стену.

Зимой быстро темнеет. Луна, следуя своей природе, спокойно убывала, ночь обещала окутать всё густой мглой. Оля схватила охапку старых мешков в намерении накрыть рубку. Порыв ветра ударил в лицо. Вновь пошёл снег. Оля пощурилась, но вдруг расплылась в глупой улыбке, когда щёки и нос покраснели от холода. Белые крупные хлопья медленно

опускались на землю.

Вслед за открывшейся дверью, нос, а затем и лёгкие наполнились тёплым воздухом. Тоня проснулась, дыхание её было тяжёлым, но спокойным. Оля же принялась затыкать мешками щели в избе, в попытках немного утеплить ночлег.

— Как ты? Всё чихаешь?

— Неа, — Тоня помотала головой из стороны в сторону.

— Может пить хочешь?

— ...

— Хорошо, сейчас закончу и ляжем спать, — протяжный зевок наполнил комнату.

Последние поленья полетели в буржуйку, набив её до отказа. Должно хватить на часов шесть, так Оля во всяком случае думала, что не было далеко от правды. Рубашка, отягощающая тело, висела теперь на стуле, а тяжелые берцы, ранее сковывающие нежные девичьи суставы, убраны под кровать, где уже лежали ботинки Тони. На ногах остались только шерстяные потные носки, которым, благо, была замена.

— Оль, а тебе страшно?

— Мне? — Оля задумалась, держа в руках один носок. — Да нет, ничего конкретного.

— Понятно, а мне страшно...

— Ну, чего так раскисла, всё будет хорошо, не в первый раз же болеешь!

— Но мы же совсем одни. Никого нет. И дядя Миша там остался совсем один. Мне страшно, — Тоня спряталась под одеяло. — Я не понимаю. Мама, папа. Когда я болела все были рядом. Все. А сейчас никого, никого нет и не будет.

— Тоня, Тонюша, ну ты чего? Я же тут, всё хорошо, Тося, — Оля залезла в кровать.

— Почему? Сначала мама с папой, а что, если и тебя не будет?

— Тише, ну чего же ты? Всё хорошо, всё будет хорошо, не волнуйся. Доберёмся, узнаем всё. Вернёмся. Всё будет хорошо, и у Миши, и у нас, всё будет в порядке, — Оля нежно прикоснулась к солнышку у Тони на голове.

Девчонки лежали так в тишине ещё долго.

— Не уходи от меня так, пожалуйста, мне страшно.

— Никогда не уйду, не бойся. Извини, что так напугала, — Оля уткнулась ей носом в макушку.

— Ты обещаешь? — Тоня подняла на неё зарёванный, но такой серьёзный взгляд.

— Конечно обещаю, — Оля вытерла ей слёзы. — Ну, что, будем спать?

— Обними меня.

— Конечно, — с облегчением вздохнула Оля.

Рассохшиеся ставни дрожали под порывами ветра. Подложенные Олей мешки делали звук намного мягче и тише, отчего он скорее был похож на похлопывания по старому пыльному ковру. Сквозняк больше не тревожил. Старая чёрная буржуйка стояла в метре от кровати, её тепла вполне хватало этой ночью. Дрова внутри мерно и едва слышно трещали.

Оле не спалось сейчас. Каждый день вспоминала слова Миши, пускай с трудом, возложила на себя весь груз ответственности, хотела быть достойным человеком, по крайней мере для младшей. Продолжала смотреть на подругу тяжёлым взглядом. Из тонкой щели в печке на потолок падали лучики света, которые и сам дрожали, подобно языкам пламени в костре.

И ты не знаешь куда деваться, да, огонёк? И всё-таки дура. Завтра такой тяжёлый день, да и ехать вперёд, пока Тоня не выздоровеет, нельзя. И как тут жили люди? Сложно

представить. Кто тут спал, что делал? Ещё и женщина с ружьём. Вдруг она бродит где-то тут, по лесу? Забавно. Пугает немногочисленных путников. Этакая страшилка, только вместо лешего какая-то сумасшедшая. С лешим-то хоть договориться можно. И тоня такая маленькая, комочек любви прям. Громкая всё время, неугомонная, а сейчас спит спокойно, толком даже не разделась, но так хотя бы теплее.

Глаза постепенно смыкались, Оля зевнула, чуть поёрничала головой.

— Пора бы и мне спать.

Сны стали редкостью. В мире, где нужно выживать, где каждый новый поворот может быть потенциально последним, нет места спокойствию. Голова, уставшая и раздраемая переживаниями, уже не способна была выдать даже кадра такой желанной и счастливой жизни, прошлой или будущей — неважно. Но эта ночь была другой. Оля улыбалась.

Походы семьёй в магазин, поездки в деревню, покупка нового платья и разных безделушек. Пушистая, полосатая уличная кошка. Отец показывает автомобильный двигатель в мастерской. С мамой в выходные в кино или театре. Но, как и тогда, это были смутные воспоминания, скорее похожие на сказку. Казалось, что память играла с Олей, но может, старалась изо всех сил, чтобы восстановить пробелы в самой себе. Старые фото заменялись новой плёнкой. Городские улицы сменились шумом резвого двигателя, видами проносащихся сельских автобусных остановок, поваленным посреди дороги тополем, ощущением грязных, маслянистых патронов на пальцах, пищащим жуком-усачом, увиденным ими летом, и мягкой улыбкой.

Ночь подходила к концу.

Дрова в буржуйке полностью прогорели, в ней остался лишь белый пепел и ещё тёплые угли. Оля нехотя просыпалась и, чуть приоткрыв глаза, сразу потрогала у Тони лоб. Он уже не был таким горячим.

Выздоровливаешь, отлично.

Оля не стала будить подругу, оделась и вышла на улицу.

Раннее утро, слепящие солнце и сугробы, навалившиеся за ночь. Воистину, Уральский климат, который, однако, близь Перми уже должен был утратить власть. Ясное небо. Стягивая зябкое одеяло с 57-го, главное — не забыть надеть перчатки. Стоило потянуть за холщовую ткань и большой снежный настил двинулся вместе с ней. Стихия не тронула вещи в рубке. В ящиках лежал будущий завтрак: сухпай и вода.

Обычно не было возможности разогреть еду, и девочки ели всё холодным, но раз есть печка, даром, что таковой её можно было назвать с натяжкой, почему бы не использовать её? Оля вскрыла консерву тупым ножом и поставила на буржуйку с разведённым огнём. Сухие дрова быстро разгорались, приготавливая не самые лучшие консервы, но это лучше, чем ничего. Немного резкий, но от того не менее приятный запах разбудил Тоню, она медленно открывала глаза и принюхивалась к уже разложенному на столе завтраку.

— Ну чего, проснулась?

— Доброе утро, — Тоня протяжно зевнула, потягиваясь в кровати.

— Доброе. Вот, держи. Руки помой перед завтраком. Сейчас стяну с огня и будешь есть, — Оля осторожно, намотав на руку мешок, словно прихватку, забрала горячую мясную консерву с буржуйки, выставив на стол. — Должно немного остыть и галеты тебе вприкуску.

— А ты? Не хочешь кушать?

— Нет, тебе нужнее, — Оля пододвинула к кровати стол.

— Ну ладно. А что дальше делать будем? — Тоня схватилась за одну печеньку и сунула в рот.

— Побудем тут ещё немного. Ты отдохнёшь, а я поищу кое-что. Может даже сегодня и уедем.

Оля упёрлась щекой в кулак, а другой рукой ритмично отбивала какую-то мелодию. Тоня схватила очередную печеньку и съела вслед за ложкой тушёнки.

— Что искать будем?

— Не будем, а буду. Тент нужен или что-то вроде того. Если дождь застанет, то ладно, но если всё снегом заметёт, то совсем плохо. Не думаю, правда, что мы тут что-то найдём.

— По-нят-но. Слушай, ты же тоже кушать хочешь, — Тоня схватилась за консерву.

— А ну, ешь.

— Голодной же будешь!

— Не буду, — Оля дала ей еле ощутимый щелбан.

— А я говорю — будешь! — Тоня потёрла лоб.

— Не буду.

— Будешь!

— Не буду.

— Будешь!

— Что с тобой делать, а? Съем я что-нибудь, съем, главное — сама наедайся, — Оля вышла.

Тоня ещё немного поела и легла обратно спать, сказывалась простуда.

В сгнившей избе нашлись шило да мыло. Здание больше остальных, но на второй этаж Оля пойти не осмеливалась. Первый уже пугал обилием поломанных досок с то и дело торчащими ржавыми гвоздями. Ниток или чего-то подобного она так и не смогла найти, оставалось надеяться на последнюю, покосившуюся, прогнившую избушку, что меньше прочих. Походила на сарай.

Лыжи, лыжные палки и ботинки, какие-то железные крепления. Тут же лежала и хорошая лопата, и спортивные куртки из непромокаемого материала, которые, может, и напоминали кучу тряпья, но так даже лучше! А в карманах всякий хлам: спички, выцветшие билеты в кино, сигареты и прочее. Лёгкой рукой все находки отправились уже в карман к Оле. Курить она не собиралась, но желание забрать что-то эдакое слишком мозолило мысли.

Отчаявшись и осмотрев каждый уголок, она уже хотела уходить, но тут пыливый взгляд пал на тумбочку для обуви, на которой стояла какая-то алюминиевая коробочка, расписанная розовыми и голубыми цветками. При легонькой тряске она издавала глухой звук. Открыть было непросто, но после некоторых манипуляций с характерным хлопком, будто треугольничек молока лопаешь, коробочка раскрылась. Иголки разных размеров, маленькие заплатки и главное — разноцветные нитки. Оля с радостью захлопнула коробочку и побежала обратно.

Расположившись в окружении более десятка курток, материал которых был плотный и непромокаемый, Оля пыталась вспомнить, с чего стоит начать. Для начала, во избежание всяких болячек, она обработала иголочку медицинским спиртом. Ловкие пальцы вогнали прочную и длинную нить в маленькое игольное ушко, крепкий узел положил начало большой работе. Здоровье не одного пальца было попорчено в этой нелёгкой схватке! Одежда была облита кровью! Оля действительно давно не практиковалась в шитье, но труд и упорство делали своё дело. Десять минут, двадцать минут, тридцать, сорок, и вот две

широченных мужских ветровки были накрепко сшиты, почти как швейной машинкой, пускай что выглядело это очень неказисто. Лишь малая часть работы. Вздохнув по привычке, Оля схватила ещё одну. С каждой новой курткой удавалось справляться всё быстрее.

В гробовой тишине легко потеряться, отчего заработавшаяся Оля не сразу увидела оставленную на столе тушёнку, что успела порядком остыть. Консервы консервами — ничего необычного. Во рту сухие галеты разбухали от слюны и растопленного жира, становясь сочными и вкусными. Единственные ощущения, которые можно посмаковать сейчас, ни на какие иные гастрономические изыски можно было не надеяться.

Всё те же несчастные непромокаемые тряпки познали судьбу салфеток, когда Оля наелась. На некоторых из них были красные нашивки, на других синие, но каждые имели сзади номера. Вот первый, этот второй, а потом сразу седьмой, затем вообще тридцатый. И правда, лыжная база, только странная слишком. Никто так варварски не будет на одежду номера нашивать, для этого накидные есть.

Первый, второй, на перехлёст. Так просто. Может, в другой жизни я могла бы стать швейей или известным дизайнером, придумывала бы всем интересную одежду. Почему нет? Да, мечтать не вредно. Интересно, какого это быть всемирно известным «кем-то»? Художником, писателем, артистом, дизайнером или спортсменом, врачом, лётчиком, космонавтом в конце концов! Такие романтичные профессии со стороны, а на деле сложные. Эх, и почему всё так? Если вспомнить некоторых, они же такими противными и зарвавшимися были. Аж противно. И что, это следствие или причина такого поведения, эта популярность? Точнее, они популярными из-за этого стали или стали такими из-за популярности. В первом случае, значит, кто-то это поощрял, а зачем такое поощрять? А если второе? Я такой быть не хочу. Так и что, может, что-то потаённое в характере открывается? И виноват ли тогда человек, если сам он не знал, что таким стать может? Глупо, пожалуй, его одного винить, но я такой точно быть не хочу.

Ощущение иглы, протыкающей полотно, сравнимо перебиранию чёток, время летело незаметно. Тоня начала ёрзать, секунда и одеяло поднялось словно привидение из «Карлсона». Оно присело на постели, подняло руки и смотрело на человека, но смертный был слишком занят, чтобы заметить это.

— Бу!

— Тоня, блин, ты чего делаешь? — Оля замерла, чуть не вогнав себе иголку под ноготь.

— Ха-ха-ха, У-у-У-у-У! — привидение размахивало руками.

— Как я посмотрю, тебе намного лучше, да?

— А привидения не болеют! У-у-У-у!

— А привидения могут быть полезными?

— Конечно могут, но ты разве не боишься-Я-я-Я? — оно нависло над Олей.

— Раз оно полезное, пусть превратится в человека и дальше спит. Мы тут надолго.

— Ну и скучная же ты.

— Если скучно, то можешь помочь. Шить умеешь?

— Да, бабушка учила.

— Тогда хватай ту куртку и пришивай к этой.

— А ты тент шьёшь?

— Ага.

— И долго нам тут?

— Я же говорила, да.

— Тогда хоть иголку и нитку дай.

— Не маленькая, сама возмёшь

— Ты определись, я маленькая или нет?

— Чтобы винтовку брать маленькая, а чтобы самостоятельно шить — нет.

— Бе-бе!

— Не хочешь — не шей, тогда ещё два дня тут просидим.

— Хочу я! Дай коробочку хотя бы.

Девочки сшивали куртки, подгоняли их под размер тента весь оставшийся день. Следующая ночь ничем не отличалась от предыдущей, кроме того, что стала ещё зябче. Наконец, утром они принялись заканчивать грандиозное по своим масштабам лоскутное, цветастое полотно.

— Тоня, держи этот край.

— Держу!

— Так, тут вот последняя дырка нужна, и всё, будем его натягивать.

Шило в очередной раз пошло в ход, делая свою прямую работу, оно протыкало ткань!

— Мы же в Пермь едем, да? — спрашивала Тоня.

— В неё самую.

Оля сделала последний виток и раскрыла широкое одеяло. Длины рук не хватало, чтобы увидеть весь объём работы. Попытки разорвать не увенчались успехом, что девчонок несомненно радовало.

— Отлично вышло! — Тоня схватила руками краешек, и сама попыталась порвать.

— Ага, сама вижу. Пойдём вешать.

В рубке они схватили залежалый моток толстой верёвки. Тоня натягивала полотно, пока Оля, протянув верёвку через отверстия, привязывала их к креплениям на 57-ом. Точно так же они сделали и с обратной стороны. Большое покрывало перевешивалось за корму, таким большим оно вышло. Стихия этой зимой была девочкам больше не страшна, на ближайший месяц уж точно.

— Ну, давай собираться, — с чувством выполненного долга заключила Оля.

— А ты ничего тут больше не нашла?

— Ничего полезного.

— Вот прям совсем ничего?

Оля задумалась, вспомнила о письме, отчего её немного передёрнуло, но виду не подала.

— Не, ничего такого. Только билет в кино.

— Кино говоришь? Дай-ка взглянуть.

— Да, кино. Правда за это время билет уже выцвел, — Оля вынула из кармана смятую бумажку.

— Ком... Колец... солома? А, комсомолец!

— Ага, название кинотеатра. Их часто так называли, «Космос» ещё, например, «Пионер», «Буревестник», «Дружба», «Мир». По-разному.

Хотя многие фильмы и вылетели из головы, в кино Оля ходила часто и знала о чём говорит. Хорошо запомнились, будто в граните высечены были, фильмы про войну — про героев великой отечественной. А о зверствах нацистов снимали документальные фильмы. О геноциде, Холокосте, лагерях смерти. Как нацисты организовали блокаду Ленинграда, а финны им в этом помогали. Как расстрелы, сжигание людей заживо, мор голодом, массовые

повешения, выжигания свастик на теле, калечение и многое другое были для них обыденным делом. Всех убивали, в независимости от пола, возраста и профессии. Всех, потому что советский человек для них был хуже свиньи. Потому что советский человек не считал национальность или расу чем-то определяющим, потому что советский человек считал, что каждый имеет право на счастье. Почти вся Европа смирилась с этим за исключением немногих, кто действительно имел в себе смелость и силы оставаться человеком, кто становился партизаном или работал подпольно, кто боролся против человеконенавистнического нацистского режима, и кому советский человек потом был очень благодарен. Жители Югославии так вообще великие люди, всю войну половину страны, будучи в полном окружении, защищали от нацистов! Вот только документальные фильмы мало кого интересовали, потому что за их просмотром нужно много думать.

Оля любила кино, действительно любила, особенно про Сталинград, бывший Царицын, откуда родом её бабушка. Город, что стал могильной землёй для десятков сотен тысяч солдат, что принял миллионы тонн пуль и бомб. Случайный диалог всплыл у Оли в голове.

«— Нужен Сталинград, так шли бы и строили, зачем мой родимый было переименовывать?»

— Мне кажется, что это будет всех путать. Говорят, что цари и императоры плохие, а целый город в честь них всех назван.

— В том и дело. Если уж они ведут эту пропаганду, то пусть не забывают о том, с чем боролись. Прадед твой, отец мой, сначала белым офицером служил, потом на сторону красных встал, потому что знал, какие зверства учиняли белые по отношению к простому человеку. Наши тоже в этом плане не святые, но всё же. А ты представь, если историю от народа скрывать, то другие её начнут показывать по-другому, а значит, лгать! Вот и нечего её переписывать. В конце концов мы все разные, а история у нас одна. У всех! Вот потом Сталинград этот переименуют и сами будут возмущаться.

— А вдруг в честь плохого человека улица названа была? Или даже город?

— Пусть объясняют тогда это, и сами жители решают в честь кого и что переименовывать. А то они нам про власть народа, а сами без нашего ведома всё делают.

— Ну, не знаю.

— А ты меня слушай, Олюсь, нельзя так делать! Хотят они идею свою в массы нести — пусть несут, но перевернуть, лгать и лицемерить пусть не смеют!»

Интересно, сколько мне лет тогда было? Шесть, наверное.

Оля начала выхватывать из памяти маленькие зацепочки. К чему именно они вели, однако, понять было сложно. Вот, например, любовных историй мало, классику экранизировали, а что ещё? Комедий было по две штуке, может, три в год. Достаточно, фильмы же хорошие, пускай их и не сотня.

Ещё кинотеатры были ухоженные. Однообразные, но так и ходили туда не ради архитектурных изысков. Свиданья, посиделки с друзьями, целое классовое мероприятие, во всех смыслах, да и культурный отдых, между прочим. Можно было и покушать, благо рядом и ларьки с мороженым, и буфеты. А в кино ходили совершенно разные люди. И дети, и старики, и любовные парочки, и суровые работающие мужики, хотя они реже, а на индийские мелодрамы подружки домохозяйки с удовольствием ходили.

Около кинотеатра, в который часто ходила Оля, был и большой красивый парк со множеством лавочек и клумб и с широченными, тенистыми берёзами. Даже одна размашистая ива стояла, и тополя пушистые. И никто там не мусорил. Народ культурный в

этом плане, но ни единого окурка или шелухи от семечек? Странно это, не могут быть все и такие чистоплотные. Всегда найдётся один пакостливый человек, который из внутреннего чувства всемирной несправедливости к нему или из зависти ко всему существу или просто день плохой выдался, что возьмёт, да и нарушит всеобщую идиллию. Однако в памяти это отразилось так, а не иначе.

Неожиданно для себя Оля вспомнила ещё кое-что.

Ленин писал: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино!» Но разве можно за этими словами забывать, что нам всем свойственно чувствовать и горечь, и печаль, и наивную, даже глупую радость, и даже по самым житейским причинам? «Нового человека», отрицая старого, ты не сделаешь. Может, именно это бабушка и имела в виду?

— Интересно, почему? — немая мысль вдруг вырвалась наружу.

— Что почему?

— А, да ничего. Интересно, почему название фильма не напечатали? Вдруг забудешь или ещё что-нибудь.

— Не знаю, может, им бумаги было жалко или стёрлось. А в Перми есть кинотеатр?

— Обязан быть. А ты сходить хочешь?

— Хочу! — твёрдо уверенная в своём намерении, сказала Тоня.

— Если найдём, то сходим. А сейчас, нужно наконец собраться.

Тоня достала из глубоко кармана подарок Миши.

— Сфотографируемся?

— Если только разок. У нас не сильно много кадров.

Задержка пять секунд, фокус на пяти метрах, обратный отсчёт пошёл! Девочки отбежали на центр дороги, позади них были те самые пять избушек и навалившиеся прошлой ночью сугробы снега. Прозвучал долгожданный «Тык» и выехало фото. Всё такое же яркое, разве что немного в расфокусе. Тоня возмущённо вертела кадр в руках.

Что не так?! Я что-то не так нажала?

— Ничего страшного, в следующий раз лучше получится.

Девчонки залезли в 57-й. Теперешний потолок ощущался непривычно, но лучше с ним, чем без него. Ткань была достаточно плотная, чтобы не пропускать порывы холодного ветра, но и декабрьское солнце с трудом пробивалось сквозь неё. Тоня убрала камеру в коробку, где поблизости располагался и набор для шитья. Рычаги задвигались, мотор вновь затарахтел. Оля замерла на мгновение.

Что это всё-таки за место? Кто эти люди? Что случилось с ними?

Но у девчонок была собственная загадка, требующая ответа. Опомнившись, простившись с крохотным пристанищем, они двинулись в путь. Траки теперь гнали по рыхлому мёрзлому пуховику, берёзы и тополя, дубы и лиственницы грелись теперь под добротной снежной шубой.

Мне страшно было в тишине,

Но слышу я твоё дыханье.

Мы права не дадим зиме

Испортить миропонимание

И заковать нас тут в тюрьме!

По пути к городу, будто шахматное поле, чередовались леса и поля, все укрытые белоснежным одеялом. Над ними уже во всю резвился окрепший декабрьский ветер. Высунешься наружу — лицо моментально замёрзнет.

— Оля, Оля, смотри, что там? — Тоня указала на заснеженный холм по правую сторону дороги.

— Церковь, наверное, видишь купола? Вроде даже целая.

Белая церквушка с распахнутыми дверьми одиноко украшала лысый взгорок. Девчонки подъезжали всё ближе, шурясь при взгляде на неё. Блик от позолоченного купола слепил глаза. Казалось, на небе появилось второе солнце, настолько чистой и яркой, будто глянецвый журнал, оставалась эта маковка спустя столько лет.

— Оля, их же раньше очень много было?

— Ага, но не сохранилось почти, а теперь так совсем.

— А эта вот осталась. Зачем их было столько? И сносить ради чего было?

— На уроках истории рассказывали. Как бы это объяснить. В таких же зданиях, церковь или храм, люди собирались вместе, проводили обряды разные, посвящённые Богу и другим святым. Причащения, молитвы, прочие штуки. Раньше же все очень верующие были, а учительница говорила, что такими становятся не от хорошей жизни или может по глупости. Может это и так, я не знаю. Помню только, что у мамы на работе была подруга, так она каждое воскресенье ходила в церковь, её из комсомола в своё время из-за этого выгнали. Добрая очень была и далеко не глупая. А ещё много правил, которых надо придерживаться и помнить. Сложно это всё. А сносили потом, потому что опиум для народа, а нужно с насущными проблемами разбираться.

— Какие, например?

— Что например?

— Обряды и правила, — Тоня проводила церковь взглядом, сунулась под тент.

— Откуда мне знать? Крещение, венчание. Из правил: в некоторые дни что-то делают, в другие нет. Посты соблюдают, когда мясо не едят и другую еду. Там свои причины, а я тонкостей не знаю.

Оля напряглась.

— Так может, заедем и посмотрим? — Тоня с долей энтузиазма обратилась к ней.

— Для начала, в пустой церкви не наешься и не согреешься.

— А что, нельзя просто посмотреть?

— Да, нельзя! Нечего лишний раз бензин тратить и по холоду плестись.

Никогда так на это не злилась, и чего я вспылила?

— Тоня чуть надула щёки и отвернулась от Оли: — Пф-ф, ну и ладно!

Пермь в разгар войны натерпелась в разы больше, чем Свердловск. Деревянные дома в садовых кооперативах были сожжены под фундамент. Гаражные же представляли из себя ряды пустых бетонных коробок, у многих из которых обвалились крыши, а у прочих оторваны ворота. В гаражах были погреба. Люди хранили в них многочисленные полезности: от самогонных аппаратов и закаток на зиму до зимних шин. Но даже так, искать бензин или еду под бетонной плитой, что в любой момент может сорваться вниз, — такое себе занятие.

Девчонки ехали дальше. Промышленные районы. Ранее монструозные, металлические, бетонные и кирпичные, грохочущие, испускающие клубы пара и дыма, конструкционные ансамбли. Заводы и пилорамы, склады и стальные мачтовые краны. Всё срублено войной под корень. Тоня с ужасом смотрела на былое величие Родины.

И почему наш Урал такая судьба обошла стороной? Неужели вражеская ошибка, неудача, плохой план? Самые главные города наши, которые танки, самолёты, станки создавали, остались почти невредимыми. А тут? Будто самое главное было, как можно больше людей погубить!

Выжженный центр всё ближе. Лишь редкие сталинки далеко позади оставались различимы на фоне улиц, полностью укрытых заснеженными руинами. Парки и скверы, испещрённые воронками от многочисленных разорвавшихся бомб, покрылись толстым одеялом, волнами, словно морской пеной, как бушующий океан. Казалось, вся земля отравлена осколками и едким пеплом. И только на площади, одним только ему известным образом:

Ленин

Стоял там,

И всё стоит,

И будет там стоять.

И с правой шаг, и в небо взгляд,

А народа давно нет, ни тут, ни где-либо ещё.

И только матовый бетон, и снег да грязь лежат кругом.

Никому не нужны идеи, заключённые в камне. Их уже совершенно некому нести. Сотня совершенно различных, а ныне бесполезных политических, культурных и экономических «измов». Песок при утрамбовке принимает форму сосуда, но какой смысл от двух песчинок в огромной, сложной, практически фрактальной структуре?

Дороги завалены битым бетоном и кровлей. Девчонки лавировали между завалами, то и дело натыкались на разные памятники, уцелевшие стелы, но не на искомый кинотеатр. Хотя Оля с получаса назад злилась, что лишнего топлива жечь не хочет, сейчас она уже наворачивала круги по одним и тем же кварталам.

Нельзя же так просто сдаваться!

Минут тридцать они ещё ездили кругами. Приняв поражение в этой битве, но не войне, Оля решила остановиться на окраине города, около одного из немногих уцелевших домов. Танк притих, а плечи отяжелели из-за увесистых рюкзаков.

Массивная деревянная дверь. С усилием Оля потянула ручку, препятствие повалилось. Прозвучал глухой удар, снег полетел во все стороны. Свежий воздух проник в подъезд, но гнетущая атмосфера не давала спокойно вздохнуть. Темно и сыро. Разбитая лампочка в плафоне, поломанная доска объявлений, битые бутылки и топтанные газеты, грязь. Снова в ход пошла керосинка, освещающая путь впереди. Плитки на лестничных площадках побиты, а некоторая часть из них заботливо откинута кем-то в угол. Подъездные окна стояли целыми, но, как и любые другие, сокрушались в ставнях мерзким дребезжанием, поддаваясь очередному порыву ветра. Девчонки принялись осматривать квартиры, большая часть из которых была заперта. Первый этаж, второй, третий — ничего полезного. Всё или заперто или совершенно пусто, даже корочки нету хлеба.

Четвёртый этаж.

— И. Эта. Заперта! — Тоня взглянула смотрела на вырванную дверную ручку, — На

пятый тогда?

— Сейчас последнюю проверим... Неужели, закрыть забыли? Или там кто-то есть? —

Оля для уверенности взяла в руки винтовку и зашла в квартиру. — Ау? Есть кто дома?

Широкая прихожая, вещей почти нет, только старое пальто и необыкновенно большие сапоги. Трёхкомнатная квартира, так ещё и кухня, балкон, ванная и туалет. На довольно маленькой кухне пустой холодильник и хлебница, разорванные пачки из-под круп, раскиданные по столу приборы. Ничего съестного, помимо литровой банки мёда в пыльном ящике сверху. И пускай мёд этот давно засахарился и не был таким приятно тягучим и красивым, храниться он мог бы ещё столетия. Немного покопавшись, Оля сунула его себе в рюкзак так, чтобы банка не треснула, обложив всякими тряпками.

Остеклённый балкон, что завален всевозможным хламом. Зимний тулуп устало украшал безвкусного узора рваный линолеум. Тонкая сантехнические трубы в ящике походили на букет, а рваная ткань в нём же на упаковочную бумагу. На приволочённой сюда же гнилой тумбочке одиноко расположился белый металлический ящик со стеклянной дверцей и отходящим от него проводом, что без вилки. Огромная лейка из нержавеющей стали, ведра из неё же вложены друг в друга. Детский трёхколёсный велосипед, пустая стеклянная пепельница на карнизе, что немного под наклоном. Как курить при таком нагромождении хлама известно одним только курякам. Стёкла на балконе целые. На них красовались заиндевелившие узоры, составляющие причудливую картинку, будто листья можжевельника схлестнулись в поединке с сосновыми иголками.

Хотя и раковина, и ванна, и туалет были целы, водоснабжение, очевидно, отсутствовало.

Девочки принялась обыскивать комнаты. Дверь распахнулась, оттуда хлынул затхлый воздух. Большая двуспальная кровать, классический шкаф «стенка», в котором стоял нерабочий «Рубин». На дальней стене висел ковёр-пылесборник, а на полу один, который ещё больше. Около той же стены и пустая одноместная койка, на ребёнка рассчитанная, только голые пружины.

В шкафу, в ящике, что снизу, Тоня нашла непонятное устройство, привлёкшее её внимание.

— Будет тебе кино, Тоня.

— А что это? Проектор такой? Большой какой-то и тут вроде даже динамики есть, — Тоня провела пальцем по натянутому поверх динамиков шуршащему защитному полотну.

— Должен быть он. Навороченный. Посмотри, там есть киноплёнки с кассетами?

Тоня полезла вглубь, откуда вытащила большую коробку с тем, о чём и говорила Оля. Каждая плёнка была схвачена красной резинкой с кассетой и бумажкой, на которой было название фильма.

— Круто! Только электричества нет, — Тоня держала в руках вилку на белом проводе.

— Есть у меня одна идея.

— Какая?

— В 57-ом аккумулятор есть. Главное вот провода нужные найти.

— А ты на балконе посмотри.

— Ну, это чуть позже, посмотрим ещё.

Девчонки вытащили находку в гостиную. Простенькая комната, где стоял квадратный журнальный столик, диван с порванной в паре мест обивкой, рядом книжный шкаф с бюстом Сталина, а по другую сторону дивана большой пустой горшок.

Вторая комната, что ближе к балкону, была заперта.

— Нет, ну не квартира, а какое-то приключение! Туда сходи, сюда сунься, тут закрыто, там пыльно, — возмутилась Тоня.

Интерес брал верх, нужно было выломать дверь. Благо, межкомнатные не входные и их в отличие от последних можно было вскрыть простой фомкой. На эти акты комнатного вандализма у Оли на пару с Тоней сил хватило. Дверь, закрытая на ключ, отворилась.

Занавешенное окно, тумбочка с лампой на ней, письменный стол, а чуть под углом к нему и кресло, на котором был труп. Хватило беглого взгляда, чтобы удостовериться в подлинности увиденного и оторопеть. Судя по одежде: рубашке, довольно хорошим брюкам и ремню — это был мужчина, но вот останки тела говорили об обратном. Скелет был маленьким и аккуратным. Почти голый череп со сквозной дырой в виске, на полу опавшая рука, в кисти ГТ. Ранее девочкам попадались только голые скелеты, от которых не исходил тошнотворный запах. Около тел не было зловонной мерзкой слизи, естественных для гниения жидкостей и выделений. Этот же труп был свежее прочих. Он разлагался неравномерно. Уже белый череп и гниющая кисть с пистолетом в ней сильно контрастировали, особенно, учитывая вторую свисающую руку, к которой прилипла старая тоненькая рубашка.

Тоню начало тошнить, Оля отвела её обратно и усадила на диван.

— Так, посиди отдышись, всё хорошо? Нужно привыкать, — она нагнулась к ней, оперев ладони в колени. — Я там всё проверю. Если хочешь, можешь ещё чего посмотреть, ладно?

— Угу, — кротко, сдерживая не самые приятные позывы, ответила Тоня.

Обратно в злополучную комнату. После открытой, кровоточащей раны, пускай не очень серьёзной, гниющий труп вызывал у Оли лишь отвращение, но не страх. На столе лежала разбитая рамочка с фотографией в ней. Свадебная пара.

Получается, что это успешная попытка уйти от горечи утраты? Как прозаично. Вот так просто потерять единственного или последнего значимого человека.

Образ белёсой церквушки не заставил себя долго ждать.

Может, не так это и глупо, ведь с тобой всегда останется кто-то. Есть он или нет, главное, что ты в него веришь. Но это разве не самообманом? Нас же учили, что самое главное — быть материалистами, а мечта о прекрасном коммунистическом будущем не самообман? Не должна быть, она же строится на научном подходе, а я учила экономику. Разве экономика — это самообман? Но наука же не облегает горечь утраты. Чего же утешительного в факте, что от человека остался мешок с костями? А может, и его не осталось. Идеи, выведенные из простых истин: товарищество, братство, равенство — несомненно важны и нужны, но какой от них толк для того, кто остался один? Человек же живёт в обществе, и как сами классики говорили, не может жить вне его. А если общества нет в принципе, что останется? Либо страдай и пробуй принять произошедшее, либо обманывай сам себя? Всегда есть выбор — должен быть. Думать противоположностями очень вредно!

Вслед за церковью вспомнилось и письмо. Письмо, начинённое историей, что корёжится теперь, кривится во все стороны, да так, что въедается меж извилин, как червяк. Даже тошно становится.

Что же такое?

Олю и саму стало подташнивать, но не от трупа. Давление повысилось, виски запульсировали. Ноги чуть обмякли. Подавив плач и рвотный позыв, она взглянула на

пистолет. Выдохнув и взяв первую попавшуюся на глаза тряпочку, попыталась выхватить его. Раз попытка, два попытка, и всё мимо. Рука сама одёргивается после малейшего приближения к гниющему телу. Липкое, склизкое, воняет. Наконец взяв волю в кулак, Оля решительно схватила ТТ и быстрым движением отряхнула его, протёрла рукоять и убрала находку в карман. Захлопнула дверь, оставив несчастную душу наедине с собой. Ничего больше она осматривать не желала, после произошедшего уж точно.

Магазин потрёпанный, а пружина совершенно не сжимается. Максимум один патрон можно было бы вставить. Последний в жизни. Оля зажмурила глаза и потрясла головой в попытках выкинуть противную картину из головы.

— Тоня! Ты где?

— Тут я! — послышался недовольный голос из спальни комнаты.

По полу были раскиданы какие-то провода и прочий хлам, который, однако, мог и пригодиться.

— Опять хаос устраиваешь?

— Ничего полезного, пойдём на балконе посмотрим.

— Совсем ничего? А на полу, что лежит? — Оля подняла аккумуляторные крокодильчики.

— Прищепки какие-то.

— Прищепки! Это клеммы, крепления для проводов разных. Если получится, сможем и этот фильмоскоп запитать. Только вот, если напрямую подключить, то мы просто аккумулятор сожжём.

— В танке?

— В приборе.

Что нужно для конвертации большего в меньшее, а меньшего в большее? Трансформатор. А где его найти? Не в будку же трансформаторную лезть, да и там техника совсем не подходит. Самим сделать? Я, конечно, физику не прогуливала и на математике не спала, но... Пойти проветриться, что ли?

Оля вышла на улицу, предупредив заранее Тоню, пока та игралась с найденной динамомашинкой и лампочкой.

Точной даты никто уже не знал, но чувство надвигающегося Нового Года витало в воздухе. Может, уставшее от всего происходящего сознание просто хотело праздника? Маленького праздника, маленького подарка близкому человеку, просто чтобы не терять человечности в таком бесчеловечном в самом прямом смысле слов мире. Но как? Хотя бы не день, час, минуту, мгновение забыть обо всём вокруг, отвлечься, вспомнить ту чудесную атмосферу перед биением курантов. Туманную и расплывчатую, давно забытую и потерянную во времени, но такую тёплую и мягкую, как объятия.

Салаты, жареная картошка с мясом, по бутерброду красной икры на каждого и мандаринке. Большой раздвижной стол, парочка новых фейерверков и «Голубой огонёк», пускай с уже надоевшими шутками и песнями. Красная звезда. Большая, с острыми концами и блестящая-блестящая на верхушке ёлочки. Дед опять выпьет литр водки и не подавится, а мама с бабушкой будут потом его спать укладывать и успокаивать, когда вновь он вспомнит про битву подо Ржевом и как боялся потерять всё, получив пулю в голову. Как боялся получить её раньше времени, не сумев защитить семью, родной дом, друзей, развевающийся на флаштоке красный флаг, под которым ещё его дед воевал. Но дедушка не хотел забывать

все эти страхи. Говорил он и не раз, что тревоги эти давали повод жить и знать, что он прав, что он, встречаясь с ними, был силён и духом, и телом. Но и выпить он всё равно любил, что поделать.

Оля в желании отвлечься полезла в 57-й за щётками, потому что о гигиене никогда нельзя забывать и зубной пасты хватит ещё на долго. Она тогда смекнула, что найти что-то подобное потом будет очень сложно и без стеснения унесла с собой десяток тюбиков. Да только сознание так просто не обманешь, а мысль из головы не выгонишь.

Бред какой-то. Она же маленькая ещё, куда ей пистолет, ещё и с патронами. Мало ли что. Не убивать же ей. Да и это не игрушка, чтобы просто так размахивать. А вдруг? Даже думать страшно. Мне с винтовкой спокойнее, может, и ей, конечно, будет. Не знаю. Буду её учить и спугнём кого-нибудь или ещё чего хуже, пристрелим случайно. Да и от кого нам защищаться? Не от кого уже, и я всегда с ней. Странно, почему так мало оружия в округе, разве не должно повсюду валяться? Война же, — Оля схватила за голову, — *Почему я ничего не помню? По! Че! Му! Ничего, совершенно ничего. Пусто, пусто! Не память, а сыр Гнилой и с дырками!*

— Оля-я, ты где? — Тоня выдернула Олю из надвигающегося шпорма.

— Тут я. Тут сижу.

— Чего ты так долго? Уже минут пятнадцать прошло, а тебя всё нет, — Тоня залезла на 57-й и, приподняв тент, глядела на Олю.

— Так долго? Я думала и минуты не прошло.

— Была бы минута, я бы и не пошла тебя искать. Чего пугаешь? Обещала же.

— Извини. Сейчас помогу с фильмоскопом.

Оля прихватила с собой белое покрывало. Девчонки укрывались им в танке, будучи в спальнях мешках, когда не было возможности переночевать где-либо ещё.

Снова пыльные, грязные, чуть скользкие ступеньки. Девчонки вновь зашли в квартиру. Всё на своём месте, никаких изменений. Как удобно. Они уселись в спальняной комнате, где было потеплее, Оля раскрыла очередной сухпай. Галеты, тушёнка, сахар. Полный комплект, по крайней мере. Даже гречневая каша, правда и она холодная. Был бы кипяток, может, и чай заварили. Тёплый, согревающий и сладкий. Кофе иногда попадалось, но в разы реже. Оля глядела на худощавый чайный пакетик.

Значит, по мере войны совсем экономить начали.

Девчонки ели раз, бывало, два в день. Паёк, однако, был крупный. Не будь рассчитан рацион такого на завтрак, обед и ужин простого советского солдата, который точно должен был есть немало, девчонки бы недоедали. Но девушке и девочке на пару этого было предостаточно.

— Оля-я, — Тоня хрустела печеньем.

— Что?

— А долго нам до Москвы ещё?

— Долго. Несколько месяцев такими темпами, — Оля без энтузиазма ковырялась вилкой в тушёнке, всё размышляя, как бы этот своеобразный трансформатор сделать.

— Почему так долго?

— А ты на карту взгляни. Да и едем не напрямик, иначе бензина не хватит. И кушать надо что-то. В общем, успеем к середине весны, может раньше... Если по пути не замёрзнем. Даже будучи друг у друга, каждая новая деревня, посёлок или город вызывали щемящее

чувство страха вперемишку с одиночеством. Сотни и тысячи пустых километров дорог, десятки кварталов и поселений.

Ещё до войны, старый, жёлтый, с облупившейся краской, покосившийся, трёхэтажный, с деревянными оконными рамами, разукрашенными подъездными дверями, ироничными надписями по типу “Вофчик был здесь” — орфография и почерк автора соблюдены. Дом, который был единственным общежитием на весь небольшой посёлок, где студенты техникума вели свою нехитрую жизнь. Там был и водопровод, и электричество, и даже газ, пусть выглядело это очень невзрачно, а очередь в ванну на этаже можно было ждать по часу. И всё же, там кипела жизнь. Своя, понятная и торопливая, но от того не менее размеренная жизнь.

Кто-то слушал музыку, приобретя дорогой и редкий в то время плеер, прогуливая первую пару, за что потом не раз получал по шапке. Кто-то на следующий день был ответственным за посуду, кто-то за вынос мусора, самый рукастый пытался починить то и дело ломающийся в ванне на втором этаже кран. А кто-то втихую ютился в самой хорошо обустроенной комнате со своей пассией и предавался страстной любви. Да, собственно, мало чем отличалось общежитие от коммуналки, так, лишь деталями. И коммуналки эти, общежития лучше прочих олицетворяли быт всего советского пространства. Все вместе! Спорят, бывает конфликтуют, а потом все всех мирят. Влюбляются, живут вместе. Терпят замашки друг друга, но помогают, потому что у всех общая цель. А как иначе? «В тесноте, да не в обиде» — как говорится. Самых буйных могли и всем коллективом дружно вытеснить из насиженного места, написав куда следует и потормошив нужных людей. Без жилья эдакий счастливчик не останется, но вот урок на всю жизнь приобретёт. Хотя, как правило, простого разговора нужного человека с дебоширом с глазу на глаз вполне хватало, чтобы утихомирить странные и непомерные амбиции проблемного гражданина.

Теперь же этот дом, всё такой же кособоким, с потресканной краской и другими атрибутами, был совершенно пуст. Как и сотни тысяч других домов. Деревянных, кирпичных, железобетонных, и все они пусты и смотреть на этот тихий, немой ужас доставляет глубокое чувство обиды и страха. Места эти в сознании и наяву стали совершенно не тем, чем были и должны быть. Хочется уйти, уехать, забыть, что это все произошло и сколько всего не успело произойти. Но это не выйдет.

Тоня спокойно доедала свою порцию. Ей не до таких высоких переживаний. Не до того сейчас, проблемы есть и посерьёзней, а вопросы поинтересней. Нет, конечно, она задавалась ими, но как ребёнок. Ребёнок, которому хочется знать больше и больше, а не потерянный в жизни и переживаниях взрослый. Её любопытство не было наивным, но чистым и искренним.

Только Оля старалась разобраться с грудой щебня, что свалилась на голову, но и еда была не в состоянии отлучить от зыбучей и тёмной трясины, затягивающей глубже и глубже. Лишь общение помогало оставаться на плаву, не утонуть в обрывках памяти.

Сытно отобедав, можно и приступать к делу. Тоня вытащила из прибора аккумулятор, а Оля притащила с балкона медный провод, очень длинный. Варварски был раздолбан в ключья странного вида белый ящик со стеклянной дверцей, а из него Оля достала железный бублик, который скорее квадрат с закруглёнными углами. Требовалось вспомнить заурядную формулу. Юный физик намотал на противоположные стороны разное количество витков и понял, что всё должно получиться.

Вновь улица.

Тоня помогала подруге. Светила фонариком-динамомашинкой куда нужно и подавала провода. Клемма туда, крокодильчик сюда, ещё пару проводов намотать и вроде всё, благо в 57-ом лежали и резиновые перчатки, на случай таких историй. Осталось клацнуть и повернуть пару тумблеров и пойдёт ток. Оля попросила Тоню сбегать за тряпкой.

Опять бегать туда-сюда. Тряпки всякие. Потом ещё вторую метлу попросит, ещё вот ведро с водой потребует или мешки мусорные. Субботник какой-то. Вроде и лень, а все выходили и прибираются, как-то неудобно становится, находясь в стороне. Вот это я понимаю — общественная жизнь. Когда все вместе полезным делом занимаются. Правильно, нечего мне жаловаться. Ради общего подарка стараюсь!

Не дымит, не горит. Вот только сколько ждать было девочкам неясно. На задней стенке у маленького аккумулятора была написана вместимость в миллиамперах в час. Учитывая нехитрые вычисления, зарядиться это должно было быстро. Прождав ещё пять минут, Оля отключила самодельный прибор.

Покрывало разместились на меленьких, вкрученных в стену саморезах, а ковёр был надругательски скинут в угол. Экран получился широким, складок немного, а потому картинка должна была быть отличной, оставалось выбрать кинокартину. Оля видела многие фильмы из находившихся в домашней библиотеке, пусть и не все помнила. Когда она перешла в четвёртый класс, мультики ей резко наскучили. Может, на примере мамы, которая воспитывала в дочери любовь к искусству, а может, само по себе, но новинки Оля не пропускала и ходила смотреть всё и, как правило, одна. Благо, что родители на деньги для дочери не скупилась. Знали, что она их просто так тратить в любом случае не станет. Тоня же похожим рвением не обладала и такое обилие новых названий разрывало её внимание на части.

— Чего посмотреть хочешь? Посоветовать могу.

— Да я и не знаю, всё такое интересное, а заряда на много времени не хватит.

— Про войну думаю не будем. Комедию хочешь? Вот одна хорошая — «Операция «Э» и другие приключения Жорика».

— Ну её то я смотрела, кто не смотрел?

— А вот эту? — Оля схватила одну, на бумажке криво было выписано ручкой — «Джентльмены Фортуны».

— О! А её нет, мельком по телевизору видела только.

— Вот и отлично!

Прибор этот был старенький уже, динамик шипел. Только картинка была без нареканий. Тоня замороженно наблюдала за вполне обычными историями с далеко не обычными юморными развязками. Есть очарование в простой шутке, особенно если сделана она знающими людьми. Не нужно никакого опошления, чернухи и глумления. Конечно, одна такая шутка «на грани» может сделать картину лучше, но это такой простой юмор, что, используя его однажды, сложно будет удержаться от впихивания его в любой неподходящий момент.

Оля мельком поглядывала в сторону экрана, её больше интересовала фильмотека.

И этот помню, и это, и это я смотрела. Вроде и разное всё, а сатирических нет и пародий тоже. Зачем они нужны? Или снимать не умели? Помню, говорили, что низкий жанр. А чего в юморе низкого? Если постараться, то и пародии будут хорошими. Они же

деконструкцию используют и ещё много разных приёмов! Древние же философы писали разные сатиры на злобу дня. В конце концов, даже если плохо выйдет, будет пример того, как делать нельзя. А хороший вкус без плохих произведений не появится, да и новичкам тренироваться надо. Странно. А у этой название отсутствует. Восемнадцать плюс написано... Уберу-ка подальше. Нет, главное — такое найти могли, а как что-нибудь оригинальное, пусть не самое качественное, так шиш там. Хоть какой-нибудь бы баланс соблюдали, куда без него?.. Ой, смеётся. Так это мой любимый момент!

Хоть немного, но этот вечер перевесил чашу весов в сторону счастья. Может это и не праздник, но улыбка на лице близкого человека — это лучший подарок из возможных и Оля начинала именно сейчас понимать это лучше всего.

— Да чего мелочиться тогда? Не завтра, так послезавтра, а значит, можно и сегодня, — посреди сей картины Оля достала из рюкзака ту самую банку мёда, пытаюсь открыть.

— Сразу всё слопать хочешь?

— Зачем временить, разобьётся ещё по пути, так точно не съедим.

Оля изо всех сил старалась вскрыть тугую крышку, засевшую намертво. И ножом поддевала, и тряпкой обматывала, ни в какую не поддаётся. Наконец вспомнив простую уловку, Оля решила эту крышку нагреть. Спички, старые обои, тряпье, раз-два и на лестничной клетке уже был маленький огонёк. Подержав банку близь него несколько минут, потушив костерок, пускай с усилием, но крышка наконец поддалась и комнату наполнил аромат тёплого, цветочного, пускай и засахаренного, но мёда.

Твёрдый и неподатливый, он не хотел пускать к себе блестящую чужеземку, но железной волей и яркой хваткой (ложкой) его оборона была прорвана, и сладкий, оранжевый, чем-то похожий на пастилу кусочек отправился прямиком в рот. Вслед за Тоней и Оля принялась пробовать угощение. Сладше и вкуснее, чем залежалый сахар. И полезнее! Во всяком случае им на это хотелось надеяться.

Праздник живота. Весь язык покрывается обволакивающей тёплой сладостью, аж зрачки расширяются. На фоне утомлённых тягостными днями панелек и избитых войной сталинок, серости и сырости, холода и мрака, такое сладкое жёлтое пятно. Такое же яркое, как волосы у Тони, которые по-хорошему бы в косичку сплести, но Оля, к своему удивлению, не помнила, как, вызывало самые тёплые и вдохновляющие чувства. Девчонки долго так сидели и смотрели фильм. Всё растягивали и тянули удовольствие от каждой новой ложки, черпая мёд одновременно, расплываясь каждый раз в нелепой гримасе удовольствия.

А мысли продолжали терроризировать сознание.

И что это всё значит? Разве сила, так вот взять и перечеркнуть своими же руками свою жизнь, не самое самостоятельное, не самое человеческое, что может сделать человек? Воля и эгоизм. Неужели, пресловутая пуля в висок является самым настоящим проявлением воли? Или такое предательство не что иное, как слабость и трусость? Имеет ли это всё смысл, раз ты остался один, без родных, друзей, да кого угодно? Даже воробей не прилетит, не склюёт пшено, не съест ягоды с рябины. То есть, даже и покормить-то некого.

Оля вновь молча разозлилась. Ушки и нос у неё приняли забавный и несвойственный для неё самой детский вид.

Наплевать, наплевать я говорю! Не хочу даже думать об этом, к чёрту это всё, уйди и отстань от меня. Хотя бы на сегодня! Для чего думать об этом, если прямо сейчас всё хорошо? Разве нельзя просто порадоваться чему-то? Разве нельзя просто быть счастливым за себя и близких? Разве можно назвать это преступлением? Разве так много у нас на это

причин? Разве имеет кто-то право обвинять другого за маленькое, ни к чему не обязывающее счастье? Разве имеем мы сами право такое делать?

Полочку в шкафу украшали раздербаненный ИРП и пустая стеклянная банка с двумя ложками.

Тем временем аккумулятор садился, а просмотрено было всего-то два фильма, зато воспоминаний о них хватит ещё на месяц вперёд, а может, и на год. Глаза у Тони начинали слипаться. Большие плёночные катушки улеглись по капсулам, затем прямиком в коробку к не менее большим кассетам, и уже потом всё это расположилось около фильмоскопа. Покрывало со стены перекачевало на кровать, на которое девочки и улеглись не раздеваясь. Тоня глядела на потолок и что-то бубнила под одеяло.

— Чего говоришь?

— Как же порой мало нужно для счастья, говорю. Сытно, мягко и тепло.

— Угу, не поспоришь. Правда, хорошего понемногу.

— Глупо. Никогда не понимала этого. Разве так должно быть?

— «Хорошего понемногу» — поговорка старая. Стоит хорошим вещам стать обыденностью, как ты совершенно перестаёшь ценить их. Это придумали для тех, кто и так в достатке живёт. Вот и всё.

— Это не нормально и неправильно. Не должно так быть, чтобы люди таким мелочам так сильно радовались.

— Почему же? Может, счастливее бы тогда все были. Да и будто нас кто-то спросил об этом, а, Тонь? Вот пришли непомерной наглости болваны, которым больше всего надо, других не спросили, на чужие жизни и стремления наплевали, вот и вышло так, что счастье всякая мелочь приносит.

— Глупо это всё.

— Да, но только что мы с этим сделаем? А родители наши что с этим сделать могли? Жадного начальника или чиновника не так просто с насиженного места спихнуть было, а это у нас ещё коммунизм строили. Представь, какого другим людям было? Я тут самый важный, я тут самый главный! Скажет такой, а ему верят. Или терпят. Он себя потом богоизбранным считает.

— И почему так было?

— Потому что всем людям свойственно хотеть одинаковости. Вчера так, и сегодня так, и завтра так. Понятно, что происходит. Даже дурака каждый день видеть — одинаковость. А дурак себя умнее прочих считает, а когда они спорить начинают, так тогда вообще... Ничего хорошего не случается. А страшнее всего знаешь что?

— Что?

— А то, что это закономерно! Это же страшнее всего — всё к этому шло и это произошло!

Тоня в некотором недоумении посмотрела на подругу, а потом отвернулась к стенке: — Хватит тоску наводить, я спать хочу.

Со старых подушек поднялся ввысь, словно аэростат, толстый слой пыли. Не плесень и на том спасибо. Уж слишком много вещей шли не своим чередом сейчас. Всегда шли и, судя по всему, будут. Оля сомкнула глаза. Долго, с чувством, протяжно, но чуть слышно зевнула и провалилась в сон.

Уж не перечислить все странности и неясные закономерности присущие сновидениям,

однако то, что они могли порой преподнести, или очень удивляло или глубоко трогало душу.

Если она есть конечно!

Оля встревала в собственный монолог. Ну, как бы и не встревала и не в свой, скорее отходила от темы, потому что монолог то её, а если «встревает», то продолжаешь говорить один, монолог же — когда один человек говорит, но всё же сменяешь тему, а монолог обычно в одном русле течёт, но во сне же скучно, так почему бы и не встрять? Но монолог был не так и прост!

То не так, сё не так. Всё-то тебе не нравится и придрататься надо, уйди отсюда.

Она отвечала монологу, который её действия комментировал, но не то что бы он комментировал, потому что комментировала то всё ещё она, но она и есть и этот диалог и она сама, а значит, говорит с самой собой, а значит, никуда ни она, ни её монолог, который на деле отдельный, но ею созданный, не встревали, и прогонять тут, значит, некого.

Всё, я запуталась.

Интервенция в собственный сон закончилась, так и не успев действительно начаться. Теперь он шёл своим чередом. О конкретике, как в иные разы не шло и речи. Образы, сотня неясных образов, контрастирующих между собой, но сливающихся в узорчатую и цельную картину. Мозаику жизни, если обращаться к поэзии. Мерцающий свет во сне играл насыщенной и густой палитрой красок, но вызывал ощущения, будто идёшь по зебре: чёрный — белый — чёрный — белый — чёрный — белый.

Может нам в парадигме такой существуетея проще?

Подсознание уж очень любит раскладывать события по папочкам, архивам. Тут вот гербарий, а тут книжная полка, вот сундук со старьём и новогодними игрушками, а там портфель. Ты стараешься удержать воспоминания, но не выходит. Удаётся выхватить и удержать за краешек лишь одно. И вот, оно начинает обретать очертания, фигуру, изгибы, оттенки. Стараюсь понять это на холодную и трезвую голову, мало что получается. Вот, вроде хорошее, а вроде плохое, а вроде и не знаешь вовсе. Как так, осознаёшь же всё и даже потрогать можешь, а не выходит! Отпускаешь, и все детали снова медленно начинают размываться, оставляя лишь смутное напоминание о прошлых себе в одном простом образе. А подсознание возмущается.

Чего ты припёрлась сюда без приглашения?! Не видишь? Работаю я! Посмотрела? Молодец, а теперь на выход!

Но хочется остаться, попробовать что-то ещё, потрогать, пощупать, вспомнить! И там, где-то далеко стоит полка, где самые важные, самые сокровенные образы, кажется, их и касаться не надо, и так ясно. Но дверь хлопнула, ключ повернут. И видимо, ещё очень нескоро тебя вновь пустят туда. Становится как-то тревожно в груди, вроде кто-то тормозит тебя изнутри или снаружи. Стараешься уйти от этого и вдруг что-то выдёргивает из сна.

— О-ля. О-ля! Оля. ОЛЯ! Проснись, Оля, Прос-нись! — Тоня будила её, методично толкая в бок, — Слушай, засоня, ты чего, я тебя уже минут десять бужу!

Тоня негодовала, продолжая раскачивать бедную Олю из стороны в сторону, пока та в бессилии лежала, уткнувшись носом в подушку.

— Ну, ты чего? — с усилием Тоня перевернула подругу лицом вверх и пыталась зашекетать её.

— Бесполезно, не боюсь я щекотки, сама же знаешь, — Оля чуть приоткрыла глаза, ехидно улыбнулась и уставилась в потолок.

— Нечестно! — Тоня возмущённо сложила руки на груди.

— Всё честно. Есть хочешь?

— Не, не хочу.

— И я не хочу.

Девчонки пошли умываться в ванну, пускай воды там и не было. Нога Оли коснулась чего-то, что отдалось громким брюзжанием. Под ванной лежала канистра с маркировкой «А-72», разбухшие и вонючие от вещей чемоданы и какие-то протухшие консервы.

— Вот же повезло! — обрадовалась Оля.

— Ага, бензина много не бывает. Слушай, а чего, фильмоскоп тут оставим?

— Да ты чего, он же огромный, да и поломается по дороге.

— А чего ему оставаться?

— Даже не знаю. Неправильно как-то. Мы пришли, отдохнули, ушли, а это, вероятно, очень памятная вещь была. Думаю, лучше её оставить тем, кем ей и владел. Это же не еда или вода, а просто память.

— Может, ты и права. Жаль только, всего два фильма посмотрели.

— Ничего страшного, успеешь ещё. Мише потом расскажем.

— Ага. Ему такое точно нравится.

— Вот и отлично. А по курсу у нас Ижевск.

Ночь была тихой, снегу не навалило. Чистое, ясное утро, пускай всё такое же морозное. Оля залила топливо в бак, оставила канистру при входе в подъезд и уселась на место. Поездка обещала быть длинной и довольно скучной. С новыми силами они отправились вперёд, попрощавшись с Пермью, с Лениным и церковью. Очередная история позади, так пусть там она и остаётся.

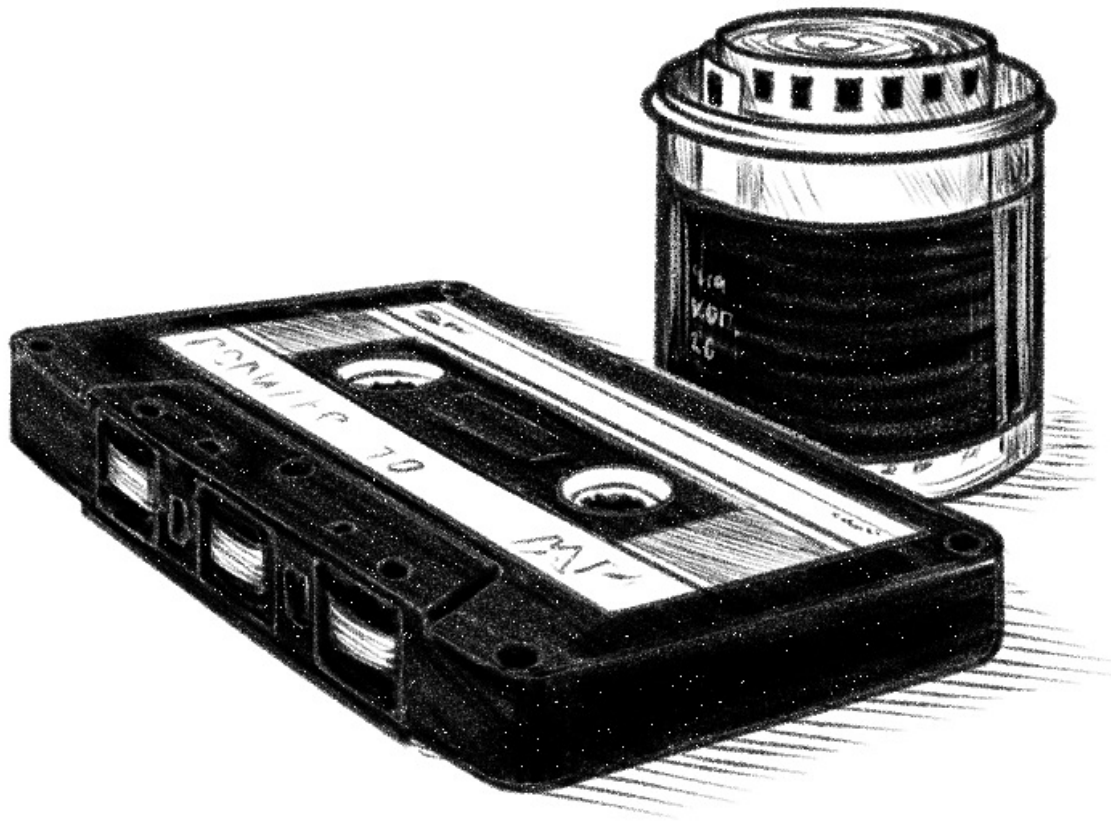
Спать здесь так мягко и тепло,

Снаружи только боль и вьюга.

Но уезжаем мы опять.

Мы вспомним всё, моя подруга,

И новый город будет взят.

Глава 5 Прошлое

Учёба — дело хорошее и полезное. Порой скучное, порой раздражающее, но нужное. Оттого печально осознавать, что выкрики хулиганов с задней парты оправдывали себя: «Да что нам эти синусы и косинусы, тангенсы, котангенсы! Мы ими ни разу за жизнь не воспользуемся!» Ныне с большей пользой Тоня и Оля могли бы ходить в краеведческий кружок.

Да только чего жалеть, тем более со временем всё становится чуть проще. Время и лечит, и учит. Вот и карта уже не была странным нагромождением всяческих наименований, буковок и циферок. Оля даже получала некое удовольствие от работы с ней. Тоня тоже поглядывала на потёртый и плотный лист бумаги, но для неё единственной примечательной вещью в нём был размер. Такое широкое полотно, которое она не смогла бы рассмотреть полностью, даже если бы раскрала на всю ширину своих рук.

Километр за километром преодолевался без особых проблем, только вот снег убирать уже некому, а потому темп оставлял желать лучшего. Танк не набирал и половины своей скорости, увязая в снегу. Он очень старался, всё пыхтел и рычал! Маленький, но гордый мотор от «Победы». И всё же, порой встречались крайне непредвиденные препятствия.

— Да что же такое, — Оля ударила по тормозам.

— Чего там?

— Река. Мост обрушен, тут мы не проедем... Если по карте смотреть, вроде не глубокая.

Оля вылезла из рубки и сразу провалилась в морозное тесто по колено. Если двигаться неосторожно, в нём можно утонуть, настолько оно вязкое и тягучее.

— Сейчас я взгляну, сиди там пока! — Оля ушла осматривать мёрзлую речку, уже сама, как танк, пробираясь сквозь толщу зимней тины.

Тоня проводила её взглядом. Ещё недолго Оля мельтешила за кустами и совсем скрылась из виду. Тоня вновь улеглась. Твёрдый матрас помогает сохранять осанку, здоровье спины и поясницы. Но это не матрас. Это буквально кусок твёрдого, грубого дерева. Выглядит, как гнилое. Если бы девочки не сидели на нём каждый день, не спали, то так бы и думали.

Взор упирался в тент, что держался на удивление долго, как месяц с лишним. Генерал мороз долго баловал путешественниц, как в известном стихотворении Пушкина. Теперь же, продолжительное время солнце находилось за снежными тучами.

Холодно, руки мёрзнут. Из одного журнала прочла, диссидентского вроде, что мороз всех врагов России побеждал. Глупость какая-то. Будто это всё природа виновата, а человек перед ней — никто! Но руки-то всё равно мёрзнут... Наполеон, например, осенью отступить стал, когда ещё тепло было. Или это оправдания такие, потому что он великий человек и вдохновитель миллионов людей? Ага, в классе Жора ещё как им вдохновился, будучи самым низким и злым. Синдром Наполеона, блин! Да что говорить, фашисты зимой оборонялись из-за холода вынужденные в тёплых домах греться, когда наша армия контратаковала, терпя все лишения. Дураки эти «диссиденты».

Тоня приподняла макушкой тент.

И всё-таки повсюду этот снег, куда не взглянешь только он и меланхолия. Снег. Снег. Снег. Снег. Снег! Чего в нём романтичного? Может, в свете уличных фонарей, с чашкой кофе или чая, за просмотром фильма или чтением интересной книги это и романтично, а тут

буквально падаешь в него и потом откашливаешься. Никакой романтики не остаётся. Только ёлки и сосны едко зелёные выделяются, но и они уже осточертели. Чего-нибудь ещё тут есть? О, кедр! А они тут растут разве? Высокий, стройный, красивый. Такой величественный! Ветер воет, а он даже не шелохнётся! И орешки у него вкусные. Сладковато-горькие, сытные такие. Я бы покушала. Эх, скукота. И чем бы время убить?

Помимо кедра аскета, сбежавшего от сородичей, глазу подвернулись и вещи, коими увешена и уложена вся рубка 57-го. Неудобный, тесный, шумный, но дом.

Интересно, и что вообще можно назвать домом? Где начинается? Где заканчивается? Хотя это о Родине вопрос скорее. Куда пропадает? Вот наш танк, например: мы в нём спим, путешествуем. Тут и вещи наши, и еда. Даже крыша теперь есть. А вдруг ещё кто появится у нас? Дядя Миша бы не уместился. И что тогда? Но все же как-то уживались, находили способы. Жизнь же штука не простая. Особенно сейчас. А тогда? Не в железной коробке все спали, конечно, но и тепличными условиями быт такой точно не назовёшь. Почти никаких излишеств или дорого всё. Зато в школе вкусно кормили, и учили бесплатно. Надо слушаться и всё хорошо будет. А я не слушалась, по коридорам часто бегала. Потом замечания писали. Большие такие, но родителей не вызывали никогда. Лень было? И в больнице лечили бесплатно, хоть и очереди большие. И из-за чего я лежала тогда? А больница ли это была вообще, если так подумать? Мокро было и дышать сложно, всё время общался кто-то. Странно. А вдруг не было бы этого всего? Пуф! И испарилось. Меня бы уже за какого-нибудь мерзкого дядьку невесткой выдали. Сидели бы с Олей на пару за пряжей, или того хуже — детей уже нянчили. Страшно. Да лучше уж за партой киснуть или тут на холодрыге мёрзнуть, чем так! И что, это так много времени людям тогда потребовалось, чтобы понять такую простую мысль? Что нельзя девочек за одних только мам считать? Да мы с Олей бойцы покрепче мальчуганов из моего класса, которые только и могли, что пакостить. Дураки! Один вот жадный был, точно помню. Толстый и прыщавый. Ну прям карикатурный! Или запомнился так? Так он у меня пару раз обед воровал! Вот других наказывали за всякие оплошности, а я жаловалась на него, а мне не верили. Эх, хорошо ему потом по шее дали, хотя, конечно, лучше бы его взрослые наказали. Точно! Точно, он же сын дяди был моего! У меня же дядя был. Депутатом работал! И лучше прочих жил... Это и есть закономерность, о которой Оля говорила? Может, некоторые правда рождаются плохими? Нет! Генетика тут не при чём, хотя они оба толстые. Ну, почти. В школе учили простой истине, что человека формирует среда. А среда она вся, весь мир, нельзя просто так взять и законсервировать всех в отдельной банке, это тебе не помидоры или огурцы. Все находятся в одной бочке. Если где-то «рассол» хуже, то он незамедлительно расплывётся по всему объёму и всё испортит. Мама закатки готовила! И как бы ни была прекрасна другая одна десятая часть «высококачественного!» рассола, она не спасёт от горькой и пересоленной фиги. Главное — никак потом от неё не избавишься. Остаётся только жаловаться. Да, Мама же с братом часто ругалась. То он взятку возьмёт, то обманет кого-нибудь. Вот! Точно, сын в него и пошёл. Я ей говорила, чтобы она пожаловалась на него, а она не слушала! Потому что он всегда говорил: «Мы же семья!». А если бы он убил кого-нибудь? Жирнюк такой и голос въедливый, противный, а взгляд обманчиво добрый. Но может, он правда добрый был? Даже не знаю. Нет. Нет! Он маму мою до слёз доводил, никакой он не добрый! Ушлый и злой, фу. Нужно было самой и на него пожаловаться! Правда судьбу Павлика Морозова повторять не хотелось... И почему нет ничего понятного, всегда какие-то противоречия. Неоднозначности всякие. Все злыми такими становились, чёрствыми, и Оля такой может стать. Не хочу, чтобы

с ней такое произошло. А может, самое главное оставаться добрым, даже если чёрствый? Добро же всегда побеждало, а люди разные за него боролись. А если предали, а если тебе зло сделали? Терпеть? Нет, точно нет! Нужно бить в ответ! Мы же били и победили! Мы же добрые. А то, что вокруг, это всё разве добро? Может, добру время нужно? Ой и душно же здесь, голова болит. Вот точно, скука — один из главных пороков человечества, мозги всякой дребеденью мучает. Ещё и кофта шею колит. Дурацкая хандра!

Непроизвольно Тоня начала нахмыкивать тихую и спокойную мелодию, с которой её укладывала спать ещё её бабушка (мама мамы). Она садилась рядом, напевая спокойную мелодию и поглаживая Тоню по голове. Почти не двигалась, только жидкие седые волосы стекали по плечам, словно горный ручеек, чистый и энергичный. Музыка такая прекрасная и странная: простые колебания воздуха, способные передать человеку палитру эмоций и чувств. Застрять в памяти навечно. Так давно не звучало в жизни музыки. Осталось только воображение и память. Тоня лежала так ещё недолго. Оля закончила копошиться около моста и вот уже возвращалась по вытоптанной колее, дрожа от холода.

— Ну и холодрыга там, все ноги отморозила! — Оля сняла ботинки, передела носки и уткнулась ногами ближе к стальной перегородке, за которой рычал мотор.

Не женское это дело — ноги морозить. Нежные девичьи ступни, красивые и восхитительные. Формы, созданные для любви и вдохновения. Поэзии, если на то пошло! От мороза и старых берцев кожа стала грубее и черствее. Смотреть больно. Но Оля не придавала этому значения, уж точно не об этом сейчас волноваться.

— Печку бы нам, — Тоня с умным видом констатировала факт.

— Ага, не помешала бы. Куда её только? И так места нет.

Танк тронулся, Оля свернула с дороги вправо. Без лишних проблем они преодолели брод по месту, где лёд был потолще. Но вот подъём давался тяжело. Двадцать с лишним градусов 57-й одолевал с трудом. Ещё чуть-чуть, вот, уже почти получилось, он, кажется, стал скатываться со склона, но нет, вот прям немного! Получилось! 57-й дотерпел, постарался, перенапрягся бедный, но сделал дело.

До Ижевска оставалось ещё часа два ехать. Оружейная столица РСФСР и СССР, один и крупнейших образовательных центров Поволжья. Там проживало всего то около полумиллиона человек, хотя и это далеко не мало. Оставалась надежда, что там можно найти какую-то подсказку. Может быть там даже остались люди, но девчонки не завышали ожидания.

Работали там все. И женщина — начальник смены, и безалаберный мужик сварщик, получавший от неё нагоняев. А вот и паренёк слесарь, попавший на завод по распределению из своего техникума, обруганный наставником, за какую-то мелочь. А потом этот же наставник ученика хвалит перед другими, так как тот мозговитый и критики не страшится. Тоня вновь погрузилась в размышления, завидев огромных монстров эпохи индустриального века.

Странные эти взрослые. И разные все, и кричали все, и влюблялись все. А я ни в кого влюблялась. Мальчуганы. Нужно будет и Олю потом спросить, если не забуду. Может, ей нравился кто-то? Мне вот многие не нравились, что совсем на меня не похожие. Добрые, умные, а не нравились. Интересно, почему? Потому что народ другой? Наверное, но они же всё ещё люди хорошие были. Ой, точно, плакат такой интересный был. Там китаец, я думаю, ещё чернокожий какой-то и европеец. А ещё араб! Все сильные и руки вверх подняли, держась друг за друга. «Мы не позволим сеять вражду между народами!» Интересно, а что

насчёт шуток? И родители мои шутили, и знакомые шутили, да все шутили. Порой обижались, конечно, но кто обидится и сам потом пошутит. Люди бы с ума сошли, запрети им подтрунивать друг над другом, шутить над стереотипами и глупостями. Как всем жить тогда? Как выражать недовольство, как не ворчать всё время? Неужели держать всё в себе? Нет. В юморе сила! Так деда говорил. Ко всему нужно относиться с долей благой шутки, так же уживаться в разы проще. Их же главное понимать, а я понимала, а юмор понимают из животных очень далеко не все, а только те, у кого разум есть и ум какой-то. Значит, тот, кто и шутить, и понимать шутки умеет, тот и умный. Значит, и я умная, ха-ха! Логика! А вот США точно дураки управляли. Шутили всякие непотребства и чёрных за нелюдей считали. Слышала, что у них половина города сгорела, когда кто-то взбунтовался против полицейских. А и правильно! У нас милиционеры из народа, у них ответственность перед людьми была, а у полиции только перед законом, а закон и плохой бывает. Да хоть мой дядя. Ой, знаю даже, что у Оли спросить!

— Оля!

— А?! Любишь же ты пугать.

— Вот смотри, наши же тоже в других странах воевали?

— Ну, да.

— И американцы воевали.

— Да, — Оля задумчиво кивнула.

— А вот почему так выходит, что наши правы были, а у них плохие все?

— Ой, это сложно. Как бы объяснить...

— Прямо! — Тоня демонстративно шлёпнула себя по коленке.

— Прямо? Ну, это интернациональный долг назывался. Наши военные помогали другим народам освободиться от плохих правительств, которые угнетали их.

— Кого угнетали?

— Народы угнетали. Я не буду тебе про экономику рассказывать, я её сама плохо понимаю.

— Получается, мы начинали войны, чтобы помочь кому-то? Как же война кому-то помочь может?

— Вот и разница! Мы уже потом помогали тем, кто для людей свободы и равенства хочет, а другие страны войны провоцировали, чтобы народы эти обворовать и обездолить.

— Значит, войны в которых мы победили были хорошие? То есть, не плохие?

— Наверное. Война — это всегда страшно, сама видишь. Но. Иногда такие вещи просто случаются, как я и говорила.

— Оль.

— Чего?

— Почему мы помним такое, но не действительно важные вещи? Для нас же такие вопросы совершенно ничего не стоят, а я лучше бы помнила, как маму зовут.

— Не знаю, сама об этом думаю. Давай просто наслаждаться поездкой, а?

— Агась, — Тоня высунулась из-под тента.

Тянется дорога, как резина. Лес за лесом, степь за степью. Сколько можно? А с другой стороны — это по-своему привлекательно. Вот вроде одно и то же, а когда глядишь на это долго, вдумчиво, проникаешься, западает в сердце. Монотонно, спокойно. Завораживает. Та же голая берёза, те же бескрайние поля и вдалеке невысокий холмик. Не зря классики готовы были исписать десятки страниц описанием природы, так она великолепна в этих

краях. А Оля очень любила эти стихи. Даже пару раз, перешагивая через себя, читала их с выражением и вслух на мероприятиях. Грамоту на конкурсе даже получила, за самый лучший, что придуман ею самой. Двести человек в актовом зале, а она возьмёт микрофон и, чуть стесняясь и краснея, всё равно рассказывает, а мама её сидит на первом ряду и не нарадуется таланту дочери.

— Моя дочь! Какой талант растёт!

А вот уже и сама Оля невольно ушла в себя.

Как же они этими стихами достали в своё время. Будто мне почитать больше нечего было. Пихают, и пихают, и пихают. Вот тебе берёзка родная, тут вот речка, булочка, трамвайчик. Да какие ещё булочки, какой трамвайчик? Какая берёза? Любовь к Родине от сердца же идёт, от понимания, что ты с ней — одно целое. А когда тебя в этом убедить попытаются, так разве это понимание? Нужно же мягко, с чувством. Я же не глупая, надеюсь, просто мало знала, как и все. А тут будто гвозди на сто в ухо вбивают.

Ожидания имеют свойство не оправдываться, что происходит крайне часто, и сейчас это было не исключение. Никаких признаков жизни город не подавал. В угрюмых тонах всё молчаливо показывало, как не радо гостям. Каждый новый метр по очередному опустевшему городу оставался новой раной на сердце. Ясно, что никого этот огромный, погибший от рук войны организм не ждал.

Ижевск бился до последнего. Остовы истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков. Много подбитых старых ИС-3 и БМП. Новейшие Т-64 и Т-72. На поворотах и перекрёстках будто в засаде, располагались и странные, большие и несуразные, с, бывало, двумя башнями или одной большой пушкой танки, хотя скорее самоходки. Гусеничные траки порваны, от корпусов остались лишь стальные ошметки. Абсолютно все они были подбиты, и наши, и не наши.

Крыши домов усеяны МПВО с опущенными пулемётами и задранными высоко вверх зенитками. Страшно представить, какой ужасающий, холодящий сознание фейерверк гремел тут днями и ночами. Как небо, освещённое десятком тысяч прожекторов, было окрашено в оранжево-красные тона, как подбитые лётчики оставляли вслед за своей жизнью только чёрный дым и пламя. Алое пламя, горящее тогда так же ярко, как и глаза защитников города. Да что города, всех городов всего отечества. А ныне остались, даже не тлеющие, охладевшие сами и ко всему и вся стволы орудий. Защищать уже нечего и некого. Одно интересовало девочек:

Осталось ли хоть что-то? Хоть где-то? Что-то, что само теплит в себе и к миру надежду. Что-то эдакое, не ясно что, но определённо что-то! Неясное, за гранью житейского понимания. Интересно, в чём вообще заключается надежда. Или в ком?

Посреди дороги лежали и неразорвавшиеся бомбы. Странно, что Ижевск брали грубой силой — пулями, гранатами, ракетами, а не пустили сюда очередную боеголовку. Закончились? Или самолёт с бомбой сбили? Чем дальше девочки заходили, тем больше вопросов появлялось относительно произошедшего около десяти лет назад.

Посреди дороги было воздвигнуто ограждение. Крупный, метра три в высоту бетонный забор, перекрывающий всю улицу. На пропускной пункт не похоже, никаких смотровых вышек нет, просто бетонная стена и всё. Тоня вновь загорелась идеей.

— Оля, слушай, а давай стрельнем по ней!

— Ещё чего, у нас снарядов тут не сотня, чё попусту их тратить?

— Да чего тебе стоит? Давай разок хоть!

— Нет, я тебе говорю, опасно это.

— Ничего не опасно. Мы ж в танке сидим! А вот выстрелим, и места больше под еду появится, я неправа разве?

Оля немного задумалась. Действительно, чего их столько с собой таскать? Уж если можно сэкономить время, почему бы лишний раз от души не «бахнуть»?

— Ладно, уговорила, — Оля сдала назад. — Перелазь давай, сейчас всё организую.

Оля схватила осколочно-фугасный заряд, напряглась как бегемот, раскраснелась от вверенного в руки веса и с немалыми усилиями запихнула его в казённую часть орудия. Чуть отдышавшись и вытерев выступивший пот, а она давно такие тяжести не тягала, дослала махину в патронник. Пушка была готова к выстрелу.

— Ну чего, смотришь? — спросила она у Тони.

— Смотрю, смотрю! — Тоня устремила взгляд через триплекс (окошко в броне) прямо на бетонную стену.

— Командир, давай команду!

— Раз! Два! Три! Огонь!

Лёгкий спуск и снаряд отправился напрямиком в цель. Оглушающий выстрел, клубы дыма. Осколки бетонной стены полетели во все стороны. Кажется, некоторые из них даже разбили целые до того окна. А ещё по броне точно парочка шаркнула. Гул в ушах стихал. Девчонок немного потряхивало, но это было даже приятно. Столько адреналина!

— Ура! Давай ещё! — Тоня была воодушевлена, если так вообще можно описать это состояние.

— Спокойно. Нужно будет — ещё разок стрельнём.

— Эх, ну ладно.

Бетонная пыль оседала, перед девчонками открылся какой-никакой проход. Оля поспешила вытащить гильзу из ствола, выкинула её из рубки.

Траки давили бетонные куски, как отбивной молоток месил говяжий фарш. Трясёт неимоверно. Нужно думать, это не комфортабельная легковушка, а суровая военная техника. Не нравилось 57-му проезжать близь десятков и сотен трупов братьев. Чувствовалось, что не нравилось. С неохотой он набирал вновь скорость, поворачивал туго, останавливался тоже. Он будто стал тяжелее раза в два, а то и три. Стал инертным и апатичным, из-за чего Оля очень расстраивалась.

Что, страшно тебе, да? Страшно. Я знаю, но мы-то тебя не бросим, в обиду не дадим. Хороший танк! Грозный, сильный. Ты-то у нас на ходу, работаешь во всю, не расстраивайся. Чего тебе грустить? А, железный с планеты Железяка? Взбодрись! Чего, рычаги по стойке смирно держать хочешь? А ну-ка, поддайся. Вот! Удобно с тобой, чего хочешь о тебе, то и выдумываешь. Есть на что отвлечься, а то эти развалюхи с трупами совсем отдышаться не дают. Все силы выели во мне, тоже двигаться неохота.

А мотор шумит, железяки скрипят, дым валит, пушка качается. Танк в полном здравии. А вот Оля, видя все эти ужасы, стала куда неповоротливее. Не столько на практике, сколько в голове. Всему виной каша в ней. Холодная. С комочками. Все события, что происходили тут, неохотно варились в ней. Вещи, до того ставшие почти обыденными, в такой напористой манере, в такой плотной концентрации, наконец-то пробили пелену перед глазами.

Развороченный подъезд, расстрелянная машина, перевёрнутый танк. Сломанная

табличка на стене в честь какого-то именитого учёного, что жил в этом доме. Даже фамилию не разобрать. Сорвавшийся с болтов водосток, как отклеившейся рулон обоев, и обрушенный балкон. Пермь была иначе. Разруха и руины там казались чем-то давним, ушедшим. По крайней мере теперь такими казались. Неизвестно, что ещё может ждать впереди.

Нужно было уже и где-нибудь остановиться. Тем более, после всех этих активностей уж сильно хотелось спать. Режим сна стал делом совести и соблюдать его совсем не обязательно. А нужно.

— Оль, останови тут.

— Чего мы в малиновке забыли?

— А ты смотри что наверху есть, вон, на крыше.

— Точка огневая ещё одна, и что?

— Пойдём посмотрим.

— Так их тут тысячи, зачем туда лезть?

— Хочется мне! Взбодримся хотя бы.

— Могла бы и оригинальнее оправдание придумать, чтобы опять меня на край света тащить.

— Не хочешь и ладно, — Тоня в обиде карикатурно отвернулась.

— Вот правда, как ребёнок. Ну, пойдём посмотрим.

Панельный, пять этажей, скромное внешнее оформление. Такие дома были самыми частыми и самыми простыми в строительстве, благодаря программе по оптимизации жилищного строительства, начавшейся при последнем Главном Секретаре Народного Совета СССР — Маленкове Георгии Максимилиановиче. Тёмные подъезды, отсыревшие обои, промозглый воздух, грязь — ничем эти дома от других на пути не отличались. Очередная квартира, очередная домашняя библиотека. В промёрзлые года куда важнее тепло, нежели какие-то знания, оттого, скрипя сердцем, даже книги пускали на топливо для огня. Но не в этот раз. На пыльных полках расположилось собрание самых разных технических и исторических книг, футляр с очками — пустой, узорчатый носовой платок и ещё самая разная мелочь. Какие-то записи на клочках бумаги, булавки, иголки, даже мешочек с лото. Оля пробежалась взглядом по наименованиям, внимание привлекли две среднего размера книги. «История СССР: упрощённое и сокращённое издание». Два тома. Один с 30-й по 45-й год, другой с 45й по 60-й. Третьего, что был бы до 75-го, — не было. И если ВОВ Олю не интересовала, то вот эпоха после Сталина была гораздо занимательнее сейчас.

Может хоть в ней что-то проясниться.

Оля схватила второй том и перескочила на четыре десятка страниц вперёд. Читала быстро, выбрасывая за борт огромные пласты статистики в виде графиков, таблиц, соотношений и тому подобного, переходя ближе к выводам. Зубрёжка в школе научила экономить время при чтении. А говорят, что лишняя трата времени. Главное знать, где применять!

«Сталин умер в пятьдесят третьем году, весной. Инсульт. Старость и нервы. На счёт его смерти было много слухов и конспирологических теорий, но на то они и конспирологические, что верить в них дело глупое.

Когда Иосиф Виссарионович умер, вся страна погрузилась в траур. Множество противоречивых моментов было в истории и его правлении: репрессии, коллективизация, политическая паранойя, цензура. Однако в тот момент большая часть населения как-то и

забыла об этом. Может, люди понимали необходимость, а может, просто закрыли тогда на это глаза. Но как можно закрыть глаза на такую трагедию? Действительно ли всё было оправдано? Во всяком случае, с наступившей демократизацией общества наступила и критика сталинской эпохи.

С этим связана и интересная история, что была описана в книге. В партию тогда, после Великой Отечественной и в 50-е шло много карьеристов, некоторые даже пробивались на высокопоставленные должности. Хрущёв был таким же. Колхозник, если говорить напрямую. Да только упрямый, алчный и наглый, жадный до власти. Сталин умер, потому созвали экстренный съезд партии. Там-то Хрущёв и начал свою речь о культе личности и его последствиях. Там преступление, там диктатура, тут безнаказанность, тут принуждения и многое другое. И все его выслушали и согласились со многим. Конечно, многие проблемы были и культ личности отрицать неправильно, но сильный лидер в тяжёлые времена попадает в глубоко почитаемый список вещей, что сплачивают людей и помогают выстоять в неравной борьбе. Народ сначала объединяли православие и тяжёлая ноша, что вместе воспитали в людях жертвенность и сочувствие, и в это же время неприязнь ко всем, кто из общей массы выбивается или неоправданно начинает жить сильно лучше. Только вот, к сожалению, часто это становилось очень лицемерной завистью.

С приходом же в умы граждан марксизма, идея о равенстве перед богом превратилась в идею о равенстве перед друг другом на основе экономических взаимоотношений. Но даже так, быстро избавиться от простого желания найти себе идола — не получилось. Уважение обязано быть и присутствовать, но в равной степени соседствовать с умением здраво оценивать действия почитаемого человека.

Возвращаясь к демократизации, решили тогда съезд партии в тот же день полной версией прокатить по телевидению, что стало поворотным моментом. Волна народного негодования не заставила себя долго ждать. По всему соцблоку. В КПСС стали приходиться сотни тысяч гневных писем, начались забастовки и митинги. Огромная часть населения была против «десталинизации», и власти, на удивление, решили народ послушать. Народу пообещали не делать поспешных решений и на той же неделе Хрущёва сместили. Несомненно, он был недоволен: — «Да как вы не видите! Вы же сами были согласны! Я уважаемый человек, вы не имеете права!» Карьерист и в коммунистической партии карьерист. Человеческие пороки присущи любому строю, народу, стране и государству.

Сместили провокатора тогда на должность мелкого работника архивов, да шутки ли ради заставили проверять дела репрессированных граждан. Нельзя называть расстрелы и высылки целых народностей «шуткой», и всё же было это очень иронично. Проработал там Хрущёв лет пять, а потом оказалось, что спился он и повесился в этих же архивах.

Тогда в активном партийном противостоянии выступили Берия и Маленков. Первый выступал за активное противостояние с коллективным западом, не отрицал возможности открытого военного конфликта, второй за мягкое сближение со странами Европы, Азии, Африки. Давление экономическим и культурным авторитетом, уровнем жизни, а не стальными кулаками и красивыми лозунгами.

В одном оппоненты всё же были согласны, после вынужденных потрясений войны обществу требовалась демократизация, возможность вновь управлять жизнью, что несколько (сильно) контрастировало с милитаристским настроением Берии. Потому и Генеральный Секретарь Центрального Комитета превратился в Главного Секретаря Народного Совета СССР. Вообще, коммунисты, оказывается, очень любили разного рода аббревиатуры и

меняли их как перчатки. На западе такое называли «ребрендинг». Помогает откинуть старые предрассудки, всё же людей очень просто в этом плане обмануть. Но, если ложь на благо, значит, оправдано.

По итогу долгой внутривластной борьбы выиграл Маленков, пошла новая веха в жизни СССР, спокойная и размеренная. Советский гигант спонсировал коммунистов и социалистов Греции, Кубы, Турции, Южной Африки, Океании, Средней Азии, Южной Америки. Помогал странам восточной Европы, и уж очень полюбилась советскому народу Югославия, в которой по итогу первой и второй мировых войн люди культурно очень полюбили русского человека. А раз русский теперь советский, то и любого советского. Порой СССР конфликтовал с КНР. Китайцы были агрессивнее по отношению к США и особенно к Англии, которая терроризировала их народ более века. Всё шло достаточно спокойно. Однако же, каждому народу свой исторический этап. Вторжения демократии и коммунизма в дела стран были порой крайне не оправданы, что влекло за собой огромные жертвы. Два гегемона яростно делили сферы влияния.

Тогда же Маленков возвращал советам былую власть. Работают они, кстати, просто: есть завод и тысяча рабочих, в каждом цеху по сотне; в каждом цеху выбирают главного голосованием всего цеха за кандидатов из конкретно этого цеха; потом весь завод из десяти кандидатов выбирает должность ещё выше; если же начальник не нравится, то самый первый коллектив, что из ста человек, может его отозвать. Конечно, система сложнее, требует в масштабах страны обработки огромного количества информации, но принцип всегда один — власть идёт снизу вверх, останавливаясь на каждой ступеньке иерархии.

Зарождалась сфера предоставления услуг, открыли узенькую тропинку оппозиционной прессе и авторам. Самых активных и на деле крайне умных охотно слушали и критиковали, выпускали целые программы, где разбирали творчество тех или иных писателей, экономистов и политологов. Люди очень любили эти заочные дебаты. Но нельзя забывать, практика применения ВМН продолжалась вплоть до начала войны. Враги народа были всегда».

Во всяком случае, именно так написанное понимала Оля.

Потолки в квартире были низкие, комнаты заметно меньше, чем в сталинках, а стены тоньше. Зябко. Увесистые батареи, ранее отапливающие не очень-то и большую квартиру, стояли молча, будто отвернувшись от новых постояльцев. Только изредка по ним доносился какой-то гул, будто где-то вода ещё течёт по ним резвым ручьём. Почти середина зимы, холод начинал пробираться до костей. Что тут делать было совершенно неясно, потому Тоня, как и хотела, предложила выбраться на крышу. Прямоком на неё вела винтовая лестница с последнего пятого этажа.

Девчонки были одинаково раздражены сейчас, стоя в маленьком «тамбуре» между улицей и спуском вниз. Снова дверь. Оля минут пять мучалась, всё сильнее ударяясь и ударяясь плечом о неё, скрипучую и противную. С каждым новым ударом препятствие поддавалась чуть больше, на пару сантиметров. Последний разбег. Места хватило, чтобы протиснуться в узкую щель, но плечо у Оли сильно разболелось.

Вот и точка МПВО. Но эта была родной. Старая, массивная, основательная, построенная ещё до войны. Такие строили ещё в начале пятидесятых, но они сослужили службу и спустя два десятка лет. Уже позже были в спешке натыканы тут и там тысячи таких из подручных материалов. Ещё из некоторых окон торчали стволы пулемётов, но такая рухлядь бесполезна против истребителей нового поколения, разве что расконсервированные

старые модели отпугнуть. Таковые плацдармы только упрощали ведение огня по наземным целям, но никак не защищали от пуль и ракет вражеской авиации, а этот домик точно пережил не одну сотню атак.

Представляешь, каким веером, градом крупнокалиберных пуль отсюда рассекался воздух, из спаренных пулемётов выпускалась продолжительная очередь, рвущая перепонки. Аж дух перехватывает. Раз, и на один обугленный расстрелянный в решето труп больше. А где-то в черте города точно должны были стоять комплексы РСЗО, выпускающие крылатые ракеты, сбивающие бомбардировщики и истребители ещё на подходе.

От выхода на крышу к МПВО вела дорожка, построенная из крепких и толстых деревянных досок, по правую сторону были железные перила. Девчонки шли по ней неспеша, держась за холодный металл руками в тёплых рабочих перчатках. Скат крыши был не велик, но при должной неудачливости можно было бы и укатиться прямиком вниз. И даже на этот случай там были, предусмотренные конструкцией, толстые, но невысокие бортики. Оля улыбнулась.

Поретки.

Перед девочками предстала архитектурная версия снеговика. Кривого, асимметричного, но снеговика. Маленький домик на доме, причём выглядело это так, будто разрушь жилой, этот кроха остался бы стоять на собственной железобетонной конструкции в виде высоченного цилиндра. Этакая сторожевая башня бы получилась.

Юные исследователи зашли в своеобразный дот.

— Оля, смотри сколько тут всего.

— Караул постоянный, наверное.

Две кушетки с матрасами, неказистая самодельная буржуйка, труба от которой уходила вверх. «Они норму плана перевыполнили?» — теперь и Тоня удивилась такому их количеству. Огромные тёплые шубы, что были порваны в некоторых местах. Десяток пустых ящиков из-под патронов, на столе кожаная сумка и бинокль. Остальное — различной ненужности мусор. А вот под кроватью нашлось и кое-что крайне полезное — немного керосина. Вонючий, если на одежду попадёт, то потом не избавишься. В лампе он кончался очень быстро, потому девочки и не решались проверять каждую квартиру в доме. Уже сильно стемнело.

На круговом балконе располагались оборудованные зенитные точки. Отсюда открывалась превосходная панорама на километры вперёд. Отличное место. Из спаренных ДШК торчали патронные ленты.

— Интересно, а он ещё стреляет? — Тоня схватилась за прорезиненные ручки, представляя, что открывает огонь, — Тра-та-та!

— Не знаю и не горю желанием знать, мало ли что.

— Почему? Боишься?

Оля на пару секунд выпала из момента.

Не пойму, чего она такого в этом нашла. Пистолет дай, с пушки постреляй. Теперь вот зенитка. Я, конечно, сама хочу попробовать, не могу её винить, но странно. Да и вообще, это же громко, нас по всей округе услышат, а мне встречать кого-то сейчас совершенно не хочется. Мало ли какой псих попадётся.

— Пойдём лучше найдём, чем печку топить.

Поздно, в квартирах уже не осталось мебели. Собирать валежник — плохая идея. Лес далеко позади, а гуляние ночью по холоду не сулит ничего хорошего. Ещё и потеряться

можно. Ящики остались последним вариантом. Прочные. Их хотя бы много. В собственном же, что припаян на корпус 57-го, лежал старый топор. Уже малость заржавевший, но в руке он держался как влитой. Точильный камень завалился где-то в пучине барахла, отыскать его было бы той ещё морокой.

Размашистые удары и немного терпения, отколупанные гвозди, щепка, доска. Долго так не помахает. Правое плечо, ноющее от ударов в дверь, разболелось у Оли ещё сильнее. Ящик, второй, третий. Она уже жалела о поспешном решении.

— Всё, не могу... Ух.

Топор был небрежно брошен на пол, со звоном ударившись о бетонный пол.

Тоня, которая до того рассматривала в бинокль город, обернулась: — Что с тобой?

— Ничего. Так. Переусердствовала немного.

На сколько хорошо Оля умела находить оправдания, на столько же плохо умела врать. Она прижала руки к телу и потирала ладонью правое плечо.

— Принести что-нибудь?

— Всё в порядке. Хватай деревяшки.

Тоня тревожно поглядывала на подругу, весь лоб которой покрылся морщинками.

Рутинка, день за днём. Дорого — еда — ночлег — дорога — еда — ночлег — дорога — еда — ночлег... Всегда ищем, где проехать, что поесть, где поспать. Утомляет. А дядя Миша жил так несколько лет. Интересно, что его поддерживало всё это время, каково ему сейчас? Волнуется, хотя сам говорил, что только благодаря рутине и живёт. И сложно же без отопления.

В глубоких карманах Оля пыталась нащупать спички, но попался ей лишь пистолет, который порой совершенно пропадал из памяти.

— Оля, а давай сфотографируем город отсюда!

— Почему бы и нет, — Оля перебирала ТТ в своей руке, изучая каждую его неровность, — Со мной точно что-то не так, — сказала она шёпотом.

Оля поднимала камеру медленно, то ли боясь уронить, то ли от боли в сухожилиях, а может, просто не знала, чего бы такого заснять, но наконец-то объектив жадно врезался в горизонт, и принялся сам высматривать причудливые пейзажи и композиции. Вот на юге виднелась труба ТЭС, старая, что на каменном угле работает. Смотришь чуть ниже, на крыши, а они выстраивались в сложный лабиринт из кварталов и переулков, что разбавлялись скверами и парками. Вон там, маленький лесок, макушки возвышались над театром как забор. Влево качнутся, вправо и так мерно и спокойно, что даже убаюкивает. Дальше голый холм. Разрушенный наполовину дом-свечка разорвал полотно пятиэтажек крышей, что походила на затупившийся карандаш. Школьный стадион с футбольными воротами, отягощёнными обломками и рваными сетками. Этакая панорама. Слово ещё такое простое, скучное.

— Тебе так нравится. Когда-нибудь фотографией увлекалась? — обратилась к подруге Оля.

— Нет, — непринуждённо ответила Тоня, — Но начать-то никогда не поздно, да и дяде Мише потом покажем альбом. Или ещё кому. Хорошая же идея, нет разве?

— Нет, идея даже прекрасная. Простая и невинная. Честная даже. В таких же вещах память заключается, которые и рассмотреть, и потрогать можно. Головой мы это всё точно позабудем, а тут вот останется. И впечатления, и пережитые эмоции на бумаге сохранятся. Хорошая идея.

— Ой, я так далеко не заглядывала. В гостях просто всегда альбомы семейные показывали и после поездок пару фотографий у всех было.

— Тут и не надо глубоко смотреть, на поверхности всё. Простые вещи и идеи вообще самые лучшие, которые сами в себе противоречий не создают.

— Это ты к чему?

— Фото же — это просто картинка, а сколько всего хранит в себе. Интересно, а я и не задумывалась. Раньше люди изображали красоту окружающей природы своими руками, красками, на холсте. А сейчас вот у нас разрушенный город, странным механизмом и нажатием одной кнопки. На кадре мало что видно, но и этого хватает! В самом деле есть что-то притягивающее. Это не создающийся часами портрет, не пишущийся месяцами пейзаж, а мгновение, запечатлённое на бумаге практически в первозданном виде. А ограниченное число кадров лишь придаёт весу каждому запечатлённому моменту.

— Да, интересно выходит, — Тоня улыбнулась, — Тогда скорее делай фото!

За поездку накопилось с десятков кадров. Они хранились в той же коробочке, в белом конверте. Девчонки открывали его лишь для того, чтобы положить ещё один. Было в этом ощущение обрядности. Что-то сокровенное. Сначала краешек высунешь из крохотного прореза на лицевой стороне, потом чуть сожмёшь бумажные края, воспоминание займёт своё место среди друзей, а потом это бережно отложится в сторону до будущего воспоминания. Воспоминания, что обретёт новую жизнь спустя многие месяцы, а то и годы и может вообще у других людей.

— Оля, а тебе самой нравится?

— Что?

— В конвертик всё складывать. Коллекцию пополнять.

— Думая об этом сейчас, да, нравится. Всё проще, когда знаешь цену своим делам. Когда результат знаешь, тогда и спокойнее и проще. Наверное, мы так устроены, люди. Хотим знать, что, зачем и почему. И даже если жизнь не сахар, то такие мелочи помогают успокоиться. Знаешь почему курят?

— Не-а, не знаю. Противно же и пахнет плохо.

— А я вот теперь понимаю. Всё по той же причине — это же обряд. Знаешь, что делаешь и что получишь, поэтому и успокаиваешься. И бросали неохотно такую вредную привычку потому, что замену найти сложно.

— Значит, без такого всем жить сложнее будет?

— Получается, что так.

Бывают такие дни, когда ничего не хочешь делать, и этот был именно таким, особенно для Оли. Скоро полночь. Месяц лениво выползал из-за облаков.

— А ты много читала? Я видела, ты какую-то книжку листала сегодня.

— Ага, очень. А эта историческая была. Правда, какая-то она скомканная вышла, — Оля немного ободрилась.

— А сама пыталась писать?

— Не-а. Сложно это и времени много требует.

— Но то, что хотела, я уверена.

— Угу, было несколько идей, но только пару топорных рассказиков удалось написать. Куда мне до литературы.

— А так обязательно большую книгу делать?

— Да не в размере дело. От кого вести повествование? Как героев менять по ходу сюжета? А ещё, вдохновляясь кем-то или чем-то, хорошо бы не сделать дешёвую копию, а то совсем чушь выйдет. А если много пишешь, то и стараться над этим нужно, очевидно, много.

— Говоришь так, будто вдохновение и использование старых приёмчиков — что-то плохое.

— Конечно нет. Просто сделаешь тут схожесть, тут ещё маленькая деталька. А потом окажется, что вся книжка — это солянка.

— Мне кажется, что главное это мысль донести, а уж кому-нибудь точно по вкусу придётся.

— Это да. Я тоже так думала. Но раз начинаешь писать, то хочется собой быть. А у меня это плохо выходило.

— Значит, даже не попробуешь потом? — Тоня склонила голову Оле на плечо.

— А для кого, для себя? Могла бы тебе потом прочесть, хотя, проще тогда словами.

— Так пишут же не для других, а чтобы самому нравилось. Нет разве?

— Не знаю.

— Как это?

— Вот так. Пишешь для себя, а написанное должно быть для других, а то смысл от твоих каракуль? Наверное, ты права, если правда хочешь донести мысль и это видят, то не так страшна парочка помарок... Не, это отмазка какая-то. Стараться всегда нужно, а если не умеешь, то и не берись.

— Вот и дура ты.

— Почему дура сразу?!

— А потому и дура, мне папа говорил, что главное — начать. А там уж сам поймёшь и научишься, если желание есть. Или помогут, увидев старание и энтузиазм.

— Я знаю! Мне так говорили.

— Хе-хе-хе, почему не слушала тогда? Старших слушать надо.

— А ты меня слушаешь?

— Вот не была бы такой, то и слушала бы, — Тоня рассмеялась и обняла Олю.

— Хватит обзывать, а то я тебе щас. Не знаю. Подзатыльник дам.

— Ну, прости, не буду. Но я разве не права?

— Может, и права... Спать хочу.

А спокойно уснуть не выходило. Оля устала в бетонный потолок.

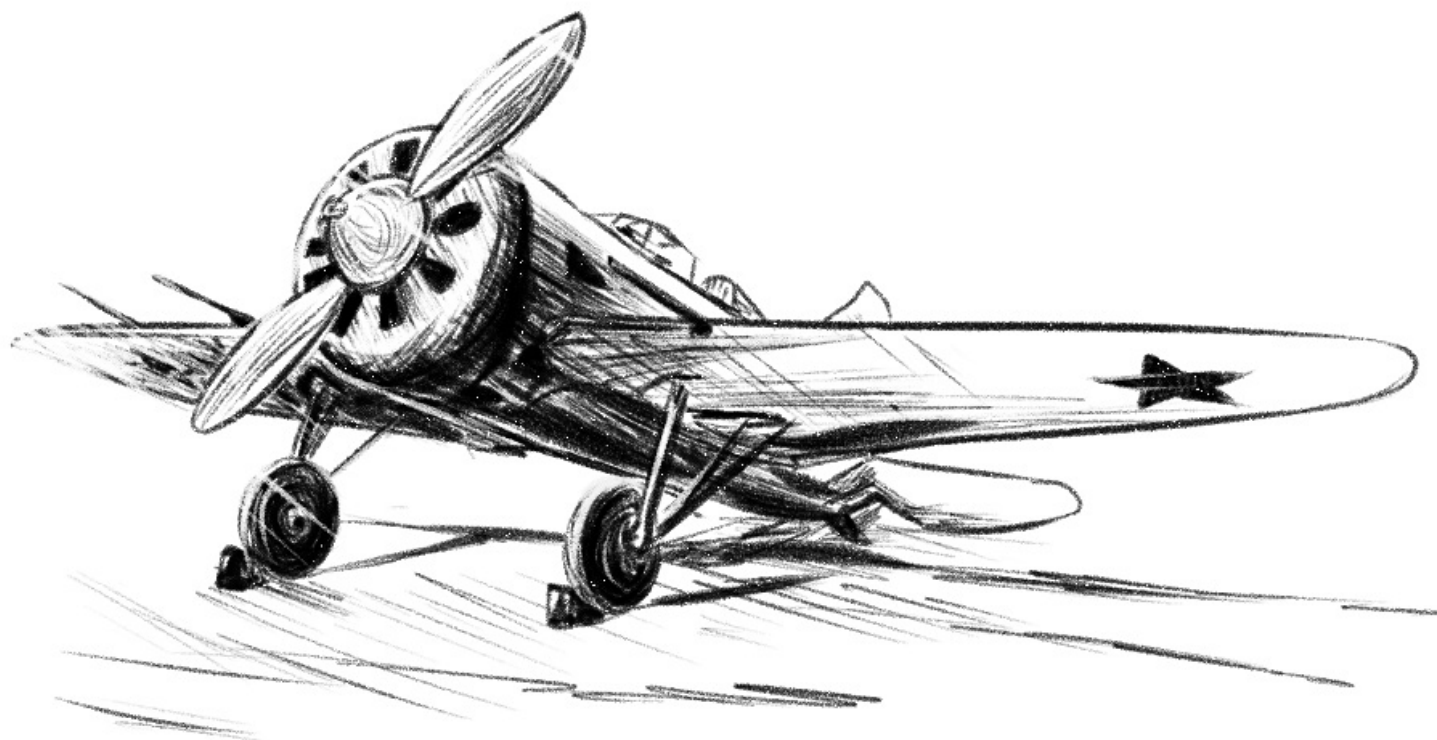
И в чём вообще заключается жизнь? В потоке событий, наверное. Совершенно разных. И за что тогда любить её, если почти все они сейчас, мягко сказать, плохие. За маленькие хорошие? Пожалуй. Мы же любим за отдельности, как и людей за хорошие стороны, забывая про плохие. Любим милоту, трагичность, печаль, воодушевление. Мы любим, когда это переплетено, когда скачет вверх и вниз как на батуте, но не когда идёт друг за другом ровным строем, будто из-под конвейера и по заданному плану. Что-то я начинаю от них уставать. Всё слишком монотонно, а изменить и нечего. Шанс как-то отвлечься выпадает крайне нечасто. Судьба же состоит в лавировании между новым и понятным, неизведанным и столь привычным. Уставали от революций, уставали от застоев, уставали от вражды, даже от любви. Такое ощущение, что лукавство и утаивание — единственный путь спокойно пожить. Даже не счастливо, а просто спокойно. Укроешься вот так одеялом, под которым тебя не достанут, мыслишь под ним мыслишки, и никто тебя не потревожит, и сам ты безоружен. Но и это не работает... Всё так сложно. Как бы хотелось всё упростить, свести до

понятной для всех строчки. Красивой! Поэтичной. Это же проще запоминается. Надеюсь, у кого-нибудь это выйдет. Когда-нибудь.

Задерживаться в Ижевске у девчонок не было желания. Сны совершенно глупые снились. Только Тоня всё прижималась к подруге. Замёрзла, а может кошмар приснился. Всё спокойнее, если холодной, тихой ночью кто-то спит рядом с тобой, особенно если это кто-то, кто заботится о тебе. Только треск пламени угасал, чтобы завтра разгореться вновь. Тоже своего рода фотография.

Проснулись девочки резво, быстро собрались и спустились. Обобществили бесхозную буржуйку, примотав ко лбу танка и отправились дальше.

Десятки городов остались позади -
Судьба везде проста, ведь все они не мы.
Лесов, полей и сёл уставшие вожди
Лениво в закромах хранили коллажи.

Скорей запечатлей, в конвертик спрячь. Беги.

Глава 6 Товарищ

Набережные Челны. Ничего не меняется. Очередная больница, снесённая бомбёжками под основание, только одна несущая стена держалась и пара бетонных плит на ней. Койки украдкой выглядывают из-под снега, с арматуры свисает потрёпанный докторский халат. На месте исполкома похожая картина — зияющая дыра вместо фасада.

Только на паре уцелевших домов с торца можно было заметить что-то стоящее. В жёлтых и алых тонах, что были на фоне цвета угля и чугуна, мозаики: заводчане, штампующие победу для фронта; хлеб и каши из деревень для изголодавших бойцов; сами солдаты, бегущие в атаку. В зелёных и голубых же тонах картины будущего: летающие машины, у которых вместо колёс странные устройства со множеством трубок; бескрайний космос с далёкими колониями; яблони на Марсе; исследовательские подводные города под огромными куполами. Оно всё выглядит просто и прямолинейно, но в том цепляющий шарм. Честность и искренность труда тех, кто пережил это, кто это создал.

На территории одного института ещё стоял целым высоченный флагшток. Хлёсткие порывы зимнего ветра бряцали железками на нём, вызывая прохладный и успокаивающий звон, похожий на лёгонький дождик. Надорванный, давно выцветший советский флаг, посеченный осколками, не желал выполнять требования сдаться наконец и опасть вниз, как пожухлый листок. Несмотря на плачевный вид, он всё ещё рьяно реял на ветру, обнажая перед всеми свою строгую и серьёзную натуру. Ткань шуршит, снег хрустит. Нужно было ехать дальше.

Природа оцетинилась, стала грубой и желчной. Зима завывала, словно голодный волк на луну. Становилось не по себе, будто грядёт нечто ужасающее, но девчонки не останавливались.

Кромешная тьма. Полная. Ничего не видно. Фары 57-го лишь малость освещали путь впереди. Казалось, ещё немного и метель перевернёт трёхтонный агрегат. В триплексы были видны только молниеносно пролетающие снежинки, обзавёдшееся острыми зубчиками, готовые порубить на части любого, кто выйдет наружу.

С каждой минутой всё холоднее, да на столько, что можно вовсе замёрзнуть насмерть. Тёплые шубы, спальники, одеяло, работающий двигатель, тент — ничего не помогало. Оля томилась и тухла, сидя на месте мехвода, её правая рука ещё не восстановилась, хотя прошло уже больше недели. Ноющая боль смешалась с холодом, создав такой коктейль чувств, что вне зависимости от желания постоянно текли слёзы. Она пыталась терпеть, но выходило с трудом. Тоня, укутавшись во всё что только могла, поджала ножки и свернулась калачиком, спасаясь от мерзлоты.

Чуть поодаль, сквозь бушующую стихию пробивался, мерцая — угасая и зажигаясь, слабенький огонёк. Такой хлипенький и ненадёжный, но маячок. Девчонки ехали уже вечность, а спасительный ориентир казался всё выше и выше. Ни здания поблизости. Буран будто разыгрался посреди просторного пшеничного поля, замещая собой приятный летний ветерок, а вместо мерного колыхания жёлтеньких колосков он с силой раскачивал нависающие над девочками сосны, готовый даже дома с фундамента снести. Но вот он чуть ослабел.

— Да это же дом! — прозвучало в унисон.

Сквозь пелену проступали кирпичные ступеньки в подъезд. Дом был высокий, минимум

этажей шесть, рассмотреть выше просто не получалось. Забрав всё, что могли, девчонки поспешили зайти в незапертую дверь, пока снежный ураган пытался сбить их с ног.

— Что будем делать? — дрожа от холода, слабым голосом спросила Тоня.

— Искать надо, откуда свет был.

За дверью всё ещё раздавался гул, стихия вытолкнула нарушителей, очистилась от нежелательных гостей. С каждым новым этажом, шум за стенами, бившимися в агонии, становился менее отчётливым. Что-то его перебивало, что-то знакомое. Ещё пара ступеней.

— Оля, ты слышишь?

— Слышу. Сейчас посмотрим, — Оля заметно устала за это время, еле преодолевая ступеньку за ступенькой.

Чёрная и вонючая струя дыма уходила вверх по лестничным клеткам медленным облаком. Четыре обшарпанных двери, но сам лестничный тамбур был чистым. От тарахтяги-генератора вело несколько проводов, тройка расстилалась по полу, уходя вниз на этажи, некоторые были отключены, и ещё один уходил напрямик в стену одной из квартир. Перед дверью, за которую и уходил провод, даже лежал коврик. Оля легонько постучала и отошла. Тишина. Она снова постучала, уже чуть громче. И снова тишина. Оля вновь уже прикладом винтовки ударила дважды и снова отошла. За дверью послышались шебуршания, она открылась, показалось дряблое полуживое старческое лицо. На вид лет семьдесят-восемьдесят, не меньше. Руки и тело обрюзглые, но видно когда-то давно имевшие привычку заниматься спортом каждый день. Тяжёлый взгляд, с ноткой какого-то моментного безумия. Седина с проплешиной на макушке, нос картошкой.

— Неужто, помер наконец-то? — он взглянул на Олю.

— А-а?

— Угу, проверяете меня? Ну же, проходите-проходите.

Троица стояла так в коридоре где-то минуту, смотря друг на друга.

— Здравствуйте, — сказала Тоня с толикой вопроса.

— Здравствуй, внученька, — с прищуром и доброй улыбкой он взглянул ей в глаза.

— Ой, — она чуть испугалась и зашла за Олю.

— Ндам... Здравствуйте, дедушка. Мы тут в метель попали, если бы не вы и спасительный маячок в окне, так бы и замёрзли.

— Забавно...

— А?

— Правда, чего же я, пройдёмте на кухню!

Стоило ему развернуться, как тут же он ударился пальцем ноги о тумбочку, со стационарным телефоном на ней. Мужчина чуть скрючился и разозлился.

— Да сколько же можно.

Обронил ещё пару слов в сторону надоедливой мебели. Постоял ещё секунд пять в нелепой позе, потирая место ушиба, и повернулся на девчонок.

— Живой. Вы мои родные! — дедушка разогнулся, а в глазах его появилось то ли удивление, то ли странного рода помешательство.

Тоня всё стояла позади Оли и вопросительно глядела на старика: — С вами всё хорошо?

— Со мной? Всё прекрасно! Отлично! Откуда же вы такие? Дорогие мои, откуда? И чего стоите? Разувайтесь, сейчас, сейчас всё сделаю.

Вдруг он схватился за голову и уселся на эту самую тумбочку, сбив телефон. Агрегат с треском грохнулся на пол.

— Что же такое...

Дедуля закашлялся, его рука покрылась мокротой с кровью.

Оля опасалась приближаться нему, мало ли какая болячка.

Он изобразил успокаивающий жест чистой рукой: — Нет, нет. Всё в порядке, это так, старческое.

Из ниоткуда материализовалась тряпка, которой он вытер лицо и руки, после чего приподнялся и наконец пошёл на кухню. Там мерцала лампочка, висящая под потолком на одних лишь проводах.

— Ну же, ну же, пойдёмте знакомиться, идёмте. Сейчас я всё приготовлю. Умывайтесь.

Оля в смятении направилась в ванну, деваться некуда. Может, с головой у старика что-то и не в порядке, но злым он точно не был. На кухне что-то забренчало. А вот и цыкающий звук, который бывает, когда включаешь духовку. Девочки мыли руки старым хозяйственным мылом. Под раковиной в шкафу стояла наполовину пустая коробка с точно таким же. Аромат не из самых приятных, но затхлый и вонючий от выхлопных газов воздух гораздо хуже. Больше интересовало наличие водоснабжения и газа в таких условиях.

С кухни повеяло резким и приятным запахом, что вызвал у девочек новые вопросы.

Это... грибы? С картошкой? Откуда?

Комнатка очень компактная, два на три метра, может, чуть больше. В углу стоял выключенный холодильник, обделённый вниманием. В духовке жарились те самые грибы с картошкой, а на конфорке кипятилась вода в чайнике. Вздувшийся в некоторых местах деревянный стол, за неимением скатерти на нём, кухонный шкаф под манер дубовой облицовки и четыре стула. Советским квартирам очень не хватало хотя бы маленькой, но обеденной. Это, конечно, излишество, есть гостиная, но ради удобства людей могли бы и потратиться в министерствах.

Открытая шкапулка на столе приманила взгляд. Однако стоило обратить внимание, как старик захлопнул её и убрал в шкаф, после чего грубым движением отодвинул стул и уселся. Тяжёлая отдышка наполнила комнату. Дедушка выглядел совсем слабым.

— Присаживайтесь. Я Николай, — сказал он, вытирая пот со лба.

Девчонки смутились, всё это казалось немного бредово, но предложение приняли.

— Я Оля, она Тоня. Приятно познакомиться.

— Оля и Тоня, значит. Вы же ещё совсем дети, а с винтовкой. Неужто где-то ещё война идёт? — Николай тяжело дышал, смотрел в потолок.

— Не знаем. Мы в Москву едем, — сказала Тоня, будто хвастаясь.

— В Москву? Хе-хе, да, в Москву... Давно вы так?

— Полгода, наверное, — Оля сняла бушлат, повесив на свободный стул.

— С лета получается. И всё-таки зря ты в форме ходишь, как бы чего не случилось.

Чайник принялся издавать противный писк.

— Внучка, посмотри пожалуйста вон в том ящике сахар, а то тяжело мне.

Тоня глянула на подругу. Очевидно, что Оля тут выше всех (дедушка на старости лет совсем низенький был). Николай нервно стащил с плиты свистящий чайник, руки сильно тряслись, вытащил к столу серебряные узорчатые ложки годов так двадцатых и толстенные чайные пакетики. Иные, что ранее уже заваривались, лежали на блюдечке, а эти новые. Оля же достала с верхней полки железную красную банку в белый горошек, в ней, к удивлению, было много сахара, что совсем не отсырел за столько времени. Душистый чай. Вот только картошке готовится ещё долго, а аппетит уже разыгрался.

Чайный сервиз забренчал оркестром, особенно сильно ложка, что у Николая, будто первая скрипка. Есть что-то успокаивающее в этом. Бабушка всегда Оле говорила: «Вёсельце убери, в глаз себе ткнёшь». Только вот без такого весла совсем не то было. Всё равно, что винтовка без патронов или велосипед без руля.

— Вы откуда?

— С Челябинска.

— Ага, вы, кстати, второй, кого мы встречаем! — вмешалась в разговор Тоня.

— Да... Я уже давно никого не видел, — Николай мельком взглянул на шкаф, в который и убрал шкатулку.

— Дедушка, а что вы там храните?

— Что?! Где? А, там-то? Ничего полезного — старческий хлам. Вам в Москву-то зачем? Путь не близкий, ещё и зимой.

— Нужно. Ответы кое-какие найти.

— Ох-хо, ответы всем нужны, — он немного растерянно засмеялся.

— Деда, а вам сколько лет? — Спросила Тоня.

— Мне? Давно это было... Началось, когда мне шестьдесят пять, сейчас уж девять прошло, вроде. Семьдесят четыре получаю... — он вновь закашлялся, — Старый я уже. Старше Родины. А тебе сколько, внучка?

— А мне одиннадцать! Или двенадцать, — на секунду Тоня задумалась, — Двенадцать, да.

— Это как же, ты не помнишь? А день рождения у тебя когда?

— В День Пионера!

— Девятнадцатого мая... Точно! Голова дурная, у меня на такую дату даже есть кое-что. Николай поспешно удалился, девочки проследовали за ним.

Комната. Определённо принадлежала девушке. Широкий стол для учёбы. Над ним больше десятка различных рисунков, в них выдерживалась перспектива и даже анатомия. Доброкачественно сделанный стул с мягкой спинкой, небольшая кровать над которой красовался постер какой-то зарубежной труппы в венецианских нарядах, стены пастельно синего цвета, а в шкафу сидела пара кукол, с волосами-пучками и стеклянными широкими глазами. На полочке в углу стояла яркая, но в то же время непримечательная коробочка. Николай полез в шкаф с зеркалом, достал оттуда комплект одежды.

— Это что? — спросила Тоня.

— Как же, наряд примерной пионерки!

— Ну, если так. Просто немного странно выглядит.

— В детстве моей внучки такое носили, только потом уже сменили на менее строгий вариант. Ты померь, тут и зеркало есть. А мы пойдём пока, да, Оля?

— Эм, ладно. Тоня, не теряй нас, мы буквально за стенкой.

— Агась.

Оля на мгновение обернулась и скрылась за дверным косяком. Вновь кухня.

— Пойду чай Тоне отнесу, пока не остыл.

— Постой, не тревожь её пока, — Николай был настойчив в своей просьбе.

Оля немного смутилась, села обратно: — Что-то случилось?

— Пусть она немного отвлечётся. Ей там определённо весело. Лучше ответь, вы кто такие? — сам он чуть нахмурился.

— Ну, мы. Вы меня пугаете.

— Ох, не стоит. Я так, устал немного, оттого таким. Грозным. Выгляжу.

— Устал? — Оля чуть вжалась в стул.

— Да. Сама видишь, что вокруг. Всё же, зачем вам с собой винтовка, да и старьё такое?

Вы одни совсем? — он кивнул в сторону коридора, где лежала «Света», облокоченная на стену.

— Да, одни, а винтовка чтобы защищаться от... Защищаться в общем.

— А ты способна кого-то защитить? — сказал он без издёвки, но очень серьёзно.

Оля опустила голову: — Не знаю.

— Ну-ну, не опускай нос. Это так, привычка, — Николай стал вдруг мягче и сам разнервничался.

— А вы защищали?

— Я? Ох, и не раз. Конечно, думал порой, какой в этом был смысл, раз всё так обернулось, а сейчас... Мы же ничего не знаем наперёд, лишь делаем то, что от нас зависит, значит, был этот смысл. Точно был. Ты не думай, что главное — это уметь винтовку держать, хотя и это важно. Главное — быть готовым её использовать, — он улыбнулся, — Кто ваши родители?

— Без понятия. Ничего такого не помним. Даже не знаю, когда война началась.

— Не помните, значит. Как же, ни семьи, ни школы, ни родного дома? Вас по фамилии как? — Николай с тревогой оглядывал её.

— Не знаю, да мы и не родные, — Оля вдруг схватилась за правое плечо.

— Что с тобой? Сними-ка рубашку.

— Зачем?

— Сними говорю.

Оля послушалась, оставшись в пропитавшаяся потом майке. Синяк на правой руке был размером с две её ладони.

— Ох-хох, — Николай уж попытался встать, как поплохело. Оля хотела помочь, но он только отмахнулся.

— Тьфу! Сколько ты так ходишь? — он принялся рыться в шкафах.

— Неделью или больше.

— Это гематома от растяжения или ушиба сильного, я же даже не доктор, — он достал большую аптечку и раскрыл её, — У вас самих такая есть?

— Есть.

— Как можно было так ушиб запустить? — он достал какую-то мазь и толстым слоем нанёс на бинт.

— Думала, само пройдёт. А что это такое?

— Само пройдёт у них. Само пройдёт! Вот же дети. Само пройдёт. Знал я одного парня, на года три младше меня был. Само оно пройдёт! Не хотел кишки лечить, по итогу от боли скрючился во время драки, ему голову проломили, потом в коме месяца три лежал. Руку давай. Надеюсь, поможет, — Николай покраснел от негодования.

Он необычайно ловко и очень плотно бинтовал руку. Всё больше обливался потом, даже вена на виске вспухала.

— Пожалуйста, не напрягайтесь так, вам же плохо станет.

— Молчи, а то ещё Тоня прибежит.

Оля послушно отвернулась и замолкла. Он еле слышно шептал что-то некультурное себе под нос, вдруг чуть ослабил бинт и сделал аккуратный узел.

— Вот, хорошо. Ничего тяжёлого не таскай дня два, — он вновь достал из ниоткуда тряпку, сильно зажмурился и принялся вытирать пот.

— С... Спасибо. Что это за мазь?

— Полезная. Ты что делала, что у тебя такое с рукой произошло?

— Много чего. Дверь выбивала, ящики ломала, рычаги тягала, канистры таскала. Растянула, наверное, — Оля уж хотела продолжить, как в коридоре появился странный пушистый житель.

— А, Кишка (ударение на «и»), ты. Проснулся, комок шерсти?

На кухню вальяжно заходил достаточно худой дворовой кот, правое ухо порвано, а сам он чуть прихрамывал на левую переднюю лапу. Самый простой дворовой кот, чёрно-серенький и полосатый.

— Кишка? — Оля в лёгком восторге смотрела на кота.

— История забавная, видишь, он у меня весь побитый? Лет десять или больше назад это было. Я прогуливался после работы, небо тогда таким чистым было, не то, что сейчас за окном. На пенсию уже выходил, всё никак не могли меня из отдела вытащить, уж больно работа мне нравилась. В общем, а ко мне мальчуган лет пяти подбегает и кричит: «Кишка, Кишка!» Я не сразу понял, уж думал труп, а может и мелочь какая, но раз уж зовёт, то пошёл за ним. А там, этот вот, — Николай поднял кота, что уже успел усесться у его ног. — От какой-то дворовой шавки котят защищал. Так он и не папаша их, морды и расцветки совершенно разные были. В общем, я собаку приложил портфелем, да посильнее, она сбежала, а героя я с собой забрал. Я его выходил, а котят потом соседи разобрали. Да ты взгляни на эту морду, он у меня старый совсем, нахлебник! Ха-ха-ха, но я не жалею.

Котяра улёгся на колени хозяина, немного поёрзал на них и растянулся, обнажая большие шрамы на пузе.

— Почесать тебя? Давай почешу. Ну, а ты чего смотришь? Ты не бойся, он не кусается, если, конечно, не злить. Он ещё своё не отжил, хе-хе, — Николай вновь закашлялся.

Оля принялась гладить Кишку. Хотя и худой, а пушистый и тёплый. Очень тёплый. Такой приятный, можно было бы часами сидеть и просто поглаживать ему пузо или чесать за порванным ушком.

На кухню пришла и Тоня.

— Чего, чай гоняете? — Тоня будто всё это время ждала момента, чтобы самой сказать это, — А я вот какая нарядная, смотрите!

Ниже колен чёрная юбка с ремешком, что с большой блестящей позолоченной бляшкой. Белоснежная, глаженная, заправленная в юбку рубашка поверх такой же белой маечки. Аккуратные чёрные туфли и алый, яркий-яркий пионерский галстук, который Тоня даже смогла сама завязать. И весь этот наряд навевал какую-то неизгладимую горькую радость, особенно проявляющуюся на лице у Николая. Он лишь тихонько улыбался и любовался Тоней, которая стояла руки в боки, ноги вширь и подбородок чуть приподняла.

— Да. Очень нарядная! Очень. Вот только ты юбку задом наперёд надела или кажется.

— Кажется, правильно всё.

Тоня трепала юбку, натягивая её чуть повыше. Жёлтая бляшка блестела в свете кухонной лампочки. Юная пионерка определённо негодовала.

Слишком бедное освещение для такой красоты!

— Совсем слепой стал.

— А это что, кошка? Ой, дайте погладить! — Тоня сразу забыла о своём наряде.

— Не кошка, а кот, его Кишка звать. А ты чего о наряде скажешь?

— Очень мило выглядит, красавица прям.

Вот так всегда, неискренними у меня комплименты получаются!

— Вот же, чуть не забыл, сторит же сейчас всё!

Натянув пару рваных прихваток, он открыл духовку, из которой лавиной хлынул горячий воздух, мигом заполнивший всю кухню. Такой горячий, а по запаху вроде подосиновики и рыжие опята. Одни крупные такие, особенно нарезанные шляпки, а другие уже и не рыжие совсем, так усохли, что на вермишель стали похожи.

— А аромат какой! Помню ещё, как Юлюся меня учила. Вы садитесь, садитесь. Руки мыли, да? Да. Сейчас, сейчас, ещё чаю заварю. Хороший чай, зелёный, бодрит, бодрость всем нужна.

Жизнь в нём была ключом. Всё мечется по кухне. Схватит то, поставит это. Тоня от такого обилия активностей терялась. И обед, и кот, и наряд пионерский, как тут не потеряться?

Со слов Николая, жена Юля его научила ещё давно грибы мариновать, и овощи закатывать, и варенье делать из фруктов и ягод, да и в целом готовить. Сколько всего можно выучить, если понадобится, даже удивительно. Сам он есть не стал, но со скуки начал монолог.

— Как всё обернулось. И ладно с меня песок сыпется, но вы-то как будете? Ещё закатки эти. Помню, сам жаловался, что весь погреб банками заставлен, а теперь. Ещё одежда. Скучная, значит. Эта вот дура железная по ночам рычит, — он указал на холодильник. — Дурак. Мы с Юлей, пока искали швею для платья, дочке на выпускной, со столькими прекрасными людьми познакомились. Всех не пересчитать, вот это было приключение! Хоть сказки придумывай. Даже смог тогда внукам, благодаря знакомому, военную часть показать. Танки, БТРы, автоматы. Им так интересно было.

Тоня разом протолкнула всё, что было во рту: — Танки?

— Ага. Самые новые и дула вот такие огромные, — он свёл пальцы в форме круга. — Хе-хе.

— А мы знаем, видели пару раз и даже стреляли!

— Да? Оля, да ты прирождённый танкист, раз такую тяжесть поднять можешь.

— Не то чтобы. Снаряд не очень тяжёлый.

Буря поутихла. В окне стали проглядываться грубые очертания 57-го. Стоял там почти полностью занесённый снегом. Только задранная вверх пушка отчётливо просматривалась сквозь вьюгу. Сам Николай на боевой технике никогда не катался, тем более ею не управлял, отчего завидовал белой завистью, особенно Оле.

Все отужинали. Тоня принялась расхаживать по квартире в пионерской форме, не будучи в силах ей нарадоваться. Самая простая чёрная юбка казалось пышной на ней, может, из-за не самых широких бёдер, Тоня очевидно была худенькой, а может, дело в самом фасоне. Светлые длинные волосы же с белой рубашкой составляли приятный глазу дуэт, дополняли друг друга. словно топлёное молоко с мёдом. А глаза! Огонёк. Искорка их, скачущая по миру и наполняющая сердца яркой надеждой, входила в резонанс с алым пионерским галстучком. Можно было бы вечно просто наблюдать за Тоней, за её движениями и речами. Грустно лишь, что в зиму от такого лёгкого наряда не было толку.

Николай долго следил за Тоней и её распущенными волосами.

— Хочешь косичку?

— Косичку? Не знаю, я так только пару раз ходила.

— Садись, сейчас сделаем. Где там... Ага, во-от, — он уселся на стул позади и принялся плести.

Оля сама лишь пару раз носила косу и хвостики, а потому с интересом наблюдала за ловкими движениями Николая. Он был очень сосредоточен. Тоня же мотала ногами, что-то напевая себе под нос. Парочка минут и на волосы налезла красная, чем-то напоминающая волну, резиночка.

— Хорошо получилось, — Оля с трепетанием взяла косичку в руки.

— Ещё бы. Я жене и дочке тысячу раз такие заплетал. А тебе, кстати, длины на хвостик хватит, хочешь?

— Нет, спасибо, пробовала уже. Мне не идёт.

— На нет и суда нет, — Николай радостно выдохнул и поднялся со стула. — Хочешь себе забрать?

— Что забрать? — спросила Тоня в ответ.

— Да хоть всё!

— А можно?

— Престало этому без дела пылиться.

— Спасибо!

Все готовились ко сну.

Девочки укладывались в комнате, где переодевалась Тоня. На удивление тепло, и причина тому была известна только Николаю. Делиться знанием он совершенно не хотел, что странно. И всё же комната его внучки была слишком чистой. Оля недоумевала.

И почему все, кто попадают на пути, такие странные?

Просторная кровать, поверх старое, лёгкое и мягкое одеяло, прямо пузо у кота. Тоня, разлёгшись, как звёздочка, почти моментально уснула, Оля же не могла сомкнуть глаз. То ли дело в подруге, которая забрала себе три четверти кровати, то ли не отпускали навязчивые мысли. Будто всё это уже происходило. Да, она знала на что это похоже, но догадаться было бы слишком банально, она старалась копнуть глубже, но выходило не слишком удачно.

За стенкой, где была кухня, послышался тихий шорох. Оля незаметно шугнула из-под одеяла и на цыпочках вышла из комнаты. Николай вновь сидел за обеденным столом и гладил Кишку, который упивался моментом, прикрыв глаза и громко мурлыча. И против шерсти его погладят, и правильно, и шею почешут, и за ушком, и бока потискают.

Два ночи. Откуда батарейки? И бензин. С другой стороны, зачем мне это знать? Есть и ладно. Ой, заметили.

— Тоже не спится?

— Да. Тоня слишком непоседливая, даже спать спокойно не умеет.

— Ещё чаю?

— Спасибо, не хочу.

— И как она у тебя не унывает. Радостная такая, а жизни мирной и не видела.

— Помнит она, отрывками. И я помню, но не друг друга, — Оля запустила руку в волосы и принялась почёсывать гудящую голову.

— Может контузия у вас, вот и мерещится всякое или не помните. Вспомните потом, я уверен, — он медленно кивал, будто пытаясь успокоить самого себя, нежели Олю.

— Угу. Просто... Меня пугает, что мы не знаем друг друга, а столько времени прошло.

— Держи, гладь, — Николай протянул ей Кишку, как и в тот раз.

Оля чуть приподняла старого кота, он протяжно мяукнул и медленно моргнул, смотря на неё.

— Хороший он у вас, — Оля потёрлась носом о мордочку шерстяного нахлебника и обняла его.

— Да, честный и с обострённым чувством справедливости, — сложно описать тяжёлый взгляд Николая. Тоскливый что ли.

— Николай...

— Никитой зови, незачем уже эти формальности.

— Деда Никита, из-за война началась?

— Фашисты. Не добились мы их всех. И чинуши всем жизнь портили, — он перевёл взгляд на шкаф, в который спрятал шкатулку. Немного посидел, так и продолжил, — Зря чистки остановили. Может, меньше грязи в партии было бы, и поумнее бы люди туда шли, и идейнее. Тогда бы ничего и не произошло.

— Как-то бесчеловечно.

— Совсем нет. Мой отец в гражданской войне белых бил, в отечественной Минск защищал, ранение получил и снова на фронт. Я же здесь, на гражданке контру и шпионов вылавливал. Не то что эти. Нервы трепали народу и до, и после. Ничему не научились и коммунистами никогда не были, словари ходячие, только терминами умели разбрасываться, — Николай заметно поник.

— Так это они виноваты были?

— Конечно нет. Они, может, были и не высокого ума, но войны никто не желал. Ни один разумный человек неоправданных смертей не хочет, да вообще смертей не хочет, все мира хотят. Главное отличие нашего народа — это знание, понимание, что такое есть война. Потому действительно идейные люди, что с низов в партию шли, зная какого быть простым человеком, старались делать страну лучше. Не быть карьеристами, не жить за счёт других. А тех, кто ушлые, не выкуришь уже с мест никак. Это не бояре, но и с простым рабочим они имели мало общего. Только громкие тирады толкали, что никак от западных не отличались в своей лживой сути. А быть коммунистом это же про отношение к другим, про поступки. Уважение, равенство и братство, взаимопомощь. Книжки, конечно, полезные, но главное было друг о друге думать. А они там наплевали на всех, не хуже прочих. У меня и сил уже нет.

Оля не нашла что ответить. Николай вновь обратил взор на шкаф, встал, достал свёрток, потом шкатулку. Девочки не успели её тогда рассмотреть, а она оказалась большой и зеленоватой. Из змеиного камня, если обращать внимание на пёстрый узор.

Никогда шкатулок в руках не держала. Дорогие, маленькие. В них же эти, цапки всякие хранили. Украшения. Точно, у меня мама серёжки серебряные носила! И всё, больше украшений я у нас не видела. И к чему это воспоминание вообще?

— Знаешь, что там?

— Украшения, наверное, цепочки или кулон там. Кольца... Фотографии?

— Угадала.

Фото женщины лет тридцати. В свёртке ТТ.

Их тысячами тонн производили, что ли? Гравировка какая-то: Осипов Н.О. Ох, так вот с какой он усталости говорил. Это же ещё пару минут и...

Оля не успела перепугаться, как тут же Николай жадно вцепился в рукоять и передёрнул затвор. Патрон вылетел. Глухо упал на стол, медленно покатился с него, а затем с характерным звоном плюхнулся на пол. Кишка, уже как по привычке, подобрал его в зубы и

вернулся к хозяину.

— Давно планировал, но никак не решался, — той же рукой он направил ствол в потолок и нажал на спуск, за которым ничего не последовало.

Нет, не стал бы он такого делать, не будет такой человек стреляться на глазах у кого-то, никогда не будет. Не того воспитания и совершенно не того времени человек.

— Долго пыталась понять, кого вы мне напоминаете.

— Да? — спросил Николай с интересом, — Кого? — он отложил пистолет, увлѣк внимание фотографией женщины, на оборотной стороне ручки выписано было имя Женя и потёртая дата.

— Мужчина один, на вас очень похож. Мы его с Тоней в Свердловске встретили.

Николай порядком оживился. В тяжѣлом взгляде загорелся огонь, какой обычно есть у Тони, но этот раз в десять сильнее: — А имя ты его знаешь?

— Да, Мишей зовут. Лет тридцать ему.

— А выглядит он, выглядит как?!

— Высокий, довольно сильный, немного седой, глаза сероватые, может, чуть зелёные. Лицо простое, квадратное. По отчеству Игнатъевич, — Оля растерялась.

— Так это внук, точно внук мой! Игнат — отец его, он с женой, д-дочкой моей, Женей, погибли они. Живой Миша, живой! Как же он там, один совсем? — на глазах у старика наворачивались слѣзы, он отложил фото и принялся вытирать их.

— Здоров, конечно, здоров. Спокойнее, у вас давление поднимется.

— Живой, живой... Я-то думал, что у меня всех забрали.

Николай поднял Кишку и вынул у него из пасти пулю.

— Старый дурак. И тебя друга оставить хотел. Прости меня, прости, — шерстяной комок медленно мякнул ему в ответ и был таков.

Снова тишина — гнетущая и пугающая, без малейшего очарования. Уставший и беззлобный взгляд, бессильная тревога.

Рассказать ли потом Мише о дедушке? А если и рассказать, то что? Они скорее всего никогда не увидятся. А понимание, что где-то там далеко твой близкий человек, такой же одинокий, как и ты сам, не может даже восточку прислать. Оно же съест изнутри.

Но стоило посмотреть на Николая, его спокойствие, на то, как он чуть приподнял голову в попытках скрыть слѣзы, как все сомнения уходили прочь.

— Он помог вам?

— Угу. Накормил, одел, умыл. Он добрый, но немного... Тоже устал.

— Да, он всегда был чуть задумчивее, чем надо. Я таким в его возрасте не страдал. Сейчас вот слишком много думаю, но ты сама понимаешь.

— А что это за болезнь?

— Не знаю, ещё до войны началось, за год. То приходит, то уходит. Кашель, головные боли, мышцы ломит. Некоторые, кто помоложе, переболели таким за недельку, а ко мне вот прицепилась. Разными таблетками пичкали раньше, вроде помогало. Ну, не такое переживали! Главное, что Миша жив. Я ж его на руках, маленького из роддома выносил, Игната тогда с работы не отпустили. В садик водил. Я его и из пистолета стрелять учил на стрельбище. Правда мне потом Юлюся втык сделала, надавав одним прекрасным летним вечером половой тряпкой по котелку. Говорит: «Чему это ты Мишку учишь? У него к математике талант, а ты!» Хе-хе-хе... Оно того стоило, его сразу к армии потянуло, а он спокойный, умный.

На часах три ночи. За окном лишь медленно спускающиеся к земле крупные хлопья снега. Их освещала лампочка с кухни, окрашивая в жёлтый цвет. Николай потихоньку встал со стула.

— Научи Тоню с пистолетом обращаться, обязательно научи. Главное уметь постоять за себя, но, чтобы она никого не убила. Слышишь? Я лично тебе этого не прощу.

Снова? Опять? Вновь обещания? В очередной раз следить, мучаться? Сколько можно? Как же меня это достало... А Тоня сможет одна без меня? Нет. Не ныть, главное не ныть. Раз уж взялась за дело, то, видимо, нужно идти до конца.

— Она же маленькая совсем... Я постараюсь, обещаю.

— У вас помимо винтовки что-то есть?

Оля вытащила ржавый кусок метала и положила на стол.

— Нет, так не годится. Вот, держи.

— Я не могу так, он же наградной, наверное.

— К чёрту регалии! Это инструмент, что может стать хорошим другом. Мне он был таковым, служа верой и правдой. Да и если его увидит Миша, то я буду очень вам благодарен, — Николай протянул пистолет рукоятью вперёд.

Оля неуверенно приняла подарок.

— Пойдём-ка спать, утро вечера мудренее, как говорится, — Николай улыбнулся.

— Угу.

Тоня сладко спала, чуть отвернувшись к стенке и освободив место на кровати. Оля почти сразу заснула. И снова встречаются нелепица и мысль, что нелепица эта гораздо важнее любого сна. И порой эта мысль побеждала сон. А порой она брала верх и уже не ты смотрел сон, а он смотрел на тебя. И это был странный, диковатый и страшный сон. Нелепый сон.

Зима подходит уж к концу,

И скоро будет нам весна!

Но вновь ударила пурга,

А ты одна, и только снег,

И только мёрзлые поля.

Такие же, как и всегда —

Бескрайние, да без стыда.

А небо льётся за края —

Встряв в битву, обнажает кровь.

Всё алое и пуля в бровь!

Рассечена башка на части,

И мозг синюшный — жизни нет,

И разболелась голова.

Бросает в бредни, как всегда.

Бросает вправо, влево, вниз.

А держит словно бранный лист.

Он злой, тяжёлый и большой.

Он душит, правит головой.

А ты на крике: «Уходи!» -

Припомнишь славные деньки.

Знамёна красные, объятия,

Гвардейский марш — воспоминания.

Улыбки, шум, тепло и утро –
Повсюду праздник, жизнь попутно!
Но вдруг молчанье, холод в жилах.
И только шёпот в голове:
— «Не ври себе, не ври в страданиях»

И переходят в прозу все.

Лоб у Оли покрылся испариной, а сама она изъелозилась в кровати, чем чуть было не разбудила Тоню. Испуг быстро перерос в злобу.

Несправедливо!

У тебя есть счастье, но ты того не видишь.

Я же смогу её защитить? Я права? Смогу? Я не знаю! Не знаю я! Мне никто и не ответит!

Никто и не обязан отвечать. Будь ты собой, давно бы уже знала ответ.

Отдышка, слабый солнечный свет. Тоня всё ещё спала. Действительно, такая хорошая кровать. Оля постаралась откинуть тревогу и вышла. На кухне пусто, и в ванне пусто, и в коридоре пусто. И Кишки нигде нет. Оля посидела чуть на кухне, вскипятила воду. Видно, вчерашний вечер не был сном. Тот же чай и вкус знакомый, шёл десятый час утра. Оля хотела разбудить Тоню, но та так сладко спала, да и торопиться сейчас некуда, да и руке правда стоит отдохнуть. Более того, ноющая боль вернулась, пускай и в меньшей степени. «Может, лучше Николая разбудить?» — подумала Оля и постучала ему в дверь. Молчание.

За дверью послышалось шуршание когтями. Там сидел Кишка, что в своём репертуаре протяжно мякнул и повернулся в сторону Николая.

Что случилось?

На раскладном диване лежал Николай. Неуютная комната, точно не для сна, хотя и ничем не выделялась. Кишка запрыгнул на диван, лёг Николаю на грудь.

— Дедушка! Деда Никита, просыпайтесь, день уже!

Он не отвечал.

Она взяла его кисть машинально, дотронувшись до вен — пульса нет.

Она, не понимая ничего, опустила голову и стала прислушиваться — дыхания нет.

И стоило ей взглянуться, как ясно стало, что лицо его совсем побледнело — жизни нет.

Больше ничего нет. Ни человека, ни личности, ни памяти, ни эмоций, ни чувств, ни обиды, ни счастья. Ничего нет.

Ноги обмякли, Оля еле удержалась, чтобы не упасть. Не страх, не паника, но шок. Такой простой и понятный. Вот ты общаешься с человеком, а вот его больше нет. Всё. Но может это даже проще? До тебя для тебя было ничего и после тоже ничего не будет. И волноваться за человека уже не надо, уже не за кого. Но как об этом сказать Тоне? Да надо ли вообще? Может его отнести куда-то? Да куда ж его унесёшь, он же весит, как Оля, даже больше. Ещё и обещания даёшь человеку, а он уже лежит вот так перед тобой, бездыханный. И просил он без расчёта на свою смерть... хочется верить. Кто же знал. «Что же делать?» — один вопрос заполнил черепушку, перегружая и надрывая нервы.

Не сразу заметила Оля, но с лица Николая так и не слезла эта тяжёлая улыбка. Она теперь выглядела, как неумелая насмешка. Будто над самой смертью. Над собственным эгоизмом, над своими переживаниями.

Нужно хотя бы похоронить его. Но как? Да почему всё так сложно, почему так глупо? Я не этого хотела! Не этого, совсем не этого!

Оля села на пол, но даже не плакала.

Может, оставить это всё как есть?

Кишка спрыгнул с дивана, потёрся головой о коленку. Мурлычет. Спокойно. Он будто понимал намного больше.

Конечно, куда мне, я же не защитник слабых, ты всё понимаешь.

Оля погладила его по спине. Кишка вытянулся, чуть елозя своей кармой из стороны в сторону.

— Мяу! — он уселся и утвердительно мяукнул.

— Ты же совсем один останешься, бедный. Хочешь с нами? — она легонько ткнула пальцем в его мокрый нос.

— Мяу, — боднул он Олю в ответ и пошёл в комнату к Тоне.

На полке внизу стояли какие-то цветные коробочки из плотной бумаги. Оля схватила пару и открыла. В таких, но другого цвета, хранились патроны для винтовки, а в этих, что не удивительно, для ТТ.

Значит, теперь не отвертишься.

Оля схватила с той же полки ключи, встала, вышла, заперла дверь, смотрела на неё и не понимала. Не понимала, что делать потом, но знала, что делать сейчас. А сейчас нужно двигаться дальше, нужно научить Тоню защищаться, нужно стать смелее.

Кишка залез в кровать и начал тереться о щёку Тони. Она понемногу просыпалась. Оля, принеся чай, не успела ещё придумать как объясниться.

— Доброе утро! — Тоня была на подъёме.

— Угу, доброе.

— А дедушка где?

— А-а, ну, ушёл он. Сказал, что дела у него, нужно за лекарствами сходить. Сказал, что мы тут ответственные, да, а он через три дня вернётся...

Тоня смотрела на неё с очевидным подозрением.

— Мхм, ладно. Кушать будем?

— Конечно, будем, пойдём, я воду недавно вскипятила, — ответила Оля.

Этот день и ночь прошли для Оли полными попыток забыться в еде, сне, чае и рисунках. В той яркой коробочке были цветные карандаши, а Тоня любила рисовать. Как бы ни было тяжело, но Оля терпела. Все всё понимали, но игнорировали. «Не самый взрослый поступок, но, наверное, самый лучший в данной ситуации» — так Оля оправдывалась перед собой. Тоня по странному часто стала обнимать её. Это тепло, такое честное, такое искреннее, такое доброе и комок шерсти, который трётся о ноги. Оля выцепила себе право на счастье. Авансом.

Две ночи пролетели мгновением. Пурга всё это время не унималась, всё выла и выла. Просто лютый мороз и ненависть ко всему существу.

Девочки час откапывали 57й. Благо снег был рыхлый и лёгкий. Оля чувствовала теперь в кармане тот самый пистолет, который ей подарил Николай. Обещание висело на душе самым понятным и явным грузом из возможных — тяжестью в кармане. Вот и думай теперь, где и как учить.

Двигатель снова запыхтел, зарычал. Нужно уезжать. Дом был девятиэтажным, стоявшим на отшибе почти в полном одиночестве. Нелепый и странный. Из каждого города хочется поскорее уехать. Нигде нет места, а где оно могло быть, там выгоняют со страшной силой.

Ты дрожала во сне.

Я же всё понимаю!
Дай тебя мне обнять,
Укротить страхов стаю.

Всю! Без выхода к краю...

Глава 7 Обсерватория

Погода не переставала удивлять. Сначала пурга, теперь оттепель. Приди тихо, не было бы проблем, но она ремнём дала по пятой точке, согнав зиму с налёжанного места. Совершенно всё не к месту. Так тепло, даже почки проклёвываются. Слякоть раздражала, а сосульки так и норовили сорваться прямо на макушку. Тент спрятался в дальний ящик. Оля ехала молча, изредка посматривая на нового попугайчика и вспоминая короткий диалог тот с ним. Кишка, ставши лишним ртом, вылез из рубки и улёгся на корпусе снаружи. Может, старость, а может, ещё что, но на тряску ему было наплевать. Спал, как убитый. Только изредка принюхивался в поисках чего-то знакомого. Подпускать его к себе Оле было не очень-то приятно. На улице грязно, а грязь любила его пушистость. Пришлось выделить троглодиту отдельный ящик, постелив там старой одежды и тряпок. Однако Тоня вот всё равно таскала его с собой, где только можно. На ручках, на плече, на шею усадит и идёт вся такая важная, будто слиток золота таскает или ещё что ценное. Даже не пожалела своей любимой каски, в которой иногда таскала его, как в лукошке. А он и не против, дрыхнет, мурлычет. Справедливости ради — неспроста. Кто знает, может это последний кот на земле? Да ладно, эти ушлые создания не вымрут. Для него, собственно, ничего и не изменилось, кроме того, что рацион скуднее стал.

Трио приближалось к Чебоксарам. Город окружали многочисленные посёлки, и малые и побольше. В один такой они волей случая и нагрязнули. Практический нетронутый, надо сказать. Проржавевшие и перебитые газовые трубы, заборы, ещё голые яблони. Посёлок как посёлок, собственно говоря, много домов, дач, а поблизости был огромный такой колхоз, где обездвиженными и обездоленными оставлены были с десятков тракторов и комбайнов. Картина разрухи меняться не собиралась, ещё и эта слякоть повсюду. Очень уж хотелось найти резиновые сапоги, для таких вот эксцессов. Тоня заметила огромное сооружение и это самое кладбище сельскохозяйственной техники.

— Это что? Колхоз?

— Ага, или кооператив бывший, может, артель. Так сразу не скажешь.

— А отличие в чём?

— Вспомнить бы. Хм. Объединение крестьян для коллективного ведения хозяйства. Вроде.

— Колхоз или кооператив?

— Колхоз — предприятие государственное, туда часто насильно сгоняли, а в кооператив вступали добровольно.

— Понятно, — Тоня многозначительно кивала головой и поглаживала Кишку, что вновь запрыгнул в свой уютный ящик, — А почему насильно?

— Так люди же разные. Может кто и без этого жил хорошо, а в таких учреждениях, если их можно так назвать, нужно имуществом делиться. Что для сельского хозяйства может быть полезно, то и отдавалось. Бедняки же трактора себе позволить не могли, а богатый им его просто так не отдаст, потому что тогда меньше заработает и съест. Вот буржуя никто и не слушал. Ради блага большинства — насильно заберут и обобществят. Да и одним большим предприятием управлять проще, чем сотней маленьких. А вообще, пойдём-ка взглянем.

Девочки сошлись на том, что это колхоз. Покорёженные, торчащие во все стороны

железные прутья, разбитые стёкла, гнилые доски, исхудавшая кровля. В таком главном зале их сразу встречали грамоты и награды в стеклянном шкафу за достижения в социалистических соревнованиях, какие-то документации на стенде информации и красивые нарисованные и распечатанные агитплакаты. Поле, Луна, комбайн и мужчина, взывающий к действию, смотрели на девчонок в ожидании реакции.

— Смотри, Оля. Ночь — работе не помеха! Холодно же и темно. Что же в таких условиях вообще делать можно?

— Всё то же самое. Посев, орошения, сбор. Мне бабушка рассказывала, что им доплачивали за это, уж не знаю правда ли. Всё равно план был, а его выполнять надо.

— О, а вот ещё один. Полевые работы не ждут! Как это называли? Картошкой же? А я туда ездила пару раз, — Тоня стояла напротив плаката с изображённой на нём женщиной, вытирающей пот со лба рукой, и мешком то ли капусты, то ли лука.

— Ага, я каждый год на неё ездила, хотя не хотела. Добровольно-принудительная система называется, блин. Все вокруг потные, уставшие и спина болит.

— А меня дядя один раз спас от участи в жару свеклу выдёргивать, и мы с мамой на десять дней на море уехали.

— Как это?

— А он важным дядькой был в городе. Решил так перед мамой извиниться за кое-что. Не люблю его, хитрый и врал много. Ещё и подкупить меня пытался подарками, но я не брала.

Тоня махнула рукой и перевела взгляд на ещё один плакат. Толстенные красные стрелки графиков, устремлённые вверх, и разные цифры — чем выше, тем больше.

— Строительство социализма! Вот это я знаю.

— Знает. Ты книги-то читала, хоть одну про это?

— Не-а, только от взрослых много слышала. На собраниях в школе ещё.

— Но о колхозах не помнишь?

— Чего мне, определения заучивать? Во, ещё один, смотри. Вырастили отлично — уберём без потерь! У них ещё и яблоня размером с дуб и грузовик как с конвейера.

— Так тут и люди все красивые и весёлые. Я там таких не видела почти. А если и видела, то они вместо работы шутили о чём-то, да лениво картошку в мешки кидали. Хотя чего я? Это же работа, чего там весёлого, когда всё тело ноет!

Были и другие плакаты, и другие лозунги. Кто за станком, кто ночью в поле на комбайне, кто охапку пшена тащит и все с улыбками. Сейчас это выглядело мило и наивно, по-своему поднимало настроение. Смотришь на людей, счастливых одним своим трудом, принадлежностью к общему делу, и у самого настроение поднимается.

— Тоня, взгляни наверх.

— Ась?

— Читай. Учение Маркса всесильно, потому что оно верно.

— Это-то? А что, думаешь, нет? Ты у нас, тогда, как папа говорил, ревизией будешь! — Тоня засмеялась.

— Не знаю. Манифест помню, а когда из библиотеки первый том «Капитала» взяла, то и половины не поняла. Написано заумно и топорно, усыпляет, потому и знаю немного. Но мне Николай сказал, что главное — это отношение к людям и поступки. То, что ты делаешь, а не знаешь или говоришь.

— Потому что так оно и есть! Значит, хороший человек будет коммунистом?

— Скорее настоящий коммунист и словом, и делом будет хорошим человеком. Я так понимаю. Плохие становились полициями — нам один ветеран рассказывал на линейке.

Девчонки продвигались вглубь тёмного зала, когда зайчиком в глаза отразилась лопасть самолёта, что застрял, впившись носом в крышу колхоза. Подбитый И-16, старичок авиастроения, сталинский ишак, если иначе. Разворотил весь коридор, оборвав провода, разбив витрины и постаменты, свалив кубарем всю мебель. Ему-то точно было без разницы на всяческие догматы.

— А это самолёт там? — спросила Тоня.

— Ага, винт торчит... Не, мы туда не пойдём.

— Так другие коридоры вообще полностью завалены.

— И пусть, а этот ещё упадёт как на зло, так мы тут и останемся. Сапоги того не стоят.

— Угу. Ну ладно, а я школу видела. Пойдём туда!

В деревне была таковая. С библиотекой. Небольшая, наверное, на учеников двести, чего для такого захолустья было вполне достаточно. Она сильно выделялась на фоне простеньких деревянных домов наличием большого подвала со входом с торца, стойкой зелёной краской, двумя этажами с высокими потолками и широкой двускатной крышей. Здание почти не пострадало от времени благодаря добротной кирпичной кладке. Здесь девчонок не встречало обилие лозунгов и плакатов, помимо одного при входе — «Учиться, учиться и ещё раз учиться!»

— О, у нас также в школе было!

— Да, у нас тоже, — Оля с долей снисхождения смотрела на эту цитату.

Мысль-то отличная, на века. Но, в самом деле, не могли что-нибудь новое придумать? Не шестьдесят же лет на одной цитате локомотиву знания ехать. А то это больше на фарс начинало походить. Учиться и учиться, будто в жизни других проблем не доставало!

А вообще, размышления навевали исключительно скуку, другое дело библиотека. Оля любила читать. Очень любила. Сидишь в кресле, взгляд по строчкам бегаёт, а сценки и диалоги сами в голове разворачиваются. И великие сражения, и романтические поцелуи, и комедийные зарисовки, и триллерные истории, и детективные сюжеты, и драматические моменты. Ещё поражали воображение советские фантасты. Особенно интересны были утописты и те, кто про апокалипсисы писал. Вторые, к сожалению, были не в любви у партии, потому что бок о бок с апокалипсисом шла антиутопия, а минусы и огрехи в советской системе было найти очень просто. Это ещё что, даже боевики иногда писали, хотя они были неумелой калькой с западных. И совсем простые истории были, житейские, скорее походившие на автобиографии. А ещё соцреализм никуда не пропадал.

Тоня же не очень загоралась при виде художественных книг. Можно понять, она куда активнее Оли, чего ей это долгое чтение, если фильмы и красочнее, и динамичней. Но вот энциклопедии! Сколько всего нового из них можно почерпнуть! Редкие машины, древние статуи, первые самолёты, совершенно разные деньги, животные из Красной книги, грибы, что управляют насекомыми, самые необычные вулканы и много чего ещё. А особенно космос. Не просто так Юрий Гагарин и весь трудовой народ покоряли его, давая новую надежду всему миру. Надежду на что-то действительно большее, на целую неисследованную галактику! Конечно, статьи о новых двигателях или сплавах утомляли, но вот простой принцип и большие цифры, внушительный вид челнока и фотографии звёзд, планет, метеоритов, вот что всецело захватывало воображение. Фильмы динамичные, но вот на документальных Тоня всегда засыпала. Бюджет у них не такой большой и позволить себе

полной свободы они не могли, в отличие от детской фантазии.

В самом деле, у всех свои вкусы.

Целый шкаф был выделен исключительно под большие сборники классики. Ближе к читателю, очевидно, располагалась отечественная. Старые, потёртые, пожелтевшие, с чуть порванными корешками книжки. Но классика на то и классика, главное — это содержащиеся мысли.

— Чего бы выбрать? — Оля выискивала литературу для себя и Тони.

— Смотри, что нашла! — Тоня подбежала к подруге с толстой книгой «Большая энциклопедия космоса».

В этом опусе страниц триста было, а формата чуть меньше А4. Книгу Тоня держала с трудом, но, судя по её глазам, оно того стоило.

— Ого, я помню, у нас тоже такая в библиотеке была. Не маленький тираж, раз она и тут есть.

Бумага хорошая, не выцвела, качественные фотографии и рисунки, красочные разноцветные сноски с информацией, дополняющей главные статьи. Было в оформлении то, за что можно уцепиться. Не удивительно, одно из важнейших достижений Советского Союза требовалось увековечить в веках, в том числе и хорошей литературой. А литература — это не только придумки авторов.

— Возьмём с собой? — Тоня с предвкушением глядела на Олю.

— Конечно! Мне и самой интересно.

Оля сунула вместе с энциклопедией в рюкзак и сборник стихов. Всех авторов и понемногу. Маленькая такая книжка, но толстая, чем-то походила на карманный словарь. Вдруг в проходе послышалось протяжное: «Мяу!» Кишка подозвал девчонок посмотреть на что-то и прихрамывая ушёл за дверной косяк.

На стене было объявление:

«Большая экскурсия по астрономической обсерватории.»

Внизу шрифтом поменьше было описание сего события, но оно было слишком размыто. Не прочесть. Только карта осталась цела, потому найти на ней нужный поворот не составило труда.

— Оля, может съездим туда?

— Обязательно! У нас пока всего хватает. Но лучше сначала в деревне осмотреться.

Проезжая по главной улице, девочки, незаметно для самих себя, оказались на отшибе. Среди равнодушного леса, лениво тянущихся к солнцу пихт и ёлок, спрятался простенький, хороший дом с одной только комнатой и тамбуром, разделяющим её и улицу. Всё в пыли. Кишка сразу нашёл себе занятие в виде клубка ниток. На маленькой тумбочке стоял ламповый телевизор, а на нём лежали какие-то журналы для автолюбителей и полурешённые кроссворды. Небольшие окна, лениво пропускающие свет. Около стенки застеленная оранжевым пледом кровать, над ней радио, висящее за верёвочку на гвоздике. Близь стола низкий стул с мягкой сидухой, а на нём какая-то бутылка, отдающая спиртом. Раковина с жестяной умывайкой над ней. Вместо печи простенькая духовка.

— Думаю, бывший владелец не против, если мы тут пороемся чуток, — оглядывала комнату Оля.

— Да тут же ничего интересного нет.

В шкафу, который осматривала Тоня, помимо старого белья действительно ничего и не

было.

Котяра в последний раз с силой шлёпнул клубок ниток и одним неловким движением запрыгнул на комод, чуть не упав. Оля обратила внимание на несвойственное Кишке ранее любопытство, открыла дверцу. На полках стопки пожелтевших писем, имевших самые разные адресанты. Сюда писали со всех концов мира. Корявые и не очень рисунки и зарисовки вперемешку с чертежами автомобильных запчастей. А ещё парочка связок бумаги — рукописи. Обе были без названия.

В первой описывалась колония поселенцев на планете, поверхность которой полностью состоит из воды, где та дрейфовала по бесконечному океану. Там добывали редкие элементы таблицы Менделеева из атмосферы и водной толщи. Странные создания глубин, губящая радиация, практически полный штиль и гнетущая тишина на борту большого железного гиганта, стенки которого не могло прогрызть ни одно морское чудовище. Вторая же была простым романом между девушкой швеёй и начальником ЖЭКа. Хотя это скорее было художественным переосмыслением прожитой жизни судя по первым строкам истории, посвящённым любимой Марии.

Простая деревушка, вроде, а тут, оказывается, писатель жил. Получается, что письма от поклонников? Стопка-то увесистая. Интересно, какого с писателем бок о бок жить? Они же обычно достаточно закрытые, тем более если он специально в деревню ото всех сбежать попытался. Но письма-то хранил, дорожил вниманием! Эх, был бы у меня знакомый такой, так проще было бы выразить себя или ещё что-то эдакое.

Спирт и чёрствые сухари — вот всё, что удалось умыкнуть из этого дома. Осматривать другие желания не появлялось. Кишка попросился Тоне на ручки, и они дружным трио собрались в обсерваторию. Они ехали недолго, минут двадцать, и уже были около места назначения. Пропускной пункт, хлипкий забор, находившийся там скорее для виду, что тогда, что тем более сейчас, красивое здание с полусферой наверху, откуда из широкой прорези торчал массивный телескоп. Девочки зашли, а Кишка остался спать, его это всё не сильно интересовало.

Темно, пришлось зажечь керосинку. Сама обсерватория почти не пострадала. Ходить по ней можно было без опаски за целостность своей черепушки. Грязный пол, пустая вахта, доски объявлений и стенд с расписанием экскурсий. И зачем вообще здесь обсерватория?

На стене полный план эвакуации. Архив был на первом этаже под замком, а одна из подсобок в подвальном помещении. Можно было бы сходить в архив, найти ключи, но зачем? Будто в этих документах можно понять что-то без специального образования. А подсобка — самая простая подсобка. Ничего интересного. Разве что тряпки могут согдаться потом.

Девчонки пошли выше по этажам, на втором, согласно плану, и был расположен главный, огромный телескоп. Ступенька за ступенькой, шаг за шагом они поднялись по старой бетонной лестнице, которую обрамляла только коричневая краска по бокам, чтобы было проще эту самую лестницу мыть. Снаружи здание было окрашено в светлый голубой оттенок, а вместо окон крайне редкие стеклопакеты. Качественные и прочные, и через десяток лет они не пропускали холод и не дребезжали под порывами ветра, как это делали простые стёкла в деревянном обрамлении.

Все двери нараспашку. Выглядит всё брошенным в одночасье, как в той квартире в Перми. Меньше всего хотелось найти ещё одну несчастную душу за очередным дверным косяком и этого, к счастью, не произошло.

Снаружи обсерватория выглядела меньше, внутри же можно было и спокойно заплутать. Девочки забрели в главный зал, посреди одного располагался огромный телескоп. Простой — оптический, а значит не требует колоссальной энергии для работы, как радиотелескоп — его более высокотехнологический собрат. Здесь был выход на просторную террасу с парочкой маленьких, любительских. С неё же открывался хороший вид и на площадь, где стоял 57-й, и на поляну в лесу, и на сам лесной массив, состоящий преимущественно из голых берёз и таких же лиственниц.

На парочке столов в зале размещались ЭВМы, а именно их компактные братья, компьютерами называются. Их в 70-е года советские учёные вместе с китайскими разработали. Такие машины очень помогли в сфере хранения и передачи самой разной информации. Очевидно, что первым делом это использовали в военном ремесле, простым пролетариям же такую диковинку опробовать дали намного позже. Купить не представлялось возможным — дорого, да и не нужно. Крайне неповоротливая вещь была. Но вот выйти в ОКС (общая коммуникационная сеть) с такого устройства в библиотеке или на работе при должной удаче было можно. Порыскать по общедоступным архивам в поисках нужной статьи, документа или книги. Всё бесплатно, ещё в качестве культурного обмена был организован СБН (Стенд Братства Народов), где после, будучи честно, крайне долгой и сложной регистрации можно было поделиться своей историей, комментарием к новости, да хоть шуткой, с миллионом других людей.

Оля пару раз выходила в сеть с такого устройства в библиотеке, пока искала нужную книгу для сочинения. Даже тогда это было довольно сложно. А вот Тоня таких ещё не видела и очень удивилась странной железной коробке с кучей кнопочек, чёрным экраном и десятком проводов, уходящих на стену. Скорее всего, за этой самой стеной находился сервер для обслуживания немалого потока информации. Подсмотрели слово у англичан: *serve* — обслуживать. Что же на счёт компьютера: *compute* — вычислять. Факт заимствования скрывать не стали. Английский язык не виноват, что его главные носители следовали политике преступного колониализма и расизма на протяжении нескольких сотен лет. Тем более ни один народ не безгрешен.

Электричество отсутствовало, а привычного удобного генератора поблизости нет. Благо, как знала и сама Оля, телескопу, в отличии от ЭВМов, таких излишеств было не нужно, лишь шестерёнки, смазка и грубая сила, а значит, подождав чуток, можно было посвятить всю ночь изучению глубин космоса. Тоня уже во всю с интересом кружилась вокруг аппарата. И там потрогает, и сюда подлезет. Как мышка, везде свой нос суёт и вынюхивает чего интересного.

— Ты дорогу запомнила? — спросила Оля.

— Конечно, запомнила.

— Сейчас всё нужное возьмём и вернёмся, тут переночуем.

Девчонки спустились. Шерстяной комок по обыкновению спал. Еда, вода, спальные мешки. Всё нужное отправилось по рюкзакам. Ночь обещала быть долгой.

Снова эта беготня. Что тогда, что сейчас с Олей. Что-то это мне определённо напоминает. Сумки с вещами, ключи от машины, побрякушки, которые мне нравились, когда я совсем маленькая была. И мама с папой, которые всегда что-то забывали взять перед отъездом. И все торопились, а на горячую голову никак не могли собраться с мыслями. И папа уже плевался от отпуска, потому что на Кавказ съездить хотел, а тут опять невезуха. Куда же мы ехали? Город какой-то, в Эстонии, наверное. Может, Нарва назывался.

Интересно, осталось ли от него что-нибудь? И почему папе не нравилось? Красивый же город, маленький, уютный, а ему горы подавай. Климат хороший, говорил, люди интересные, необычные, и культура совсем новая. Точно, точно! Вспомнила, это же он мне телескоп и покупал! Поэтому и хотел в горы, поближе к звёздам, вот почему!

Самое трогательное всегда происходит вечером. Походы в кино, прогулки по парку, тихий семейный праздник в будни, книга или записанная передача. Кухонные разговоры. А сейчас вот небосвод. Он всегда привлекал внимание людей. Так близок. Будто рукой можно схватить с десятков звёзд, словно светлячков, и в баночку засунуть. Так далёк. Недосягаемое и неизведанное, что-то, что ты никогда не узнаешь, ни лжи, ни правды, и остаётся только фантазировать и воображать. А как это там, за триллионы километров отсюда? Куда уже не попадёт солнечный свет и спустя миллиард лет. Где ты так далеко от дома, что все твои воспоминания уже кажутся и вовсе не твоими. Это же было там, далеко-далеко. Тоня выпросила у Оли фотоаппарат и сделала пару снимков. Коллекция для альбома пополнялась.

В потоке бурной городской жизни, которой упивались многие, в том числе и девчонки, сложно отвлечься на такое фундаментальное и в то же время простое нечто, как небо. Ночное небо, сделавшееся за тысячелетия добрым спутником бесчисленного количества людей. Когда лежишь так в снегу или сидишь на мягком стуле в обсерватории, когда комар норовит укусить за ногу или лёгкий предвесенний холодок пробежит по спине, когда собственными глазами видишь всё многообразие сюжетов и историй на небосводе или сквозь сложную систему линз и зеркал смотришь на одну звезду, единственную и неповторимую.

Хочется быть и самому, как звёздочка, таким же ярким, горячим и одним в своём роде. И конечно, каждый индивидуален в своём образе и влиянии на мир, но подобно звезде, которая просто кипит и шипит внутри, создаёт внутри новое, поглощая старое, так и человек — просто сборище старинных обычаев, идей, устоев и знаний, которые перевоплощаются во что-то новое и необычное, что до того не видел никто, но что вполне бы мог создать кто угодно. И даже так это остаётся твоим, личным, до чего додумался ты, что кипело внутри тебя десятилетиями, а в людях до тебя сотни тысячелетий. Но эту раскалённую сталь в форму вылил именно ты, выплавил и предал форму именно ты, именно своей личностью, именно своей рукой, которой не раз обжигался о новые и старые идеи. Это что-то необычайное, что полноправно считается твоим, но необратимо становится общим, а потому глупо держать это у сердца и ни с кем не делиться. Разве звёзды так делают?

Разве не достигают звёзды своего конца? Делают они это по-разному, прямо как люди. Зажимаясь в себе, поглощая всё больше. Взрываясь сверхновой, давая новую жизнь другим звёздочкам. Медленно угасая, теряя былой оскал. Но завораживающее всех та, что больше прочих отдаёт, жертвуя всем накопленным за долгие годы. Ярче та, что в конце своём становится тусклее прочих, давая новую и восхитительную жизнь другим. Оттого иронично, что кучкуются красивые звёзды, как предполагают учёные, вокруг эгоистичной, жирной и голодной чёрной дыры. Остаётся надеяться, что она и не эгоистичная вовсе, а готовит нечто, что куда глобальнее и гораздо прекраснее в своей основе, может, даже новую вселенную, новые правила или законы. А людям на фоне таких межзвёздных интриг остаётся лишь наблюдать за этим на своём клочочке земли, мечтать и любить.

И как же всё-таки порой большой город мелочен. Тоня с пристрастием глядела в огромный телескоп. Не могла теперь Оля не представлять подругу за этим занятием в пионерской форме, красивой юбчонке и красном галстуке. Как за юным астрономом стоят

ещё с десятков увлечённых ребят. Как и сама Оля недолго была такой же, пока что-то в ней не переклинило, и сама она даже не знает, что именно.

Высматривает разное, шёпотом заговорщически говорит, удивляется. Мне бы такой настрой. Ничего не понимаю, она мне про карликов белых, красных гигантов, придумывает истории разные, а я в ответ только улыбнуться могу и спросить чушь какую-то. Забавно всё же у неё в голове фантазия играет. А со мной что? Может, слишком много о себе думала? Чего же интересного в одном человеке, чего о нём навоображаешь? Вот в том и дело. Она-то точно тараканами в голове не обременена. Каким же это всё мелочным кажется, особенно когда она про звёзды рассказывает. Да, чего там звёзды, и по сравнению с другими людьми всё это какие-то глупые мелочи.

Керосинка тухла. За высматриванием ночных странников девочки и не заметили, как быстро и всухомятку съели целый паёк, что рассчитан на завтрак, обед и ужин. Нужно было готовиться ко сну. Тоня разбиралась со спальными мешками и одеялами, пока Оля совмещала рядом несколько скамеек в раздевалке, чтобы не спать на полу. Просыпаться им теперь только днём, так как времени было уже около трёх ночи.

Так приятно укутаться в тёплое одеяло. По запаху ли или по наитию к ним зашёл и Кишка, запрыгнул в импровизированное гнёздышко, улёгся между ними и зевнув во всю пасть. Все чуток поёрзали и вскоре уснули, плотный ужин давал о себе знать.

Вдруг Тоню разбудило что-то касающееся её виска. Влажное и противное.

Темно. Тепло. Щекотно. Не злится, заботится, но только всё больше и больше молчит. Интересно, чего она на меня так смотрела? Будто сожалеет о чём-то, а виду не подаёт. Совсем устала. А чего ей сожалеть сейчас? Мы же вместе. Или она от меня устала? Нет, она не такая, не такая уж точно! И ничего не просит. А как помочь, если не знаешь как? Боится, наверное, или стесняется. Когда дедушка тот умер, она совсем не своя стала, а я так и не посмотрела. Побоялась. Блин, кот ещё отвлекает, волосы ест. Дурак. *Так* тихо спит, даже слишком. Будто провалилась куда-то в пустоту, в чёрную дыру. Дыхание еле слышно. Но не петь же ей, и всё-таки.

Кишка вдруг уселся Тоне на грудь и принялся пристально смотреть. А потом моргнул. Очень медленно. Из книжек Тоня знала, что кошачьи так выражают доверие. Спокойно, что хоть всю жизнь так пролежи. Кот прикрыл глаза и замурлыкал.

Спокойный, будто совсем по хозяину не скучает. С другой стороны, это же кот, создание независимое! А не покорная собака. Налево ходит — орёт в весеннем хоре, на право — есть просит. А не дашь, так начнёт громче и громче мяукать, а потом и вовсе уйдёт, если ловить нечего. Да только жалко его, дурака мохнатого. Мышей нет, а если они и есть, то не положено ему их ловить в такое-то время. Ещё и побитый весь, куда его? Странно это всё.

Одно Тоня понимала хорошо: если можешь помочь — помогай! Если даже не нравится тебе кто-то характером, интересами, но он оступился, ошибся, ушибся или был обманут, то помоги.

Во всяком случае, совесть точно будет чиста, а куда человеку без совести? «Без совести человек — не человек вовсе», — папа так говорил, а он совестливый был. И мама доброй была.

Как-то неожиданно намокли глаза. Дурно совсем, и ком к горлу. Тоня схватила Кишку, от чего тот немного совсем удивился, капельку, округлив глаза до пятирублёвой монеты, но

сопротивляться не стал. Обняла она его крепко-крепко, так снова и задремала. Спокойная ночь, как и любая другая.

В раздевалке было одно маленькое распахнутое окошко, чтобы душно не становилось, а сквозь него солнце добратья до девочек не могло, как и потревожить. Отдохнувши вдоволь, Оля просыпалась с лёгкой улыбкой, которую, наверное, подцепила у Кузнецова и Осипова за две коротких встречи. Кишка снисходительно, как умеют все коты, глядел на неё, прося освободить от оков детской сентиментальности. Оля растормошила подругу, что спала, уткнувшись коту в пузо. Тот мигом спрыгнул на пол и принялся вылизываться.

— Ты чего сопливишь? Опять заболела что ли?

— Не, всё хорошо.

— Лоб дай.

— Не болею я!

— Убедиться хочу... Не горячий. Ты плакала что ли?

— Ресничка в глаз попала.

— В оба? — Оля протянула ей платок.

— Отстань, — неожиданно для самой себя, Тоня переменялась в лице, став задумчивее, чем обычно.

— Точно всё хорошо?

— Нет, — Тоня громко высморкнулась, — Не всё! Не всё, потому что хочу, чтобы всё было как прежде. Хотя бы чуть-чуть. А ещё есть хочу.

— Хочешь суп приготовим, как в походе?

Тоня зажмурила глаза в попытках представить свой последний поход с дедушкой, а затем утвердительно кивнула.

— Вот и хорошо.

Утренняя терраса. Одни учёные предрекали ядерную зиму, в которой не будет места ничему живому, другие испепеляющую жару, где всё превратится в пыль, а третьи всё вместе и в десять раз страшнее. Ни того, ни второго, ни третьего не случилось. Всё старалось придерживаться привычных устоев. И пускай внезапная весна была непривычным атрибутом жизни, такому подарку обрадовались все. Оля жадно вдохнула свежего воздуха, сделала довольную мину и обратилась к подруге.

— Пойдём на полянку, там готовить будем.

— А овощи откуда возьмём? Они у нас не сгнили все?

— Заодно и проверим. И чистить ты будешь.

— А я только за.

Костёр скорыми темпами разгорался благодаря спиртовой таблетке. Никому не нужные документации нашли своё лучшее и последнее применение в нём же. Вот уже горел и валежник, что грел котелок полный воды и чищенной старой картошки. Туда же полетели и крупно нарезанная морковь, и мясо из одной залежалой банки тушёнки, и даже одна луковица. Запах у этого монстра кулинарии был, конечно, необычным, а потому по-своему притягательным. Готовить дедушка у Тони очень любил ещё с армии, будучи полевым поваром, и всегда брал с собой самые лучшие ингредиенты. И резал всё мелко-мелко и очень быстро. Суп всегда выходил очень нажористым, а на природе, да с пылу с жару, когда видно, как каждый малюсенький укропа листочек вместе с жирной каплей плюхается обратно в тарелку. В общем, вкусно. А этот получался пресным немного, соли было не найти.

Наслаждение доставлял факт проделанной работы. Зато Кишка вообще не жаловался, ему и попить сразу, и поесть, картошки с луком совершенно не стеснялся. Всеядный что ли? Так или иначе, а Тоня усаживалась в 57-й уже в приподнятом настроении и совершенно не волновалась за предстоящий день. Завтрак действительно самый важный приём пищи.

Сборничек стихов приятно отяжелял карман. Этаким маленький кусочек общемировой культуры, собравший в себя сотни мыслей и суждений. Даже если всё сгинет в огне, он останется рядом. Всегда можно перечитать, чтобы восхититься или почерпнуть чего нового. Многие произведения раскрываются полностью после второго, третьего прочтения, а некоторые и спустя десяток будут удивлять своей глубиной. Конкретно в этом плане наука попроще будет. Прочёл разок и всё. Тут уже или понял или нет, потерять что-то сложно. Может по этой причине Тоня и зачитывалась сейчас энциклопедией.

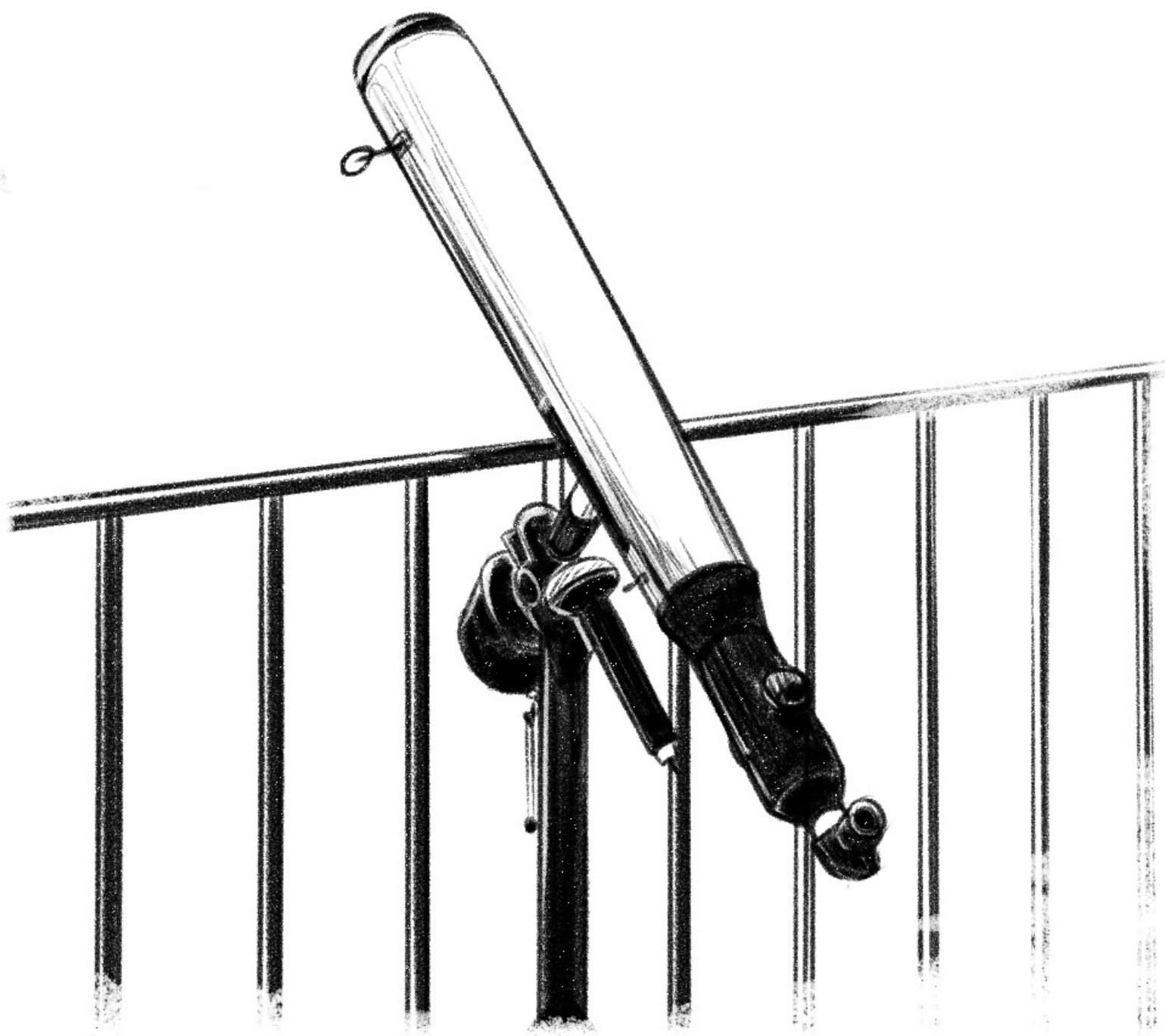
Мир же продолжал удивлять способностью расцветать вновь и вновь, и Оля тоже понемногу расцветала. Бледная кожа сменила оттенок на более тёплый, а слова вылетали с большей лёгкостью, пускай и реже. И казалось девочкам, что всё будет гораздо проще теперь.

Я знаю — книги любишь, и космос дорог мне.

А вместе так дружны мы в этом деле!

Романтика, текущая из стёклышка вовне,

И текст, что обретает её в теле -

Всё станет полным смысла в тишине.

Глава 8 Турбаза

Духота. Бушлат и ушанка давно убраны в дальний угол, до следующих морозов. Шерстяная кофта Тони потерпела такую же судьбу. Тепло. Быть может, ещё чуть времени и все озёра и реки отойдут ото льда и можно будет искупаться. Другой вопрос: как мириться с разрушенными мостами?

Оля не переставала напрягать мозги, подгадывая место и время, чтобы показать Тоне злополучный пистолет. В лоб это делать как-то странно и нелепо, а нелепостей в жизни и так было в достатке. К счастью, на глаза попала табличка о ближайшей турбазе. Туда девчонки и свернули.

Остановившись под Нижним Новгородом, в километрах пятидесяти всего, им открылся широченный участок довольно спокойной речки. Престарелая турбаза. Провода, что тянулись сюда по путям ЛЭП, были оборваны, но не срезаны. Забор и ворота не сдали на металлолом, даже на парковке пара автомобилей. Всё ржавое, оранжево-коричневое, как будто лет двадцать назад всё забросили. Тоня поморщилась от такой цветовой палитры.

Домики для постояльцев были небольшие — на одну семью всего. Их было двенадцать штук и располагались они парочками, метрах в пятидесяти друг от друга по берегу. Уложенная из больших плоских камней, брусчатая дорожка покрывала всю территорию как паутина. Около реки стояла непримечательная пристань из прогнивших досок, половина из которых уже успела обломиться, а вторая спуститься на песчаное дно. Там же был и маленький домик, в котором хранились рыболовные снасти. Только лодок не видно. Ещё тут был медпункт и здание управления. Куда важнее был большой такой указатель — «Стрельбище». Вот оно Оле и было нужно.

Идти пешком пришлось около километра, 57-й остался томиться около домика близ медпункта. Простенькое и маленькое стрельбище, обнесённое прочным забором. На разных расстояниях, от десяти и до трёхсот метров, были всяческие мишени. И обычные круглые, и фигуры человека, и лось, и даже один филин, наклепленный поверх лося, видать, в шутку. Над огневыми позициями были настилы с кровлей. Дёшево и сердито, главное — ничего стрелять не помешает. Три стола и пара стульев.

— Оля, что мы тут забыли? Пострелять хочешь?

— Не я, а ты, — Оля вытащила из рюкзака ТТ.

Бровки у Тони приподнялись, а ручки сами потянулись навстречу подарку.

— Подожди, сначала магазин достань. Этот как раз на двенадцать.

Тоня огорчённо цыкнула: — Так его чистить надо, и пистолет. А патронов всего две штуки.

— Всё есть, я с собой взяла. И каску натяни.

Оля выставила на стол коробочку патронов калибра 7.62 на 25. Полная, семьдесят штук всего. Как новые: в масле, блестят, жёлтые и маленькие совсем. Довольно пугающе, что такая мелочь может попасть в ногу, порвать вену или артерию, сломать кость и всё — нет человека. О пробитом черепе и говорить не приходится.

В десяти метрах спереди чистая деревянная мишень. Тоня держала ТТ, что килограммовой тяжестью приливал к мозгам так, как вкусный торт заварным кремом давит на стенки желудка. И стоило повернуться её в сторону Оли, как сразу отхватила звонкий шлепок по каске.

— Ствол не смей вертеть! Даже если пуль нет. Тем более на меня или себя направлять — это не игрушка, — строго сказала Оля, — Суй магазин и не торопись.

Тоня молча выполнила команду. Залез как влитой с характерным щелчком.

— Теперь самое важное, слушай внимательно.левой хватаешь затвор и отодвигаешь назад, после этого наплавь пистолет в землю, держа его двумя руками, поддерживая левой снизу, — Оля не помогала Тоне, лишь смотрела на её безуспешные попытки одёрнуть затвор.

— Помоги, пожалуйста, не получается!

— Сильнее надо. Твой пистолет, вот и старайся.

Наконец, приложив достаточное усилие, Тоне удалось дослать пулю в патронник, пистолет был готов к стрельбе. Она, молча следуя указаниям, направила ствол в землю, как и сказала Оля. Ранее активная и неугомонная, сейчас серьёзно относилась к делу, не смея перечить.

— Правильно, видишь вот эту штучку на конце ствола? Это мушка, а ближе к тебе прорезь. Медленно поднимай и целься в середину мишени. Сделай так, только медленно, чтобы мушка была по высоте на уровне края прорези, а сама она была посередине.

— Получилось!

— Так, сейчас спокойно выдыхай, медленно и уверенно жми на спуск. Будет отдача и громко.

Выстрел! Попадание в плечо! Вслед за пулей вылетела и лёгкая струйка дыма.

Тоня перенервничала, зажмурилась в последний момент, отчего ТТ увело сильно вверх, но из рук она его не выпустила. Не орудие на танке, здесь всё самому делать надо. Оля засияла от гордости за подругу, даже плечи расправила.

— Хорошо, только глаза не закрывай в следующий раз. Смотри, до первого щелчка опускай курок. Вот так, да, это вроде как предохранитель, мне Николай объяснял. Теперь можешь отдышаться.

Тоня выполнила сказанное и повернулась в сторону Оли с улыбкой до ушей.

— Получилось! — она бы прыгала от радости, но знала, чем это чревато.

— Молодец. Давай снова. Курок до конца... Правильно. Теперь всё то же самое, но быстрее и глаза не закрывай.

Тоня закрыла левый глаз, вынесла пистолет вперёд.

Выстрел!

Выстрел!

Выстрел!

Ноги дрожали, рукоять ударяла в ладонь с каждым разом сильнее, а постукивания сердца в груди набирали обороты. Адреналин раззадоривал мышцы, хотелось сделать ещё один выстрел! И ещё один! Но сознание такие расточительные посягательства оборвало на корню.

— Хорошо получается! Только всё выше ушло. Вытащи магазин, ага. И затвор, чтобы патрон вылетел. Молодец! Отложи пока, — Оля упёрла руки в боки и посмотрела на подругу, которая с комичным сурьёзным видом выполнила все команды.

А что, всё? Больше не будем?

— Чего ты так смотришь? Нам надо поговорить, так что сядь, — Оля тоже присела. — Ты же понимаешь, что оружие не просто так делают? Главная функция это человеку, плохому или хорошему — неважно, нанести большой вред или вообще убить. Это такой инструмент, который неоднократно попадал в руки нехорошим людям. И Николай... Я!

Хочу, чтобы ты знала, как себя защитить. Именно защитить, понимаешь?

Тоня понимающе кивнула.

— Ладно. Слушай, мне трудно это объяснить, но если тебе вдруг придётся это применить, то применяй. Только это самое крайнее, если меня нет рядом. Точно понимаешь?

— Да, понимаю. Пистолет — это инструмент, который может убить. Я должна применять его только если мне кто-то угрожает и тебя рядом нет. Вполне доходчиво, — Тоня кивнула.

И что-то мне всё равно не по себе. Надеюсь, она это действительно запомнила, а не закинула в дальний ящик, как я порой люблю делать. Это же и аукнуться позже может. Нет. Нет! Никого она не пристрелит, но нужности слов, пожалуй, всё равно не отменяет.

— Ну что, опустошим магазины тогда? — Оля сняла винтовку с плеча.

Приклад упёрся в плечо, глаза скользнули по прорези до мушки, левая рука обхватила деревянное цевьё. Всё же это очень приятно, особенно когда знаешь, что делаешь. Палец мягко касался спуска, а мишень в сотне метрах манила пулю.

Выстрел — выстрел — выстрел!

Между ними не проходило и двух секунд, такими вытреннированными они были. Тоня схватила бинокль, в круглой мишени были три попадания: в десятку, девятку и восьмёрку. Все по вертикали.

Оля сама взглянула и возмутилась.

— Просто давно не тренировалась, и погода не та, и устала.

Тоня смотрела на неё и тихо посмеивалась.

— Ну чего ты? Я серьёзно. У меня вон от холода мурашки, смотри, вот и не получилось!

— Хи-хи-хи, верю я, верю. Я тоже хочу!

Они встали так вдвоём и лес наполнился не канонадой, но раскатистой очередью. Гроыхает так, что уши закладывает.

Девочки развлекались так ещё минут десять, рассматривая мишень за мишенью — жертв их пострелушек.

— Ладно, хватит патроны попусту тратить. Пойдём посмотрим, что там в медпункте есть. А то как приехали, так и не взглянули, — Оля закинула винтовку на плечо.

— Жаль, кобуры нет для пистолета, как у милиционера.

— Найдём ещё.

Солнце в зените, по небу плыли светло-серые облака. Лес пускай и мрачный, совершенно не пугал, выглядел по странному дружелюбно, а если взглянуть получше, то просто безразлично. Клещи все померли, можно и по грибы сходить, летом, например, но Оля боялась своего незнания. Отравиться поганкой было проще простого и вообще грибы пища тяжёлая.

Намного приятнее просто бродить по захолустьям. Где-то птичка свиристель заведёт, ёж фыркнет, муравьи разбегутся. Ещё часто лицом можно было попасть в паутину, что между веток, благо пауков ядовитых в этих лесах не водится. Где-то справа, под верхушками деревьев сидел дятел, натужно пробивая кору в поисках личинок и жучков. А девчонки думали, что никогда его и не услышат.

Медпункт находился в самой середине турбазы, но был совершенно непримечательным. Небольшой, только красный деревянный крест над входом делал его заметным на фоне остальных домиков. В медпункте этом было не по себе, холодок по спине, который бывает

не от самого холода, но от предчувствия чего-то нехорошего. Даже сквозь задёрнутые шторы, помещения были залиты светом. Пара кушеток параллельно стене, упавшие подушки. На полу одного из кабинетов была засохшая лужа крови и не одна. Около другой кушетки, что за ширмой, была ещё, больше и неказистее, уходя брызгами на стену. Вонь уже не было. Желтушные старые кости на вид того приятнее, чем это месиво.

В кабинете, судя по всему, терапевта лежали папки документов. Их было около сорока, а в шкафу в углу отдельно ещё шесть, они были помечены красным скотчем. Оля открыла одну.

Пяти минут хватило, чтобы осмотреть большую стопку — ничего интересного. Простые медкарточки, написанные немного впопыхах. Почерк был корявый, но прочесть можно. Врачи от года в год не меняются. Особенно выделялись буквы «м» и «и», которые совершенно в словах не различались, а «р» так вообще была простой ровной палкой. Однако те, что красным были помечены, являли собой записные книжки или что-то вроде импровизированного дневника болезни. Оля взялась за ту, на которой небрежно была изображена единица.

«Бочкарёва Вероника Фёдоровна, сорок два года. Вдова. Наследственных заболеваний нет. Зрение хорошее, слух в норме. Повреждений кожного покрова нет, незначительное воспаление слизистой глаз, дыхание ровное. Пульс чуть выше нормы, давление в норме.

1 Июля:

Наблюдается лёгкий кашель и воспаление капилляров глаз. Предписал отдых и находиться в тепле.

...

4 Июля:

Жалобы на головную боль. Проверил давление, показатели в норме. Прослушал лёгкие. Возможно, инфекция. Выписал аспирин, парацетамол.

Не зря со вчерашнего дня хожу постоянно в маске и перчатках.

5 Июля:

Наблюдается улучшение состояния. Помимо Вероники Фёдоровны, заразилось ещё два человека. Прошу начальника мягко убедить постояльцев остаться сегодня и завтра дома.

Как и ожидалось, новые больные с теми же симптомами.

6 Июля:

У пациентки состояние стабильное. Выписал то же самое другим. Заразилось ещё трое. Прямо сказал постояльцам сидеть по домам. Позвонили в обком. Вечером или завтра приедет инспекция, попрошу помощника. Потребовал медикаментов.

7 Июля:

Все пациенты в порядке. Остальных постояльцев закрыли на карантин, в помощнике отказали. Медикаментов привезли, хватит на месяц.

...

21 Июля:

Пациентка стала жаловаться на сильные боли в теле. Причин не знаю, нет нужной квалификации. У меня начался кашель. Буду требовать помощника вновь, ситуация нестандартная. Сажусь на самоизоляцию. Буду общаться через окно, судя по всему.

22 Июля:

Состояние удовлетворительное, ухудшается. Жалобы на боль в теле не прекратились, интенсивность кашля не изменилась, появилась мокрота. Прослушал лёгкие. Слежу ещё за

пятью пациентами, устал, сам заразился.

...

26 Июля:

Прибыл квалифицированный сотрудник, наконец смогу поспать, ужасно устал. Дневника своего не веду, так что буду всё записывать сюда, да простит меня мой усопший лектор.

Веронике всё хуже, ничего не помогает. Первый раз столкнулся с таким лицом к лицу, хоть остальных оградил. Хотелось бы отпустить, но неизвестен инкубационный период. Чувствую, что начинает болеть голова. Будем с товарищем Алексеем бить в тревогу, он тоже не знает, что это такое. Завтра отправим образцы крови в Москву.

27 Июля:

Отправили образцы, будем ждать ответа. Вероника начинает бредить, к мокроте добавилась и кровь. Дал порцию сильного антибиотика, названия, к сожалению, не помню. Уже ничего запомнить не в состоянии. Больше ничего нет, помочь нечем. Вывозить опасно. У других пациентов стал наблюдаться тот же сильный кашель, у меня болят мышцы, не могу уснуть. Алексей тоже заразился, но бодрости духа не теряет. Боюсь за него. Мне и пациентам в основном за сорок, ему только двадцать семь, выслали, оказывается, на практику. Что за идиоты там сидят? Молодого парня и на место потенциальной эпидемии нового штамма. Выживу, головы им поотрываю.

28 Июля:

Оперативно сработали, но мне ничего не ответили. Говорят только, что это ЧТО-ТО важное и пока-что неизвестное. Подозревают даже, что биооружие. Кому это надо вообще? Биологическое оружие совершенно иначе реализуют и действует оно по-другому.

У меня мокрота, Вероника дважды за день теряла сознание. Стараюсь общаться с пациентами, слежу за психологическим состоянием. Одному стало лучше. Григорий Дитлов. Говорит, что вся родня — это эмигрировавшие немцы. Неужели генетика? Нет, выборка крайне мала.

Всё чаще замечаю помутнение в глазах. Алексей заменяет меня большую часть времени. Мысли путаются, стараюсь сохранять последовательность, но скоро и сам слягу на койку.

...

31 Июля:

Пациентка скончалась. Первый раз за мою практику мой пациент умирает. Всё в крови, будто её стошнило лёгкими. Москва выделила с десятков лабораторий и больниц под наш вопрос. Слухи пошли, что цэрэушники ради незаметности выше по реке спустили вирус, а может, бактерию, кто их разберёт. Всю территорию по течению поставили под карантин. Всех недавно выезжавших ловят. Мокрота всё хуже, остальным пациентам так же плохо, за нами ухаживает Алексей. Надеюсь, у коллег всё получится. К нам уже выслали вертолёт, скоро заберут. Предложил забрать наработки, но сказали, что ничего полезного не увидят, так как один такой уже обращался в больницу с теми же симптомами и анализами крови в Москве. Видимо, ещё раньше заразился. Так там карантин не было, врут, что ли? Одно радует, остальные постояльцы здоровы. Десять лет здесь проработал, интересно, что они сделают с этим местом? Спать хочу и по странному радостно стало сейчас».

Олю одолела тревога. А если Николай болел тем же? Он же кашлял кровью, терял ориентацию и у него болела голова. Но умер спокойно, крови повсюду не было. Да и девочки бы уже давно заразились, а ходят вполне себе здоровыми. Слишком много неясных

совпадений. Она захлопнула медкнижку и отложила.

— Оля-я! Смотри! — послышалось с улицы.

— Чего там?

— А вот приди и увидишь!

Тоня стояла на углу около входа в подвал медпункта. Массивные железные створки, закрытые на амбарный замок и железную цепь, преграждали путь. Зловещий такой замок, чёрный и ржавый с одной стороны. Подвал находился в тени, потому снег тут ещё не весь растаял.

— Откроем? — спросила Тоня.

— Зачем? Мне вот туда как-то неохота лезть.

— Чего там страшного может быть? Первый раз в темноту лезем, что ли? Я теперь и стрелять умею.

— Стрелять умеет. В кого ты стрелять собралась, ещё и в подвале? Хочешь, чтобы уши лопнули? Или в меня попасть? Это медпункт, а там всякое может храниться, в том числе и то, чего нам трогать не следует. Я, пока не стемнело, пойду домики осмотрю.

— Ну, куда ты?

Дятел всё продолжал свою трещотку. Стучит и стучит, громко главное, прямо над головой. Они обычно делают себе капитальное жильё — дупло, в начале весны. Видимо, всё расписание попортилось с такими новыми порядками. Да и должен был он испугаться развлечений девочек, но не улетел, остался. Привыкли, судя по всему, немногочисленные представители животного мира, не обращали уже внимания на оставшихся людишек с пушками в руках и тараканами в голове. Всё долбит и долбит кору, успокоится, пройдёт минута, опять начнёт и так без остановки. Всё же что-то живёт, не только безучастные деревья и травы, которые даже города захватывать не сильно торопятся, но даже дятел.

Обычные лагерные домики, в каждом кровати на четырёх человек, ванна и шкаф-гардероб. Отдых для всей семьи. Такие компактные турбазы точно были не для простых рабочих, а для тех, кто побогаче и поважнее, а может и наоборот. Для подавляющего большинства были пансионаты и заведения размерами побольше. Окончательно развеяли домыслы дорогое вино, что в шкафчиках тёмных хранится, и тумбочки, узоры на которых потребовали отнюдь не малого количества нервов какого-нибудь столяра. Не просто же так некоторые ровнее? В любом случае власти странно нерасторопными оказались в отношении появившейся болезни.

Трещотка дятла начинала напоминать автоматную очередь.

Оля вытащила одну бутылку вина. Всё в пыли, хоть пиши на ней. Сладкое. Красное. Из Крыма. Этикетка держалась как припаянная, и не поддеть. Лёгонький удар по стеклу, а звон чистый и яркий. Не хрусталь, ясное дело, а мелодичный. Пробка с громким хлопком улетела напрямик в потолок, отчего девчонки сильно испугались, только Кишка продолжал вальяжно расхаживать, будто и не случилось ничего. Оля поднесла горлышко к носу и вдохнула.

Вроде не испортилось.

С этой мыслью она наклонила стеклотару и вино тонким ручейком стекло ей на кончик языка. Она немного причмокнула и тут же стала отплёвываться.

— Тьфу! Горькое.

— Дай тоже попробую.

— Нельзя тебе, маленькая ещё.

— А ты чего тогда пьёшь?

— Просто вкус узнать.

— Тебе можно, значит, а мне нельзя?

— Да.

— И ладно, — Тоня усмехнулась, открыла другой шкаф, где было и стухшее пиво и водка и коньяк и много чего ещё.

— Закрой.

— Чего такого? Будто нас накажет кто-то.

— Ты пионеркой была?

— Ну, была...

— Вот и не пей всякую дрянь, — Оля подобрала пробку, сунула её в горлышко и убрала всё на место.

— Ой, и почему это тогда эту дрянь все пили? — сказала Тоня саркастически.

— Ну, людям часто тяжело приходилось, или скучно, или места в жизни не нашли, вот и топили горе в алкоголе.

— А чего скучно-то? Книжки были, кружки разные, хоть дома сиди гантели тягай. Работа есть.

— Не всё так просто. Порой же становишься заложником ситуации, и всё. Или жизнь как по привычке, ты таких разве не видела ни разу? Вот они обычно и становятся алкоголиками.

— Не обращала внимания, все обычно выпивали и просто веселее становились.

— Спирт — это яд, что действует от количества по-разному. Если чуть-чуть, то можно веселее стать, а тот, кто себе помочь не может или не хочет, начинает себя медленно убивать, выпивая больше и больше. Вроде и работа есть и дети, а уже и не жизнь, а существование. И помогать смысла мало, потому что человеку жизнь не сделаешь, его только подтолкнуть к изменениям можно.

— А нам чего плохого с этого? Ради интереса попробовать не хочешь?

— Вот и говорю, горько и противно, попробовала. Хватит. Тебе так заняться нечем?

— Сейчас? Да...

— Нужно будет потом хоть пашки где-нибудь достать или карты на крайний случай, — под нос себе буркнула Оля.

Сама она толком в карты играть не умела. Только в дурака, и то лишь по причине, что дедушка с ней на пять копеек спорил, что выиграет. И главное — каждый раз выиграет и пять копеек этих себе заберёт и, улыбаясь так по-доброму, спрашивает: — Хочешь ещё раз сыграть? А Оля могла так раз пять подряд проиграть, обидеться и уйти. Только спустя три года и пять рублей таких вот игр, она отказала, а дедушка и говорит: — Молодец. Осознание урока пришло, а деньги дедушка всё равно себе забрал. Обидно было, конечно, но за дело же забрал!

Теперь и Оля растрогалась, когда нахлынули воспоминания из детства, жития пионером. Зорька, поднятие флага, гимн, взвывающиеся костры, песчаный пляж, эстафеты и другие спортивные мероприятия, в которых Оля редко, но принимала участие. Рыбалка даже, уха. Походы. Тоже хочется вспомнить что-то из этого, попробовать снова, ощутить те эмоции и чувства. А остаётся из воспоминаний лишь костёр. Большой можно сделать, огромный даже. Чтобы полыхал, как невесть что! Чтобы с другого конца реки как звезда светил! Хотелось отдохнуть, послушать в живую треск дров, а не как обычно, когда

ложишься спать.

Оля достала тот самый топор. Взяла точильный камень и принялась точить. Тоня в это время читала энциклопедию, страниц пятьдесят от силы осталось. Читала она хорошо и вслух, чётко и ясно. Оля любила её слушать, в то время как работает. Так просто, легко и помогает избавиться голову от навязчивых мыслей. Успокаивает.

Целью молодого лесоруба стала полумёртвая ёлочка. Раз удар! Два удар! Три удар! Кажется, будь у ёлки возможность защититься, она бы ей и не воспользовалась вовсе, такой опустошённой и одинокой она выглядела. Только трясётся вся, и сухие иголки опадают. Даже дятел затих, наблюдая за сценой убийства, а может, милосердия. Последний удар, и с треском, обломав половину веток, бедолага упала.

Оля принялась рубить её на несколько брёвешек, что было проще. Раз бревно, а вот второе и даже третье. Ловким движением поставив одно на плоский камень, дровосек принялся нарубать поленья-четвертинки. Много вышло — двадцать штук. Сухая бумага, шишки, и вот появился тихий огонёк. Подсохшие веточки, валежник и вот вырос он в три раза. Сухое полено, и третье, и пятое и вот уже горел костёр, хорошо горел и дым ввысь уходил. Отчего-то ветра сейчас совсем не было, что отлично: не нужно было каждые десять минут пересаживаться от назойливого дыма, который всегда норовит попасть прямо в глаза и нос.

Девчонки сидели, прижав коленки к груди и обхватив их руками, просто глядели на огонь, пока всё вокруг укутывалось в ночную пижаму. Тепло. Темно. Тихо. Вот разве что стрекозы не хватает, которая бы на кончик удочки села, но со стрекозой и комары проснутся, а их вот вообще не хочется.

И снова внимание приковывает небо.

— Оля, почему мы раньше так не сидели, а? В обсерватории той разок, но то — не то.

— Не знаю. Холодно было, голодно, а сейчас и сытно, и не так морозит, — Оля потянулась, вытянув руки высоко-высоко и чуть ёрзая затёкшей от долгих поездок шеей.

— Оля, а, Оля, — Тоня тоже потянулась.

— Чего?

— А в чём смысл жизни? — спросила Тоня совершенно без затеи.

— Ха-ха, ну... Вопросы у тебя, конечно. Не знаю я и знать, говоря честно, не очень-то хочу.

— Почему?

— Почему... А зачем его знать? Откуда такой интерес вообще, почему спрашиваешь?

— Ты вот всегда задумчивая такая, дядя Миша такой же был, и бабушка, тоже растерянный совсем. Меня всегда люди окружали. Не такие. Не задумчивые. Не просто же так! Не знаете, наверное, чего-то или рассказать боитесь.

— Не знаю, правда. Каждый сам что-то своё находит, тем и отличаемся мы от зверей, рыб и птиц. У них что-то природой задумано, а мы решили, что сами можем цели ставить, которые для нас недостижимы. И вот мы их вместе стараемся достичь или по отдельности, а мир лучше становился. Наверное, главное, чтобы твой смысл не портил жизнь другим. Люди так и пытались сделать мир лучше, каждый день работая и напоминая себе, что есть хорошо и правильно, а что плохо. Что все равны, все вместе. Помогать должны друг другу в начинаниях, нести за себя и друг за друга ответственность. Разные у нас смыслы, а кто-то вообще без них живёт, так, по привычке, алкоголики как раз. Ну вот разве без смысла запустили бы мы спутник в космос? Да даже самолёт какой-нибудь? Не знаю я, Тоня, не

знаю в чём точный смысл всего этого, но знаю в чём мой, — Оля взглянула на Тоню и умилилась.

— В чём?

— Эх, Тоня. Дурёха ты. Прямо сейчас — о тебя заботиться, что ещё? Не ты же рычаги вертишь и винтовку носишь, — Оля взъерошила подруге волосы на макушке.

— Эй, ну чего ты делаешь! И я теперь, вообще-то, за себя постоять могу, и ничего я не дурёха!

— Всё то ты умеешь. Не забивай себе голову всякой чушью, само потом придёт. Ну, иди сюда.

Темно. Тепло. Тихо. Такая маленькая. Какой же душой я была всю свою жизнь.

А сердце так и бьётся. Бойтся чего-то.

Кишка сидел в метрах двух от костра, просто наблюдая за девчонками. Он изредка переминался с лапы на лапу и вдруг уставился на полумесяц. Зрачки его большие и округлые отражали сотни огоньков, и он просто так смотрел и смотрел. А потом встал и ушёл. Странный кот, то ли глупый совсем, то ли умный больно. А костёр понемногу затухал.

Ночь, даже дятел замолчал. Кровати очень мягкие, почти перины. Может постояльцы те и вовсе месяц тот проспали как медведи в спячке, только летом и с перерывами на обед. Лежали девочки по отдельности, только Кишка всё не ложился. Сидел на подоконнике и смотрел в ночную звёздную гладь. Беленькие свечечки манили мысли, хотя какие у кота мысли, что ему воображать? Сидел и почти не двинется, лишь иногда лапу к морде поднесёт, лизнёт, проведёт себе по макушке и дальше смотрит.

Вдруг скрипнула дверца тумбочки. Оля нащупала что-то пыльное внутри и медленно достала, продолжая лежать на кровати. Издался тихонький хлопок. Тоня уже спала и не подозревала, чем занимается подруга. Вот к губам прислонилось холодное стекло и немного алой жидкости стекло по горлу.

Фу, действительно горькое, мерзость.

Так Оля и засыпала. Думала, что это был, наверное, лучший день в жизни за всё время. И уже не сильно её волновала её судьба давно усопших. Ты же живой, ты можешь быть счастливым и дарить счастье. А Тоня мерно посапывала, лежа на пузе и убрав руки под мягчайшую подушку.

Нижний Новгород девчонки преодолели без особых проблем. Набрали на одной из стоянок топлива в канистру и всё на этом. Ничего полезного. Такой же разрушенный город. Но теперь-то настоящая оттепель. Тающие сосульки свисали с карнизов районных коллекторов и трансформаторов, с высоких прожекторов на городском стадионе, с каждого балкона. Травы освобождали себя изо льда, пробивая путь к солнцу. Много выживших монастырей. Огромные, разбитые в сталебетонные ошмётки мосты. Их было четыре до войны, а остался лишь один, который шёл напрямик к Московскому вокзалу. Ехать по нему было страшно, тут и там дыры в дорожном полотне, ямы, но девочки преодолели его, отправились дальше.

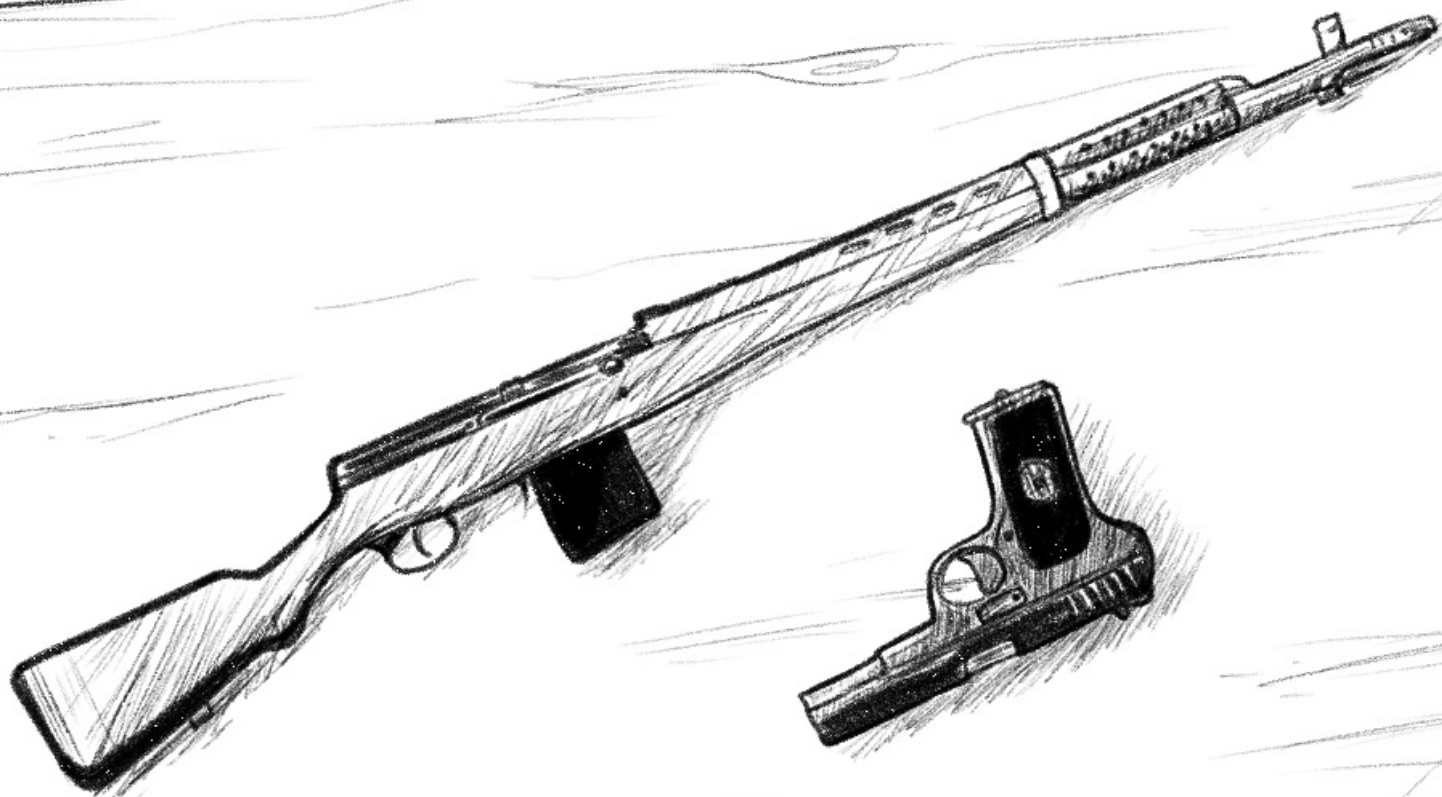
Душа пресытилась разрушенными и разорёнными временем городами. Они всё ещё пугали, но отошли на второй план, уступив место тревогам насущным.

Судьба к несчастьям равнодушна.

Воспоминаний полон путь,

Нам усложнять его не нужно -

В надежде светлой наша суть,

Что не устроит самосуд!

Глава 9 Обещание

Москва. Более пятнадцать миллионов жителей. Теснились все, как селёдки в бочке, но радуются — столица как никак. Самые масштабные Парады Победы в ней проводили. Девочки видели такие только сквозь голубой экран, но и так они захватывали дух. Это же не только демонстрация силы, но и простое увековечивание подвига в годах. Гвардейские полки маршировали ровным строем.левой! Правой! Танки новых модификаций, РСЗС различных видов с десятками ракет на борту, броневики с громадными колёсами и БМП. Лётное представление со сверхзвуковыми истребителями, а перед ними старые покажут, фанерные, которые ещё до них исправно и с честью исполняли свой долг. И всё жужжит, вертится, моторы ревут и рвутся вперёд по Красной Площади. И по земле, и по воздуху! А если говорить о вещах бытовых, то всё очень просто — столица жила сыто. И денег тут зарабатывали больше. С зарплатами могли посоревноваться только пробки, которых в 70-е становилось всё больше.

Но всё приедается со временем и приходит желание уединиться, прям как тот писатель. Уехать куда-то и насладиться летним солнышком, рыбалкой посреди озера, щебетанием птиц, а не в очередной раз копошиться в масле или бумажонках. Не думать о планах, а просто созерцать медленно идущую жизнь вокруг. Оля этим наслаждалась, но Тоня того не очень понимала.

— Оля-я, скукотища-а-а, — утомившись, она лежала, поднявши руку куда-то вверх и чертя в небе круги.

— И чего, станцевать для тебя? Я не умею.

— А ты расскажи что-нибудь!

— Например?

— Ну вот, а ты в деревне бывала? Я вот только один раз, да и у каких-то дальних родственников.

— Да. Бывала. Часто туда ездила.

— Часто, потому что нравилось или потому что заставляли?

— Первое. Я к бабушке с дедушкой ездила.

— Клёво. А я ничего с моей поездки не помню.

— Оно и не удивительно.

— На что это ты намекаешь?

— На то, что ты неугомонная.

— А из тебя слова вытягивать приходится, — Тоня лукаво улыбнулась, — Мы стоим друг друга.

— Не поспоришь. Ладно, расскажу что-нибудь. Деревня — место, скажу так, специфическое. Вот некоторым она не нравится, другим в сердце западает, главное, что равнодушным никто не уезжает. Там, привыкнув, и встаётся легче, и все жилистее по виду, и девочки сильно краше казались. И ходячих энциклопедий было не найти, все простые такие, влюбчивые, в смысле, вообще ко всем вещам, романтичнее, что ли. В авантюры меня часто звали, а я отказывалась. По-другому в деревне взрослеют — это точно.

— А природа какая там?

— Ты голову высунь повыше и увидишь.

— Не хочу! Я вот лежу и тебя слушаю — мне нравится.

— Я теперь ещё и сказочник для тебя?

— Ну, — Тоня повернулась к Оле и сказала протяжно, — Пожалуйста.

— Ой, так уж и быть, может, сама вспомню чего-нибудь. Природа, значит... Красиво было. С криком петуха встаёшь и идёшь заспанную морду лица умывать. Дедушка уходил к колхоз работать сразу почти, бабушка по хозяйству, как она говорила, хлопотала. Соловьи поют, воробьи в ветвях смородины чирикают. Листочки у неё такие наливные и яркие были, как яблоки спелые. Если дождь скоро, то над кронами деревьев истребителями носиться ласточки начинали. Сомы на илистом дне побулькивают, туда-сюда щуки зубастые снуют. Коровы пятнистые, жирнющие мычат на всю улицу, и хряки наглые хрюкали так, будто старпом какой-нибудь на корабле заливался смехом. А посреди широкого поля пшеничного, до горизонта простиралось, будто только ты есть и небо — высокое-высокое, ни облачка и солнце голову напекает очень сильно, стоял одним одиноким трактор. Сломанный. Без ковша, двигателя нет, стёкол тоже. Только рычаги и стальной корпус. И на этом самом тракторе мальчишки всегда играли. Помню, одному всыпали ремнём, за то, что тот красную и зелёную краски из амбара слямзил у дедушки. Потом мальчишки обшили, если так сказать можно, трактор этот фанерой, швабру, как пушку налепили. Разукрасили его и огромную красную звезду на башне нарисовали, по трафарету. Ровная была и строгая. А сами потом рябиной от других ребят отстреливались. А вот меня пустили, потому что я девочка, наверное. Другим совершенно неинтересно было, а я одна такая. Я на крышу забралась, и дух прям захватило, понимаешь! Вокруг золотая гладь, надо мной большой слепящий шар и чистый небосвод, а подо мной, пускай и воображаемый, а танк! И всё-таки грустно стало очень скоро, потому что мальчишки веселились, а мне не с кем было такой красотой поделиться, не понимали они меня, но я не обижалась.

Тоня слушала подругу, затаив дыхание.

— И...и...И! Вот представь, целая Октябрьская революция, братство, товарищество, дружба, столько всего! Электричество, водопровод, школы, радио, даже телевизор там были! А поделиться не с кем оказалось. Нет, поделиться я могла, но меня не понимали совсем. Не нашлось никого или я плохо искала. Только бабушка меня немного понимала, но она, как я помню, раньше в партии была, может, поэтому такую черту свою потеряла. Не знаю. А она через столько прошла, столько всего видела! Коллективизацию видела, как шахты новые бурили и заводы воздвигали посреди ничего. Как народы выселяли и многих в Сибирь сослали и всё равно меня такую понимала. Нет, точно понимала, а показывать, наверное, не хотела вовсе. Может, с высоты своего опыта считала, что такое маленькое личное счастье — сущая мелочь, а может, убедила себя в этом. Не могу её винить, тогда точно счастье одного перед жизнью всей страны ничего не стоила. Это правильно, но красиво там было. Очень красиво. Ну, в общем, так, наверное. Да.

— Знаешь, что, Оля. Я тебя заставлю книжку написать. Нельзя такому пропадать!

— Да ну тебя. И вообще, мы в село какое-то почти заехали.

Широкая поляна. Детские качели. К цепям крепилась прогнившая деревянная сидуха, зелёные металлические профили, из которых состояла конструкция. Детская горка тоже не в лучшем состоянии: лестница недосчитывала половину ступенек. Была и карусель, проржавевшая, потерявшая любые надежды закружиться с ребятами на борту вновь. Вокруг полуголые берёзы, с вот только показавшимися светло-зелёными листочками. Безмятежность вновь прервала Тоня.

— А мы что искать собрались? Почти приехали уже.

— Разное. Документы всякие. В Москве что-нибудь точно найдём. Зацепку бы только, — Оля спокойно переключала передачи, когда вдруг увидела движение впереди, — Так, поднимайся давай, идёт кто-то.

— Кто?!

— Кто-то! Я откуда знаю?

Навстречу шла низенькая женщина, чуть выше Тони, лет сорока, в какой-то задрипанной куртке и с охотничьем ружьём позади. Она чуть ли не падала без сил на землю. Впалые щёки, мешки под глазами. Взгляд поникший, лицо будто сползло с черепа, а ноги волочились по земле.

— Тонь, достань пистолет, мало ли что, — Оля медленно высунулась из рубки с винтовкой в руках. — Здравствуйте!

— И вам здравствуйте...

— Вы в порядке? Помочь вам? — Оля цыкнула Тоне напоследок, чтобы та сидела молча, а сама пошла к женщине.

— Помочь?.. Молодая такая. Солдат?

— Э-э, нет...

Не придавая внимания наличию винтовки у собеседника, женщина пристально рассматривала Олю, остановив внимание на бляшке.

— Тогда с кого сняла?

— Ни с кого я ничего не снимала, я не воровка.

— А по виду и не скажешь, — женщина вздохнула, присела на траву и принялась сверлить Олю недоверчивым прищуром: — Ты, девочка, откуда?

— С Урала...

— Врёшь же, — перебила женщина.

— Вы сами откуда?

— Дом неподалёку.

Неловкая пауза.

— Меня Оля зовут, а вас?

— Для тебя Елизавета.

— Может вам всё-таки помочь?

— Если у тебя еды найдётся, в долгу не останусь.

Оля попятилась спиной к 57му. Встала за кормой и поглядела на Тоню, та вопрошающе приподняла брови, но в ответ лишь услышала: — «Галет дай». Она удивилась, но просьбу выполнила. Оля настороженно протянула печеньё Елизавете, которая спешно открыла пачку и с жадностью запихала в рот три штуки.

— Вы совсем ничего не ели?

— Неделю точно.

— ...

— Прости, редко сейчас хорошего человека встретишь. Пойдём, доведу тебя до дома.

— Можем доехать, залезайте.

Заглянув внутрь, Елизавета пересеклась взглядом с Тоней, которая отсела, освободив место попутчику. Кишка же даже не высунулся поздороваться с новым пассажиром.

Тоня сидела зажатой и стеснённой, что ей категорически не нравилось, но она знала способ выйти из такого затруднительного положения.

— Елизавета?..

— Елизавета Григорьевна.

— Елизавета Григорьевна, кем вы раньше работали?

— Учителем математики в сельской школе.

— А почему в сельской?

— После педагогического по распределению попала. Подумывала уехать потом, но детки смышлёные попались, способные. Они ко мне привыкнуть успели, я к ним, вот и осталась.

— А вы одна совсем живёте? Почему не уехали отсюда?

— Муж на фронте погиб, хороших знакомых болезнь забрала. Год спустя, кто выжил, собрались человек тридцать, уехали на юг, ближе к Туле. А я одна осталась — куда мне уезжать? Тут хотя бы дом родной. Вот и он, кстати.

Снаружи чистый и ухоженный, в меру возможностей одинокой женщины, конечно, двухэтажный. Танк спрятался под брезентовую тканью камуфляжной расцветки, что нашлась в амбаре. Лестница к парадной для виду, всего две ступеньки, но и их Елизавета преодолевала с трудом. Дверь не заперта. Недалеко из земли торчал колодец, выложенный из крупных отёсанных камней, связанных бетоном. Весь он был пошарпанный, обглоданный временем, не осталось практически ни единого целого кирпичика — каждый имел изъян. Пулевой скол, простая трещина или глубокая потёртость. Прямо за домом большой участок. От забора, что ранее разделял соседей, остались только одинокие железные трубы. Никаких источников электричества.

Оля выглянула в окно, за которым был виден сад: — Вы столько всего выращиваете!

— Приходится.

Ветвистые яблони с побеленными стволами; пять штук теплиц стеклянных, деревянные конструкции которых давно разошлись; пустые грядки для картофеля от дома и до самого конца длинного, метров пятьдесят, участка; засаженные грядки с морковью, со свёклой, судя по табличкам, вбитым в землю. Много чего, даже хрен растёт, если это он конечно. В садоводстве Оля была не сильна, как и подруга.

Тоня рассматривала семейные фотографии на полках и увидела одну: лет шестнадцати, в плавательных шортах, добродушный взгляд, широкоплечий, высокий парень на речке со здоровенным карасём в руках.

— Сын мой. Ваня, — Елизавета даже не посмотрела на фото, — С отцом сейчас.

У девочек с языка произвольна сошла одна виноватая фраза: — Извините.

— Всё в порядке, сама начала. Лучше садитесь, рассказывайте. Откуда? Мы, может, на всё Подмосковье одни остались. Извините, правда, только воду могу предложить.

Елизавета выставила на обеденный стол три гранёных стакана, графин с чистой водой. Всё. Больше ничего не было.

Оля недоумевала: — Вы так неделю уже обходитесь?

— Четвёртый год как, каждую весну. Знаете, забавно, никогда верующей не была, а тут пришлось посты соблюдать, — Елизавета искренне засмеялась, — Рассказала бы кому раньше, не поверили бы!

— Чего же смешного? Так и с голоду умереть можно.

— Живая, как видишь, — Елизавета усмехнулась вновь, — Не волнуйся, этой пачки вполне хватит желудок раззадорить на недельку. Не только садом живу. Да и за первые годы многому научилась.

— Чему, например?

— Вот хотите, научу вас... Мхм, — Елизавета осмотрелась по сторонам, — А я вижу у вас головы грязные.

Оля почесала затылок, Тоня стыдливо натянула на себя каску.

— Не переживайте так! В следующий раз, когда костёр жечь будете, золу соберите, побольше, закиньте в банку с тёплой водой и перемешайте. Через дня три сверху будет плавать мыльная жидкость — это щёлочка. Захотите помыться, хоть полностью, водой разбавьте и мойтесь без опасения.

Тоня удивилась: — И вы так делаете?

— Жгу я дрова постоянно. Печь большая осталась в старой пристройке, только дымохода с дороги не видно.

— А откуда вы всё это знаете?

— Не просто же так учителем была. Чтобы хорошо учить, нужно самому уметь учиться, а с этим у меня никогда проблем не было. И Ванька в меня пошёл, — Елизавета глубоко вздохнула, вытерла лицо рукой, — Давайте дом сразу покажу, не на холоде же вам спать.

Простенький на самом-то деле. Второй этаж стал чердаком, в смысле все ненужности перекочевали именно туда, а чердак стал крышей, потому что она по ходу годов протекать стала, а он взамен скопил в себе десяток звенящих вёдер. На первом же были и ухоженная гостиная (тёмная только и, если присмотреться чуть лучше, становилась она и кухней, и обеденной, и игровой — каждому свой угол), и две спальни: большая, в которой, наверное, спала Елизавета, и маленькая, никем не занятая, но тоже прибранная. Пристройка — отдельная комната, ничем внутри не отличающаяся от других, только снаружи неказистой была — с самой обыкновенной деревенской печью внутри. Белая, большая, из кирпича. С потёртостями, в паре мест отлупившимися кусками краски и форма сапог чем-то напоминающая. Как с экрана сошла, со сказочного мультфильма. И спать сверху можно, где теплее всего. Только окон тут не было, лишь двери: в дом и наружу, что изнутри заперта была на толстенную доску.

Елизавета раскрыла один шкафчик и достала много толстых свечей, оттуда же подсвечник и повернулась со всем этим добром к гостям.

— Вы не против со мной на кладбище сходить?

Девочки переглянулись, дав друг другу понять, что если это небольшое, что они могут сделать для одинокой женщины, то нужно согласиться. Оля, как старшая, ответила.

— Конечно нет, давайте сходим.

— Ох, спасибо большое, тут недалеко совсем.

Кладбище посреди леса. Огорожено бетонным забором, окрашенным в чёрный, ворота сорваны с петель. Обычно такие места на девчонок навевали траур и грусть, но конкретно это было по странному аккуратным для такого времени, будто и не кладбище вовсе, а какой-то музей под открытым небом. Так-то оно так, только музей такой в привычном понимании не для любования служит, а тут много что приковывало внимание. Ограждения серебряного цвета с витиеватыми рисунками другие белые и отмытые. На одних могилах возвеличивались обыкновенные камни с выбитыми зубилом, будто в спешке, нечёткими гравировками, другие, что старые, гранитные, а на иных хорошо сколоченные кресты — без единого сучка, украшения или неровности, только табличка с информацией об умершем. Помимо этого, участки, где захоронены старики, все поросли кустарниками — за ними точно перестали следить лет десять назад. И вот Елизавета остановилась около пары

десятков ухоженных и чистых, что в самом тёмном углу, на них были возложены подснежники. Много подснежников. Единственный цветок, что сейчас можно было найти в этой мешанине грязи и щебня. Она упёрлась руками на одну из многочисленных оградок и тихо заговорила.

— Анечка Острова — отличницей была. А тут вот справа Гришка Морозов — биатлонист, медали на регионе брал. Слева Вася Медведев — тяжелоатлет. Силач наш! Там дальше, Настя Ручкова — писателем хотела стать. А вон там лентяй наш — Илья Жданюк, всегда забывал домашние задания приносить ...

Двадцать три могилы. Елизавета замолчала, вытащила из кармана коробок спичек. Выхватила одну, чиркнула разок, та загорелась высоким и ярким жёлтым пламенем: ветер не смел сейчас тревожить его. Вот она зажгла свечу, а затем сжала разгорячённую головёшку указательным и большим пальцами. Сильно сжала и останавливаться не собиралась, впитывая огрубевшей кожей всё тепло, что очень скоро дойдёт и до мяса, и до костей, вызывая адскую боль, которая, однако, неспособна была перебить ту, что живёт глубоко в сердце. Она поставила свечу тепло-белого цвета на холодный и чёрный могильный камень. Достала ещё двадцать две и методично, зажигая их одну от другой, расставила по оставшимся могилам.

Девочки молчали, наблюдая за ней. Елизавета отложила оставшиеся свечи и вновь упёрлась руками в ограждение.

— Они утешили меня тогда, когда Ваня погиб. Все. Помогали, чем могли, навещали. Потом война, отцов отправили на фронт. Ни один так и не вернулся. Затем болезнь... Я осталась их единственным родителем, старалась заменить им всех. Аня была самой стойкой, староста, следила за всеми, а они друг за другом. Я видела каждую смерть, а Аня не сдавалась. Каждый год отсчитываю дни до того самого, когда она ушла, последняя. Третьего Марта. Месяцами проклинала себя, ненавидела, что ничего не смогла сделать, только проводить их. И всё. Лучше бы я захлебнулась в крови, чем мой сын, чем они. Да хоть сотню раз! Вспороли бы мне кишки, расстреляли, пытали, да что угодно!.. Был у нас такой хороший учитель рисования и трудов. Постоянно говорил, что нужно быть искренним, стараться выразить себя, понять другого, дети его очень любили. А я слушала и глубоко внутри злилась, никогда такого не умела. Понять, услышать — да, но, чтобы донести себя, а не школьную программу — редко выходило. Но может, сейчас выйдет, хотя бы словами передать это всё, рассказать. Больше ничего не умею, только учить. Хотела отправиться к ним, к Ване, к мужу, но не смогла. Просто слежу за ними, тут. Немного помогает. Понимаю. Знаю, не единственная, у кого горе. Кто потерял всех. Но от того совсем не легче... Извините.

Она была спокойна, только глядела на колыхающиеся свечные огоньки, украшающие своей мягкой игрой светотени недвижимые каменные плиты. Бегала взглядом от одного к другому и в каждом, наверное, видела что-то своё, потому что выражение её лица каждый раз еле заметно менялось.

Тоня встала рядом, схватила Елизавету за руку, мягко, но уверенно: — Не извиняйтесь. Всем нужно порой, чтобы их услышали.

Елизавета грустно улыбнулась и медленно закивала.

Немного погодя, обратилась Оля: — Извините, но сколько лет вы уже этим занимаетесь?

— Восемь.

Из кустов вышел Кишка. Весь грязный, злой, маршевой походкой и громко мяукавший.

— Ой, это что, кот? Откуда?

Тоня подняла его на ручки и принялась отряхивать: — Он с нами ехал, вы не видели?

— Нет!

— В ящике сидел, вы не заметили его, наверное, он тихий. Хотите погладить?

— Ой, не надо, у меня на них аллергия. Будем в разных комнатах спать, иначе я учихаюсь вся.

Кишка неодобрительно взглянул на Елизавету, задрыгал задними лапами, требуя поставить его на землю, а когда требование было исполнено, побрёл впереди всех. Пушистый рядовой всё время оборачивался на хозяек, вертел порванным ухом и что-то высматривал по кустам.

— Оля, а чего с ним?

— Есть хочет, наверное.

— Нервный он у вас, чего-то ждёт. Может, ночью гроза будет: нужно дров захватить, печь растопим.

Оля вздрогнула: — Не по себе мне, с чего вдруг гроза в начале весны?

— Они у нас часто бывают. А может, просто испугался чего-то, вот никак и не успокоится.

Около часа девочки помогали Елизавете по участку со всякой мелочёвкой. Посреди всего стоял высокий ветроуказатель в красно-белую полоску, украдкой позаимствованный с ближайшего запасного аэродрома. Три ряда по земле пролегали трубы, по которым раньше давали воду для полива, рядом на погнутой трубе закрученными лежали шланги, что в таком недвижимом состоянии и за столько лет превратилась в неуклюжую пародию на работу таксидермиста. Насадки для них, которые годами не чувствовали мощного напора воды, превратились в оголодавшие морды змей. В самом углу сада располагалась водонапорная колонка. Окрашенная в светло-голубой, высокая и рядом несколько вёдер. Вот ей есть чем заняться и для кого работать.

Постепенно над головами собирались мрачные тучи. Даже насупившиеся. Тоня взглянула на хмурое небо, высунула язык, на него сразу упала капелька холодной воды. Компания спряталась от навязчивого дождика в доме.

— Говорила же, гроза будет.

Флюгер, хотя и тряпичный, терзался непогодой уже второй час. Печь медленно нагревалась, из дымохода валили серые клубы дыма. Облака сгущались, но ливня всё не было, гроза задерживалась. Наконец понадобились подсвечники. С одним таким Елизавета постоянно ходила по дому. В большой спальне она привычным ей движением раскрыла стеклянный шкаф. Девочкам предстала сотня книг в мягком переплёте. Какие-то неизвестные авторы и великое многообразие жанров. Оля взяла ту, что менее прочих выделялась кричащей обложкой — только трудновыговариваемый псевдоним, название «Гроза» и отсылка на творчество авангардистов в виде нескольких цветных фигур, чем-то напоминающих горящее здание.

— Что эта за книга? На пьесу Островского мало походит.

— Какая? — Елизавета пыталась что-то вытащить из-под доски в полу, но обернулась, — Эта? Чушь всякая, но вечерок скоротать можно. Ужастик, вроде.

— Ужастик? Не, не мой жанр, наивные они все.

— Ужастик на то и ужастик, он нелепый, глупый и использует клише. Конкретно этот

— хороший.

— А сюжет какой?

— Две подружки после трудного дня в институте посещают дом бабушки одной из них, там их настигает непогода. Молния в крышу бьёт и загорается чердак, а потом начинается мистика! Наружу не выйти, двери заперты, стёкла не выбиваются. И вот в такой ситуации они пытаются выбраться. Приведения разные, говорящий паук в подвале, огонь. Интересно читать на самом деле.

Тоня: — Они выжили?

— Нет.

— ... Страшно, — по спине у Тони пробежали мурашки.

Доска поддалась и с треском вылетела из паркета. Елизавета вытащила из потаённого промасленного ящика под полом мешочек, в котором что-то бряцало. Оля нагнулась.

— Патроны?

— Да. Для ружья.

— Ага... А часы у вас есть?

— Нет. Но судя по тому, что за окном... Пора бы спать укладываться.

Оля оглянула спальню, заметив лишь одну кровать: — Где?

— Там, — Елизавета указала в сторону двери в пристройку, — Можете хоть сейчас ложиться.

— Можно тогда ещё вопрос? Вы в Москве бывали?

— Да, очень даже часто, если задуматься.

— Тогда, где стоят разные документы и отчёты научные искать?

Елизавета задумчиво приподняла голову: — Извини, конечно, что отвечаю вопросом на вопрос, но зачем они вам?

— Нужны, ответы кое-какие найти хотим.

Елизавета снисходительно вздохнула: — Самое очевидное — Дворец Советов. Если где-то и остались ответы, то только там. Но вам туда не добраться. Никому не добраться. Зачем же такие приключения?

— Мы уже многое прошли.

Тоня не обращала на них внимания и уже зевала, потому единогласно было решено расходиться по койкам.

Близился ливень. Кишка, как и полагалось любому коту, улёгся в тёмном углу мордашкой к выходу, прикрыв левый глаз. Огонёк от свечки, что на прикроватной тумбочке и в железном блюде, порождал беснующиеся тени. Они, словно паутина, обвивали всю комнату, пока Тоня освобождала уставшие волосы от плена декоративной резиночки. Вдруг маленький паучок спрятался за шкаф.

Оля залезла в кровать, а вот Тоня оккупировала верх печки, где потеплее. Кот не стал возмущаться, только лениво перевалился на бок.

Дождь барабанил по шиферной крыше, жирнющие ручьи сбегали вниз прямо в жёлоб из нержавеющей стали, а затем в большую бочку. Щебёнки и тропинки утопали в дождевой воде, хлипкие, молодые травинки срывались мощным потоком и уносились вниз, ударяясь о величавые стволы деревьев.

Высокий фундамент и плотные стены спасали от бушующей стихии. Тут горел слабый огонёк, что теперь едва освещал спальню, и меланхолично стекали восковые капли по стенкам медленно тающей свечи, укрывая дно тарелки белёсой лужицей. Но отчего-то Оле

совершенно не спалось.

— Тоня, ты спишь?

Тоня зевнула и немного приподнялась: — Да, сплю.

— Вижу, тоже не спится?

— Угу, не могу, Кишка сам не свой. Сидит в углу, хвостом машет, по сторонам смотрит.

Мне немного страшно.

— Из-за дождя, наверное, в квартире же не было такого оркестра.

— Не знаю...

Послышался гром. Кишка повернулся в сторону двери, что ведёт на улицу, зашипел, выгнулся в спине. Оля уже инстинктивно вцепилась в винтовку, жестом приказав Тоне закрыть рот и спрятаться в угол. Свечка затухла, всё пространство окутал мрак. Совсем маленькая комната: тесная, неудобная. Чернота и только пара кошачьих глаз, отражающих незримые крохи лунного света.

Прошла, может, минута, а защитник продолжал смотреть на дверь, и стоило Оле расслабиться, снаружи послышались тихие шаги. Кишка замолчал, встал в позу, когда кошачьи готовятся атаковать, и прижал уши к голове. Уже начал переминаясь, но вдруг повёл головой в сторону — источник шума обходил комнату. Охотник запрыгнул на самую высокую точку в комнате — выступ на дымоходе — и принялся сверлить дверь в большую спальню взглядом.

Сквозь дождь послышался знакомый скрип — открылась входная дверь. «Неужели взломал? Или она забыла запереть?» — мимолётная мысль у девочек. Мужское бормотание судя по интонации и резкости. Тихая брань.

Тоня говорила шёпотом: — Кто это?

— Тс-с-с... Тише.

— Он видел свет, да? А если она там уснула и не слышит?

— Тише я говорю.

— Мхм, — Тоня почти слилась со стенкой, так сильно прижалась к ней.

Паркет под ногами мужчины пронзительно заскрипел, тут же раздался шокированный крик. Тоня схватилась за пистолет, Кишка готовился к атаке, а Оля встала в угол около межкомнатной двери. Все они прислушивались к диалогу.

— Чё орёшь?

— Кто вы?!

— А ты как думаешь, стерва? Раздевайся.

— Ах ты сволочь!

Глухой удар.

— Заткнись. Научила сыночка своего стучать?

— Мразь, как ты смеешь!..

— Сгнил в земле с простреленной мордой, и ты сгниёшь, если рыпаться посмеешь. Я, б####ь десятков лет чалился, на нарах треть жизни промотал.

Оля тихонько вылезла из укрытия, сняла массивный засов с двери на улицу. Мужик орал всё громче.

— Мелкий гадёныш всю жизнь мне испортил. Е####ые краснопёрые моралисты. Отыгрался на нём, отыграюсь и на тебе!

— Не трогай!

— А-а-а! Псина вшивая, укусила! Я тебя загашу, мразь!

За стеной началась потасовка.

— Оля, мы должны ей помочь!

— Нельзя рисковать. Слезай и беги к танку, пока он не слышит.

— Оля, нельзя так!

— Быстрее, я помогу.

Тоня нехотя вылезла из укрытия, но и тут старые доски, как назло, оказались предательски громкими.

— Кто там?! — заорал бандит.

Елизавета закричала, кровать под ней издала пронзительный мерзкий скрип. Тоня выбежала на улицу — 57-ой находился в метрах двадцати от дома. В такой темени она нашла его по памяти.

— Хлебом в подушку и не двигайся.

— Не уйдёшь, урод!

Оглушительный выстрел, за ним второй. В стене в пристройку появилась громадная дыра от пули двенадцатого калибра.

— С###а, чё же ты такая тупорылая. Такой материал попортил.

Мужик открыл дверь, в углу пряталась Оля со «Светой» в руках. Показался широкий, но невысокий силуэт, неостриженные волосы. Оля вскинула винтовку и направила ему в спину.

— Стоять!

Он засмеялся, без толики страха повернулся: — Убери ствол, не ври себе.

— Убийца!

Лица не было видно, лишь жиденькая бородка и лохмотья вместо одежды. Он поднял руку, уже хотел отвести ствол винтовки, как на него запрыгнул Кишка и вцепился в морду. Мужик истошно заорал.

— Глаз!

Он упал на пол, ударившись о печку головой. Кишка убежал на улицу, за ним сбежала и Оля, наступив бандиту на пузо всем весом, отчего того стошнило. Когтистый скрылся в неизвестном направлении.

— Тоня! Тоня! Где ты?! Тонь!

— Тут я! Беги сюда! — послышалось где-то справа.

Оля побежала напрямик, сквозь колючие кусты крыжовника и загнувшие еловые ветви, уже хотела запрыгнуть, когда по броне срикошетили два патрона, пришлось прятаться за кормой. Все коленки ободраны, руки исцарапаны. Грязный приклад нагло упирался в бедро, теперь там будет синяк. Деревянное цевьё, кажется, превратилось в ежа. Сжимать его было очень больно, пальцы побледнели. Дождь не прекращал, громовые оскалы были оглушительнее пушечной канонады. Олю и Тоню ослепляли вспышки многочисленных молний, что ломаными путями достигали целей, раскалывая напополам даже вековые дубы. Оля прильнула спиной к броне, пытаясь отдышаться, к ней, вся зарёванная, обратилась Тоня.

— Ты в порядке?

— Ага, да. Да, жива.

Бандит ревел, как медведь. Очередной выстрел. Полуночное пространство рассекалось горячими болванками, как кисель. Таким тяжёлым стал воздух.

— Мелкие мрази! Черти, всех перебью!

— Оля, что делать?! Не лезть же под пули!

Мужик был в ярости, стрелял наобум, может, каждый третий дуплет попадал по танку.

Дождавшись очередного, Оля высунулась. На фоне дома косой походкой к ним приближался едва заметный силуэт. Оля вновь вскинула винтовку и выстрелила пару раз в его сторону.

— Огрызаетесь? Не заберёте! Ни тогда, ни сейчас не заберёте!

Корпус принял на себя очередной удар! Тонкие бронеплиты 57-го из танковой стали стойко держали удар — только краска отлетала! А Тоня всё всхлипывала.

— Где он?

— Да не знаю я! Сумасшедший он! — у Оли с языка слетело тихое бранное слово.

Прилетела ещё пара болванок, уже правее, Тоня вскрикнула. Оля сжала винтовку ещё сильнее, поймать нужную мысль из водоворота было крайне сложно. Небрежно, пачкаясь о жирную землю, она начала перебираться за другой борт, попутно пальнув куда-то в сторону дома. Бандит продолжал истошно орать и материться.

— Оля, помоги!

— Да не кричи же ты!

— Сволочи! Не дамся! Всех вас до последнего перебью! Всё забрали!

Руки ноют от ссадин. Тёплая кровь сочится из царапинок, тошнотворно обволакивая зудящую от ран кожу, пропитывая собой белоснежную изорванную рубашку. Ноги не слушаются, голени покрылись синяками, а связки верещат от малейшего движения.

Наконец выдохнув, Оля выглянула из-за танка. Вспышка молнии на мгновение осветила окровавленную морду. Глаз выцарапан, руки в грязи. Мужик был метрах в десяти, даже не прятался. Трясущимися руками она попыталась спугнуть его, быстро выстрелив четыре раза, но он продолжал заряжать обрез.

Мысль сжигала изнутри. Никакие обещания не в силах были выстроить преград перед самым фактом отнятия жизни, но всплывающие в голове картины размежёванных мозгов, вытекших голубеньких глаз, рваных светлых волос, вспоротых кишок и голых костей приводили в чувство. Ненависть к нерешительности вызывала закономерную ненависть к себе. Оля отползла ещё чуть дальше, за левый борт.

— Всего три осталось. Этого достаточно, но... — Оля нахмурила взгляд. — Мало.

Она немного высунулась из-за кормы, и тут её щёку обожгла пуля. Правое ухо облилось резкой болью и теплом, а вся шея омылась кровью, что стекала всё ниже: на грудь и живот. Теперь не только рукава, но и вся рубашка стала алого цвета, а чёрные волосы моментально окрасились в тёмно-бардовый. Деревья содрогнулись под криком. Оля спряталась, рукой держась за место, где ранее была мочка уха и здоровая щека. По касательной прошло, чудом не задев челюсть и артерии.

— Оля!

Послышалась пара выстрелов из ГТ, они были гораздо тише прочих, совсем не похожи на гром. Совершенно иная стихия, которая в этом месте была чужеродной, не должна была появляться. Тоня стреляла хаотично, но мужик взвыл. Кажется, попала куда-то.

Визг подруги и её смелость образумили Олю — она дала крови спокойно течь. Боль, запах и тепло давали то, чего раньше не было — ненависть к слабости. Дождавшись очередного выстрела, Оля вылезла и с полной уверенностью взяла мужчину в прицел. Увидеть его теперь было не сложно.

— Не убьёшь! Труссы! Красное отродье! Житья людям не давали! Не возьмёте! — он залился прерывистым, заикающимся смехом, покачиваясь немного из стороны в сторону, попутно заряжая ещё пару патронов.

Оля нажала на спусковой крючок, пуля легла рядом с ногой — он не останавливался;

она выщелила голень, но, из-за его косой походки, свинец лишь цапнул кожу; ещё один выстрел отправила в плечо — бандит наконец отшатнулся, успев, однако, зарядить и вскинуть ружьё.

Оля быстро сиганула вниз, когда ещё пара болванок пролетела в сантиметрах двадцати над её головой. Теплая кровь и боль заставляли моторчик работать изо всех сил. Тоня продолжала плакать, свернувшись калачиком. Вокруг свистят пули, грохочет гром.

— Патроны мне!

— Мне страшно!

— Я сказала — патроны!

— Не могу!

— Живее! — Оля вдарила окровавленным кулаком по борту танка, кровь с костяшек отразилась на бледные от злости и страха щёки, вслед за этим прозвучал новый выстрел, уже в метрах пяти от девчонок.

Из рубки вверх вылетел магазин, успевший блеснуть в свете молнии на долю секунды. Тут же он упал в траву, где Оля быстрым движением схватила его и перезарядила винтовку, отбросив куда подальше пустой. Она встала в полный рост.

Мужчина: лицо его было обрюзглое, в ссадинах и десятках морщин, пальцы-крюки держали обрез, будто часть тела, а взгляд его был столь же пустым, сколько обезумевшим.

Тоня открыла глаза, когда Оля уже стояла в полный рост. Она была решительна. Только взгляд выражал кашу ненависти и любви, которая выплёскивалась наружу в виде неутаимой злости.

Кисть вцепилась в деревянное цевьё мёртвой хваткой, палец без промедлений дождал спуск. Плечо, ноющее, как и всё тело, от изорванных в шее нервов, сдержало самую пронзительную в жизни отдачу. Пуля вылетела из ствола, утягивая за собой пламя и пороховые газы. Олю, казалось, ничего не могло сейчас потревожить, но затихшая Тоня... Её испуг придавал сил действовать дальше. Только вот два глазика, до того источавших искорку и огонёк, теряли всё светлое и невинное в себе, отдаваясь бритвой по лёгким, прерывая дыхание.

Бандит замедлился, когда пуля пробила ткань и мясо, раздробила ребро на десятки частей, впившихся в лёгкое, а сама она застряла в теле свинцовым оплотом злости, ненависти и животного страха. Но урод не останавливался! Новый выстрел, и пуля проделала то же самое, разорвав мягкие ткани, раздробив кости и постаравшись лишить врага дыхания. Но он лишь отхаркнулся. «Живучий!» — единственная приземлённая мысль у Оли в голове. Третий выстрел. Вновь отдача, вновь вся правая рука, щека и ухо, собственные рёбра отдались в мысли болью. Указательный палец застыл в положении «огонь». Из рук обидчика выпал обрез, взгляд уroda переменялся: наполнился кровью, жизнью и сознанием. Как же всё-таки не вовремя! Лёгкие разорваны на лоскуты, но он продолжает дышать. Пуля размежевала сотню нервов, вылетев насквозь. Мерзкое, сгнившее душой и сердцем, тело падает, как мешок с картошкой — тупо и грубо. Но почему-то этот взгляд не даёт покоя. Он будто пытается въестся в память, начинает разъедать изнутри. Уставшая Оля, еле перебирающая ногами, идёт к нему, левой ногой больно ударяется о катки, но лишь спотыкается, не обращая внимания на боль.

Тоня за доли секунд прокрутила в голове все рассказы дедушки о войне. Будто все его истории — это одно сплошное чувство или оборванная плёнка. Заметила толику сходства между его взглядом тогда, в моменты воспоминаний, его тихим и приятным, как топлёное

молоко, тембром голоса, и Олей. Его истории о погибших друзьях, как их разрывало в ключья и давило под прессом войны. Как он сам был готов защищать и защищал родину, семью, себя, друзей. Нет, он не мстил, он сражался. Вспомнила, как он с радостью доставал проектор и с печальной улыбкой смотрел потёртые кадры, но для неё это было чем-то далёким, где-то там, случившимся не то что не с ней, а это и её прошлое тоже, но даже не с дедушкой. Он показывал свою старую накидку, фуфайку и рваный бушлат, которых в его части почти не было, показывал свой старенький Пистолет Коровина, который хранил после войны. Тоня не могла и подумать, что это было взаправду, ведь дедушка всегда был таким весёлым, таким заботливым и таким... Задумчивым. Почувствовала на щеках прохладные, почти белые кисти рук с красно-фиолетовыми венками на них. Когда она, будучи маленькой, проводила с ним выходные, он учил её кататься на велосипеде и подыгрывал детским капризам. Умело мастерил ей фанерные планеры, которые так же умело застревали в ветках, а мальчишки, что знали дедушку по его недюжинной смекалке в нахождении оправданий, лезли на дерево, доставая представителей авиаконструкторского гения и детской неуклюжести. Два дедушки — два фронтовика. Один оставался спокойным и серьёзным, другой лёгок на подъём и шутник, но оба глубоко в душе страстные романтики, любящие жизнь и дорожающие ею, её прекрасными и мимолётными, как маленькие искорки из костра, моментами. Одно Тоня понять не могла. Что же со всеми случилось? Не хотелось издавать и звука.

И вот: лицо, охваченное страхом перед смертью, лицо, осознавшее свою бесповоротную ошибку слишком поздно, лицо, желающее повернуть всю жизнь вспять. Какая разница, чего оно хочет? Вылетает только жалостливый, мерзкий хрип.

— Не надо...

Оля не опускает винтовку, продолжает смотреть на его теперь испускающее последний дух зарёванное лицо сквозь мушку. Он кряхтит, рожа бледнеет, а тело начинает подёргиваться в агонии, словно брюзжащая ядом гадюка в раскалённом добела котле. Безуспешно он делает последнее в своей жизни движение с характерным гортанным скрипом. Мстительное, бесчестное.

Выстрел.

По щекам уже стекали слёзы, которые, как думала Тоня, никем не будут замечены. Остался только страх, но не за себя. Тоня волновалась за подругу. За её доброту, за её вдумчивость, за её заботу, за её бледноватые, но такие тёплые руки, за её милую, и такую нежную шею, за её чёрные, приятные, будто льняное платье, волосы, за её спокойный голос, за её тихие монологи, за то, как она десятки раз рассказывала ей об интересующих вещах.

За неё саму.

Она же не дедушка, что с ней будет?

Ещё выстрел, и на месте глаза остаётся дыра. Ещё выстрел и переносица разрывается на ошметки. Ещё выстрел и лоб раскраивается на две части. Ещё один. Ещё один. И ещё. И ещё! Между ними не проходило и секунды. Оля продолжала нажимать — только клацанье механизма. Но это лицо ещё можно было разгадать.

Проклиная себя, собственный эгоизм, инфантильность и слабость, Оля подняла берцовый сапог и наступила на голову со всей силы — Тоня услышала хруст костей. Вновь опустила ботинок, и черепушка раскололась, как грецкий орех. И снова. И снова! Жестокость сейчас — единственный выход. Берцы покрылись мозговым веществом, кровью, грязью, но она продолжала.

Вдруг ноги перестали держать, живот скрутило пуще прежнего, виски запульсировали. Нутро попросилось наружу. Челюсти невольно раскрылись до боли в сухожилиях, рана на шее застонала пуще прежнего, сознание помутнело, но Оля держалась. И вот, желудок опустошился полностью. Всё болело, но больше всего голова. Давление в мозгах, кажется, превысило тысячи атмосфер, настолько больно думать. Кровь продолжала течь. Оля секунду, стоя на четвереньках, смотрела на вышедшие злобу, ненависть, беспомощность, жалость, жестокость, глупость и не могла сдержать слёз. Руки тоже ослабели, она упала окончательно. Однако, собрав последние силы, медленно отползла, покрывая окровавленную одежду слоем свежей земли, рваной травы, вновь сдирая кожу о щёбёнку.

У Тони остались силы лишь ждать — не могла двинуться, но не из-за страха, теперь не из-за него. Тучи наконец разошлись, дождь перестал, а на небе показался полумесяц.

Кое-как, навалившись всем телом на железный борт, Оля отряхнула берцы от мозгов, щёчки немного поблёскивали. Тихонько, перебирая ногами и руками, забралась в рубку. Грязные руки она вытерла о рубашку, схватив попутно бутылку противно тёплой воды. Чуть приподнялась, умылась, достала из аптечки медикаменты.

— Оля.

...

— Оль.

...

— Олеся...

— М?

— ...А... Ты Кишку видела?..

В ответ Оля помотала головой.

Тоня уселась молча, протянув подруге бинт. Оля достала антисептик — разведённый спирт по-простому. Мягкий холодок ободрил, запах напомнил городскую поликлинику, в которой кололи вакцины. Делали их всем и с самого рождения, а потому запах этот, кажется, застрял в голове навсегда и чувствовать его без вспоминания иглы в плече было попросту невозможно. Но боль эта была по-своему тёплой и согревающей. Ещё и косою шрамик на плече всю жизнь. Спирт попал на рану, пронзив шею. Зубы сжались почти до треска, Оля хотела кричать, но не могла. Не могла себе позволить и не хотела позволять. Кровь продолжала течь, следовало бы зашить рану.

— Давай помогу. Не всё же тебе самой делать, таблетки хоть достать или ещё что-то?

Оля потянулась за каким-то блестящим в полумраке блистером. Тоня, заметив это, достала большие белые таблетки с серым градиентом и вложила подруге в ладонь. Матовые и от потных пальцев немного плавилась. Оля выпила одну такую.

— Спасибо, — очень тихо сказала она и взялась за бинт с мазью вишневого.

Зажглась керосинка. Её более чем хватало на маленькую рубку, которая сейчас чем-то напоминала купе в убитом времени вагоне. Большие ножницы для ткани прервали мучения слипшихся и рваных бардовых волос. Клок улетел за корму, а и без того тупые лезвия покрылись тонким слоем подсохшей крови. Вонь от мази сразу ударила в нос, Тоня непроизвольно прикрылась рукой и отвернулась от навязчивого источника запаха. Олю снова стало тошнить, но она выдавила мази побольше и прижала к ране. Холодная. Притупляет внимание.

— Всё же пойду найду его.

В ответ только зажмурившиеся глаза и мерные перебирания рук в попытках покрепче

перевязать голову. Оля могла о себе позаботиться, Тоня знала это. Теперь знала. Хотя и ощущение, будто вот-вот упадёшь с качелей, сильно раскачавшись, никуда не пропало. Навстречу Тоне из кустов медленно брёл Кишка. Привычно хромал, весь в длинных сосновых иголках, земле, мокрый. Комочек грязи. Он чихнул и с головы его полетел ещё и песок.

— Ты здоров? — Тоня нагнулась и принялась отряхивать бедного пушистого защитника.

— Мяу-у-у, — он потёрся об её руку и направился к танку.

— Какой важный из себя.

Кишка попытался залезть, но лишь подпрыгнул на десяток сантиметров, приземлился на больные лапы и упал. Встал, попытался вновь и снова не вышло.

— Давай помогу, чего же ты мучаешься, — Тоня схватила его на руки и забралась обратно.

Оля завязала узел, села. Взгляд её вновь переменился. Сложно было двигать головой, она просто следила за котом, тихонько пробиравшегося к ней сквозь окровавленные тряпки, бутылки с водой, таблетки и всяческий хлам. Ну, как пробирался, на деле он нагло прошёл поверх того, и уселся к Оле на коленки.

То же порванное ухо, тот же понимающий и уставший взгляд, а сам Кишка грязный до одурения. Он потянул чуток лапу к ней.

— Чего тебе? — Оля приняла лапопожатие.

Кишка просто прижался к ней, а потом свернулся калачиком и замурлыкал.

И снова выступили слёзы, а может, это прошлые, так и не нашедшие себе выхода тогда, но полились они обильным ручьём, стекая по тем же холодным щекам, пропитывая окровавленные бинты солоноватой водой.

Тоня подсела к Оле и обняла.

— Спасибо, Оля. Ты спасла нас.

В сердце что-то ёкнуло. Жар пошёл уже по телу, хотелось снять всё, так горячо стало в мыслях. Так жарко и хорошо, но кожа, казалось, горела, а руки сжимали Олю сильнее и сильнее. Тоня упёрлась ей носом в бок.

— Сестричка, я люблю тебя.

— ...И я тебя люблю.

Томно нависшие густые ветви почтительно расступились, уступив место звёздному небу. Всё время оно. Всегда там. Никуда не денется, не пропадёт, не исчезнет. Никто его никогда не украдёт, пока весь мир не умрёт тепловой смертью. Кажется, что даже случись это, оно бы вернулось, когда-нибудь точно бы вернулось. Всегда напоминает собой о чём-то лучшем, великом. Просторе наших возможностей, наших чувств. Всегда способно увлечь, заморозить, унести в фантазии или просто стать хорошим подспорьем для разговора. А сейчас. Сейчас оно успокаивало, делалось чем-то невероятно большим. Такая пошлая трактовка, но разве оттого она становится ложной? Да и разве клише является чем-то действительно плохим? Может, порой неуместным, а в остальном? Да какая разница! Будто миллиардам галактик есть какое-то дело до каких-то там клише и предрассудков. Не для того они существуют, как, впрочем, и всё в мире. И, находя во всём свой смысл, сейчас девочки нашли в сверкающем крохотными блёстками небе утешение.

Несмотря на раны, что уже остывали, и на пережитый ад, трио заснуло.

Тоня ещё спала, когда Оля проснулась с сильным изнеможением. Горло пересохло, а желудок неумолимо урчал. Мелкие ранки уже успели залечиться сами собой, даже корочек или мелкого раздражения не осталось, только шея продолжала болеть. Окровавленный бинт

улетел в кусты, а в зеркале показалась длинная рана, рваные края которой уже успели затянуться. И сама она не кровоточила, что немного странно. Оля вновь, скорее для самоуспокоения, наложила бинты и принялась копошиться в вещах. Тёплая вода из литровой бутылки залечила горло, омыла возмущённый желудок и предательски закончилась. Треть пайка, что рассчитывался на девчонок, Оля, говоря откровенно, запихнула в себя с нескрываемым блаженством. Тут глаза приоткрыл и Кишка, за ним отошла ото сна и Тоня. О чём говорить было совершенно не ясно. Тоня проникновенно взглянула на Олю, в страхе заметить что-то, чего и сама до конца не понимала.

— Ты в порядке?

— Угу. Пойдём в дом.

Тоня хотела было сказать что-то, но оступилась и поняла.

Оля стояла в комнате одна, не пустила сестру. Трупного запаха не было, никаких паразитов, и на трупе бандита тоже. Размежёванные по стене мозги, вытекший глаз, вырванные клоки волос на кровати. Кишки и кости на месте. Олю не тошнило. Она намотала на лицо тряпку, кое-как подняла труп вместе с простынёй под ним. Посмотрела на обескровленное лицо и спрятала его под куском липкой ткани.

Дверь открылась после немощного пинка.

— Помочь? — прикоснуться Тоня боялась, но чувство долга перед сестрой было сильнее.

— Сама дотащ. Лучше найди две доски для креста и подходи к тому месту на кладбище.

— Угу.

От дачных участков прямо-таки несли гнилью, какая бывает в яме для перегноя. Странно, что ни один в ту злосчастную грозу не загорелся. Пришлось порядочно прогуляться в поисках чего-то отдалённо напоминающего деревянный забор, но Тоня теперь не боялась.

Вот один из уцелевших домиков с садом. Маленький, пять на четыре метров. ДСП шкаф для одежды, столик. Жёлтый диван, старенький ковёр, а на стенах фотографии двух детей и их, судя по всему, бабушки с дедушкой. На этой же стене были и детские рисунки. На первом изображён был сильный мужчина артиллерист со снарядами в руках, а на втором девушка пилот. Позади, судя по очертаниям, был старый истребитель Як-7. Тоня, следуя примеру Оли, не стала копошиться в личных фотографиях, документах и вообще брать что-то без надобности. Вот только в коробке для инструментов были гвозди на пятьдесят, а молоток у девчонок уже где-то в вещах валялся.

Садовый участок. Пара могил. Пара крестов. Пара табличек.

12.03.1970 — 27.11.1979. Ковалёв Владислав Даниилович.

Совсем маленьким был. И из-за чего? Тоже от болезни?

07.04.1971 — 23.01.1980. Ковалёва София Данииловна.

И сестричка его тут. Ещё младше.

В желании отвлечься Тоня, потеряв нос, обратила внимание на искомый деревянный забор и ухватилась за доски.

— Иди. Сюда! Дурацкая. Доска! — приложив недюжинные усилия и утопившись ботинками в грязь, Тоня вырвала одну доску из забора и отдышалась.

— И. Ты! Иди. Сюда! — вновь она упыхалась, но вырвала вторую.

Стальное лезвие лопаты упёрлось в землю, Оля с силой топнула по тулейке (крепление черенка). И так уже сотню с лишним раз. Она была спокойна сейчас, занимаясь любимой монотонной работой, закопавшись уже на полтора метра. В траве лежал кот, греясь под

солнышком, недалеко был и завёрнутый в ткань труп. Тоня аккуратно положила две доски и подошла к сестре.

— Шея в порядке?

— Да, главное головой сильно не вертеть.

Оля стёрла пот со лба, выкарабкалась с помощью Тони и уселась на могильную скамеечку. Девочки стояли в тени размашистых и невысоких светло-голубых ёлочек, которые затесались между берёзами.

— Я, кстати, всё принесла.

— Подпили, как клин, пожалуйста, а то я устала. Ещё нужно будет на колонке воды набрать.

— А она рабочая?

— Должна быть, — Оля схватила бутылку и сделала большой глоток, — Вода заканчивается.

— А ты не будешь... — Тоня мельком посмотрела в сторону, где был дом женщины.

— Чего?

— Да, ничего. Пойду отпилю.

— Не знаю, что там о загробной жизни, но её я обязана похоронить. А тот, — Оля выдохнула.

— Извини.

— Всё хорошо. Перегрелась просто.

Ножовкой по металлу пилить деревянный забор не самое приятное удовольствие, к счастью, сама доска была старая, так что Тоня быстро управилась. На глаз она набросала, как подпилить большую в форме клина, чтобы вбить в землю, благо вдоль волокон работать легче. Оставалось лишь прибить две друг к другу. Удар за ударом и два ржавых гвоздя были забиты так, что кончики их показались на оборотной стороне длинной доски. В конце концов, для первого, и Тоня надеялась последнего, креста — сойдёт.

Оля с неохотой перевела взгляд на простыню. В приседе схватила тело и подтащила к месту будущего захоронения.

— Может тебе всё-таки помочь?

— Не надо, — Оля говорила уверенно.

Безжизненное тело повалилось в могилу на сырую землю. Оля снова схватила лопату и принялась закапывать.

— Тоня.

— Да?

— Ты хочешь и того похоронить?

— Не знаю. Тебе решать.

— Мне? Всё мне решать. И как бы сейчас Миша поступил?..

— Он же солдат, не думаю, что он бы стал волноваться о каком-то бандите.

— Наверное. Знаешь, у него такое мерзкое лицо было, въедающиеся в память. Что-то про коммунистов орал, но что ему женщина сделала? А мы?

Тоня присела на заросший бордюру.

— Он же вором был, его не смогли перевоспитать, он мстить пошёл и опять сел. Нашёл сам себе врага и всё.

Оля закидывала тело землёй. Жирная, хорошая. Не рассыпалась. Тяжёлыми комьями летела в могилу, билась об окровавленную ткань.

— Не смогли перевоспитать... Так если человек не хочет перевоспитываться, его разве заставишь? И красные тут при чём? Ничего не понимаю и тебе вот голову пудрю, дура такая.

— Не обзывай себя, ты не виновата.

— Где крест вбивают, знаешь?

— Нет... А что?

— Значит, тут вобьём.

— Почему вообще крест? Зачем его ставить?

— Традиция церковная.

— Думаешь, она верующей была?

— Какая разница? Всё уже. Всё. Простое напоминание о месте захоронения.

Тоня угукнула в ответ и схватилась за увесистый крест. Девочки принялись вбивать его. Земля была достаточно мягкой, потому скорее вдавливать, нежели вбивать.

— Что дальше?

Оля вздохнула. Не хотела рыть ещё одну могилу, да ещё и для такого человека. Была уверена, что Миша так точно бы не сделал, а он определённо имел опыт в таких вещах.

— Я неподалёку речку видела. Хочешь?

— Да! Тогда я одежду захвачу, ты во что переоденешься?

— Что угодно хватай и мыло, попробую выстирать.

И правда, посреди дачного кооператива протекала речка. Ручеёк скорее. Глубокий, но не глубже метра. Не заросший, широкий, через него тут и там были перекинuty деревянные мостики. Тут один целый, там чуть подгнивший, а этот и вообще обвалился, кто знает когда. Оля в одном нижнем белье залезла в воду, только шею не окунала. Ступни сунула поглубже в рыхлый песок, а сама уселась на плоский камень. Теперь прохлада укутала всё тело. Сидишь вот так и все грязные, чёрствые, грубые мысли уходят вместе с потоком и листьями деревьев. Тоня тоже залезла, но по лодыжки, больно холодная вода была для неё. Она удивлённо взглянула на улыбающуюся Олю.

— Ты не простудишься так?

— Нет. Дай-ка мыло.

Оля схватила рубашку и штаны, начав полоскать их прямо в реке. От одного раза природа не сильно потеряет, да и мыло натуральное, чистое и 72-х процентное. Однако даже оно не способно было очистить вещи. Рубашка навсегда осталась светло-розового оттенка, а едкий травяной сок сделал штаны ещё более зелёными, правда другого оттенка. Оля вдруг обрызгала Тоню!

— И-и-и! Холодно же!

— А значит, меня можно было, да? Ха-ха, — Оля высунула язык, — Бе-бе-бе!

— Вот ты какая? Получай! — Тоня с силой шлёпнула по воде своей лёгонькой ножкой да так, что брызги окатили и её, и Олю с ног до головы.

— Хей! На мне бинты, нельзя на меня брызгать! — Оля резвым движением руки направила в сторону Тони стену воды, будто заклинанием.

— Хватит! Говорю же! Холодно!

— И! Ничего! Не! Холодно! — на каждую паузу она отмахивала от груди очередной сверкающий в свете утреннего солнца веер.

Тоня уже и забыла про холодную воду, зайдя в неё по пупок, утопая пальцами в речном дне.

— Я тебе покажу!

— Боюсь! Съешь небось, вон, смотри какое пузо!

— И никакое это не пузо! Нормальный живот...

— Ой, ладно тебе, шучу же, — Оля потянула сестру за руку, и та повалилась грудью прямо в ручей, — Бодрит?

— А-а-а! С ума сошла?! Если утону?

— Где утонешь? Тут и Кишка не утонет, во, смотри! Сидит на берегу и плачет.

— Ой всё, пойдём!

— Ладно уж, пошли.

Вся одежда на суше намочена. Оля и Тоня уселись на бережок, пытаются отдышаться. Обе теперь чистые и счастливые. На дуле танка гордо развевались трусы, майки, штаны, рубашки и кое-что ещё, где благополучно сохли, а сами девчонки пошли набирать воды из старой колонки, что была покрыта синей облупившейся краской.

Закончив со всеми делами, забрав некоторые хозтовары и посетив в последний раз могилу, девочки вернулись к танку. Оля тихонько уселась, только голова ещё немного гудела из-за раны.

— Теперь можно в город ехать.

— Так, а что мы всё-таки искать будем?

— Наверное, Дворец Советов. На карте видела, как проехать. Никогда там не была, а сейчас даже зайти сможем, если повезёт.

— Круто!

Тоня видела Дворец Советов только на почтовых марках и по телевизору.

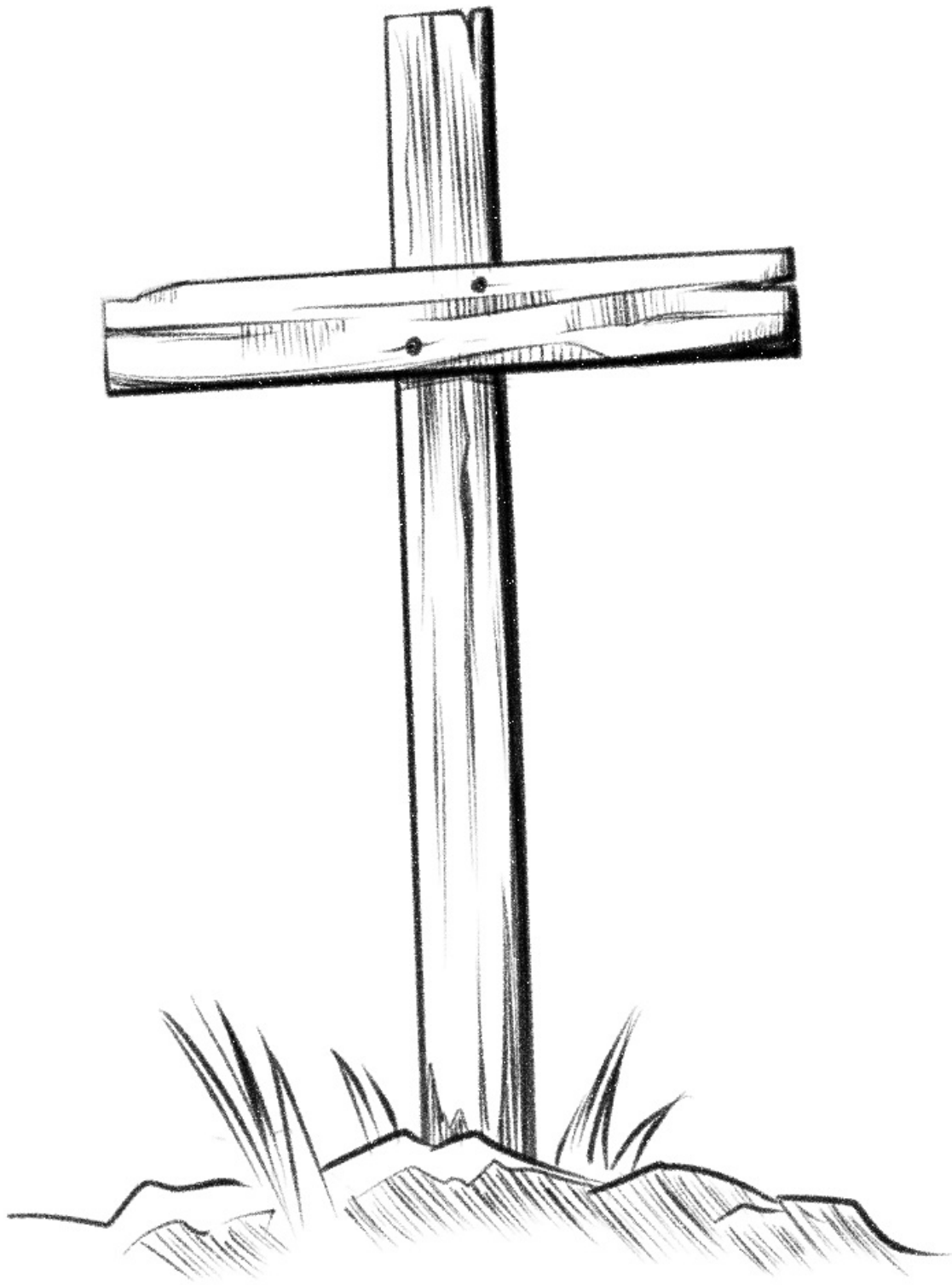
И снова, как в сотню раз до этого, без особых проблем двигатель затарахтел. Тоня теперь молча сидела в рубке, с нелепой ухмылкой уставившись на небо.

На добрые слова в свой адрес не скупись.

Я взгляд увидела, меня ты напугала:

По шее кровь твоя стекала томно вниз.

Но не бывать здесь празднику финала!

Спасибо! И плевать, что путь тернист!

Глава 10 Память

Весна брала своё, Москва в этом деле не была исключением. Ранее повергающие в ужас результаты боёв сейчас совершенно не вызывали тревоги, страха или отчаяния. Природа с остервенением боролась с радиацией, приняв всё произошедшее, как соревнование, а может вызов, но в любом случае выигрывала, отвоёвывая место под Солнцем, в буквальном смысле. Куст прорывался сквозь ржавое днище грязной, зелёной «буханки», высунув свои размашистые, пышные ветки из разбитых окон. А вот, например, как боксёр, лиственница раскидала бетонные плиты порушенной малиновки, тянулась извилистыми тропами к Солнцу, возвышаясь над битым щебнем, бетонной крошкой, мазутом, стальными трубами и перегнившими под ней трупами, ставшими удобрением. Девчонки по странному стечению обстоятельств чувствовали себя здесь вполне нормально. Возможно, за почти десяток лет большая часть радиации действительно была поглощена землёй и растениями, а может, просто улетучилась, хотя это так не случается. Одно волновало, очень хотелось кушать и пить, причём постоянно.

Главным ориентиром в Москве был изваянный в бетоне и арматуре Ленин, что возвышался над любым другим зданием в городе на сотню метров.

Дворец Советов — величественное сооружение в стиле советского классицизма — сталинского ампира. Символ многочисленных побед социализма, расположенный на бывшем месте храма Христа Спасителя. От него паутиной по всей Москве расползались широкие проспекты. Тут восседали все важные шишки Советского Союза. Здесь же проводили совещания, собрания, съезды КПСС и принимали иностранных дипломатов. Высотой свыше четырёх сотен метров. Возвели этот проект за двадцать с лишним лет. Начали в 30-х, заморозили проект и разобрали на металл во время войны с нацистами в 40-х. Потом разморозили в 50-м и закончили уже в 71-м году. Даже сейчас, после бомбёжек, войны и разрушений Дворец Советов не переставал удивлять монументальной красотой.

Пускай все строгие и величавые барельефы были уничтожены, никак это не умоляло монструозного величия архитектурного гения десятка свыше проектировщиков. Не умоляло это и труда свыше сотен тысяч рабочих по всей стране, всех возможных профессий, напрямую участвующих в возведении этого гиганта. Здание столь громадное, имеющее столько нюансов и закоулков, что без инструкции, размером в том, просто не разобраться. Колонны из мрамора, надкушенные пулями и осколками, стояли не шелохнувшись, а толстенные стены не пропустили внутрь и единого снаряда. Даже ядерный удар, эпицентром в километрах двух отсюда, не смог разрушить, лишь поддел искусное художественное обрамление. А Кишка спал, совершенно не обращая внимания на происходящее вокруг.

Тоня была очень взбудоражена: — Какой огромный!

— Да, высокий, смотри, какой Ленин большой сверху.

— И зачем их столько? — Тоня задрала голову высоко вверх.

— Как же, вождь революции, политик, писатель, ещё и философ. Неужели ты и этого не знаешь?

— Знаю. Только его в каждом городе по штуке, и тут ещё один. Мне мама говорила, что в культе личности ничего хорошего нет.

— Наверное, им виднее было. Главное, что красиво. Смотри, какие храмы в сравнении с ним крохотные.

Белые, но грязные лестницы. И ступенек было штук сто, не меньше. Ни тебе поручней, ни скамеечек по дороге. Видно, члены партии обязаны были и сами каждый год сдавать нормы ГТО, чтобы каждый день подниматься и спускаться отсюда по два раза. Почему два? С перерывом на обед конечно! Служба службой, а обед по расписанию.

Датчики движения и звука, на каждом углу кабинеты с компьютерами, турникеты и много чего ещё. Многие вывески до сих пор горели зелёным, указывая на пути эвакуации. Где-то ещё тихо надрывался динамик, охрипши совсем, не перестав за девять лет кричать об эвакуации. Некоторые двери были заперты, о чём оповещал спокойный женский голос: — «Проход воспрещён». Может электростанция где-то в районе всё ещё работала. Преобладающая часть проводки в любом случае давно перегорела или была повреждена, потому можно было без особых проблем попасть почти в любой кабинет. А ещё тут были странные трупы. Может им неделя всего, а может месяц, но они, как и тот бандит и Елизавета, совершенно не гнили. И Николай не гнил. Не так далеко была пара высокоскоростных лифтов.

— Оля, Оля, смотри! Это же лифт, у него и кнопка горит зелёным.

— И правда.

— Прокатимся?

— Тебя поездочка такая не пугает?

— Не пешком же нам подниматься, тут этажей сто, не меньше.

— Потерпишь, и для здоровья полезно.

— А рюкзаки?

— Тренируйся, чего ты по пустякам сразу киснешь?

— Он же рабочий.

— Говорю нет, я не хочу между этажей застрять или вниз упасть. Кто нас потом вытащит? Если нас вообще в лепёшки не раздавит.

— Тоже правда... — Тоня расстроено цыкнула.

— Пойдём, и керосинку зажги, там темно будет.

Одна из широких лестниц уходила высоко-высоко, что видно было по узкому проёму между сегментами. Такая же пыльная и грязная, как та, в Перми. Долго. Очень долго идти. Этаж за этажом и никаких изменений. Только на некоторых не перегорели лампочки — можно было осмотреться. Однако ничего помимо ещё одного десятка пересохших трупов не находилось. Несколько в строгих костюмах, чемоданы раскиданы по сторонам и некоторые раскрылись так, что бумага во все стороны разлетелась. Тоня принялась перебирать их и тут выхватила один из охапки.

— Смотри, Оля! Нашла. Проект какой-то.

— И что там?

— От января 1976 года. НИИ Заражений и Иммунных Систем. В Челябинске был! Что то о бюджете, финансирования мало.

— А название?

— Да-да. Проект-21. Всё.

— Так у нас на танке такой же номер.

— Значит, точно про нас написано!

— Скорее всего.

— Блин, тут ФИО министра стёрлось, кому адресовался документ, а я не знаю.

— Здравоохранения же?

— Ага.

— Я тоже не помню.

Оля принялась рассматривать другие документации, но все они были или рваные, или вообще не о том. Найденный листочек был единственной зацепкой. Оля окинула бардак взглядом.

— И что нам делать в таком случае?

— Видимо, дальше тут бродить, только что-то мне нехорошо.

— Так... Вообще, мне тоже тут как-то душно и тошно.

— А ещё я есть хочу.

— Угу, я тоже. Пойдём вниз. Может, забыли что-то, а так близки к разгадке!

Спустившись и объевшись, девочки принялись вновь исследовать каждый уголок. На всех компьютерах пароли — не зайти, все многочисленные документы о каких-то бытовых московских делах, жалобы случайные. Отчаявшись найти что-то полезное, они уже хотели подниматься вновь, но Тоня наступила на что-то, отдавшееся стеклянным звоном.

— Ой! Я раздавила что-то.

— Да тут всё разбито давно.

— Не... Смотри! Да это же план эвакуации! Мы тут вот. А что это внизу?

— Без понятия, — Оля подняла большой холст, на нём в боковом разрезе был изображён Дворец Советов, но большую часть занимал план первого этажа первого сегмента, — Какое-то подвальное помещение.

— Как думаешь, там есть что-нибудь полезное?

— Оно везде может быть.

— Тогда пойдём туда. Там точно что-то есть!

— С чего такая уверенность?

— Не в уверенности дело. Мы тут всё точно не сможем осмотреть, так что давай просто ходить туда-сюда. Все великие открытия в огромном мире произошли случайно!

— Или просто неожиданно... Ну, пойдём.

На этаже всего четыре входа, девчонки пошли к ближайшему. Вновь лестница, может, в сотый раз на пути, если не тысячный. Широкая, будто вход в метро, но потолок низко — неуютно. Единственная радость: с электричеством тут хорошо, но ничего конкретного не видно. Только благодаря указателям получалось сориентироваться в начавшемся лабиринте. Очередная дверь со скрипом открылась, в лёгкие попала концентрированная, тяжёлая и падкая на вызывание чихотки пыль.

— Апчихи! — девчонки чихнули в унисон.

— Не нравится мне тут. Жутко как-то, — Тоня с неуверенностью делала шаг за шагом по узкому и витиеватому коридору.

— Не тебе одной.

Глухой звук берцовых сапог и ботинок возвращался эхом со всех сторон.

— Есть хочу, — пожаловалась Тоня.

— Мы недавно поели, — безучастно отвечала ей Оля.

— И пить хочу.

— Мы недавно попили.

— А ещё голова болит.

— Мы недавно головами болели.

— А ещё...

— Не тебе одной тут дурно, чего ты жалуешься?

— Я виновата, что ли? Хоть попить дай, у меня голова кружится.

Оля вытащила бутылку, дала Тоне. Та с жадностью выпила литр и пила бы дальше, если бы Оля не выхватила воду у неё из рук.

— Хей!

— Я тоже хочу, ты и так почти всё выпила.

— Чего злая-то такая?

— Не злая. Тут пыльно, душно, темно и сыро. Ещё и не ясно, куда мы идём вообще.

Относительно узкий коридор вывел девочек в огромный, шириной метров десять, высотой все четыре, что целиком упирался в гигантскую гермодверь. Над ней надпись монументальным шрифтом белой краской на кирпичках — «Убежище Вход № 4». Чуть осмотревшись, девочки нашли лишь светящуюся голубым панельку с механическими кнопками. Оля постучала по одной из них костяшкой указательного пальца. Послышался тихий женский голос.

— Демидов? Почему так рано вернулись? Случилось чего?

— Ой, здравствуйте, — ответила Оля.

— Вы кто?!

Тоня вклинилась: — Странники!

— Какие странники? — женщина помолчала пару секунд и слышно было, что она затаила дыхание, — Посмотрите-ка в камеру, она сверху справа, в углу.

Девочки смутились, но выполнили просьбу.

— Вы что там делаете? Как вы вылезли? Чёрный ход замурован давно.

— Так мы пришли, а не вылезали, — отвечала женщине Тоня.

— Отставить шутки! Дети, вы что там забыли? Юрьевич, у нас тут потеряшки две, как-то выбрались, — женщина эта отдалилась от микрофона и что-то ещё кричала.

— Лена, о чём ты вообще? Какие ещё потеряшки? Я же просил... Твою-то, — послышалось не самое цензурное слово, — Давай скорее, под мою ответственность.

— Дети, отойдите.

Девочки послушно отошли от двери на метра два. Оная с шумом и лязгом, скрипом и громом стала заезжать в стену, что толщиной метра три — не меньше, и состоявшую из разных слоёв. От кирпича, до стали, чугуна и каких-то полимеров.

— Сразу в карантинную их.

— Идите в правую створку.

— Постой. Это что у тебя за спиной? — перебил мужчина.

— У меня? — ответила Оля.

— Да, что это?

— Винтовка моя и рюкзак.

— Ты кого к нам впустить хотела? — закричал Юрьевич, а створка спешно закрывалась.

— Так ведь же...

— Тебе глаза на что? Ты видишь — вооружены. Даже наши такого старья не носят, кто это по-твоему?

— Да не ори ты! Винтовка и винтовка, это дети совсем, видишь они без защиты даже?

— Дальше что? — мужик этот разгневан был, вспылал, как свистящий чайник.

— Они бы там без неё и часа не провели.

— Может они её скинули где. Охрану к створкам вызови.

— Не надо охрану, мы ничего плохого не желаем! — вмешалась Тоня.

Мужчина на мгновение остыл.

— Так, ладно. Сколько лет?

— Мне двенадцать, вот скоро тринадцать будет, три месяца ещё, наверное.

— А тебе?

— Семнадцать, летом восемнадцать исполнится, — отвечала Оля.

Снова молчание.

Лена по ту сторону динамика прервала паузу: — Ну так что?

— Винтовку тут оставь, тогда впустим, — отвечал девочкам мужчина.

— Нет, — чётко и ясно сказала Оля.

Мужчина вздохнул: — Значит, там оставайтесь.

— И пусть. Многого не потеряем, дальше пойдём.

— Девочка, кому ты врёшь?

— Не хотите — не верьте. Пойдём, Тонь, наверху поищем.

— Куда же?..

Вмешалась Лена: — Одумайся же ты, хрущ старый! Хочешь, чтобы они там померли?

— Я с оружием кого попало впускать не буду и тебе запрещаю!

— Девочка, что тебе стоит винтовку оставить? — говорила Лена.

— Многого стоит.

— Я же тебе говорю, две мародёрки... Ты что делаешь? А ну, куда?

— Заходите скорее, — сказал женщина и створки снова открылись.

— Да я тебя. Ах ты, bestия... — послышался глухой удар.

— Вот же пень, я их на верную смерть там не оставлю. Заходите в правую створку, там карантинная, сейчас подойду.

— Ты у меня пожалеешь, за неисполнение должностных...

— Шишку на лбу обработай, хрящ, ещё и бессовестный к тому же. Акваланг этот где?

— По правую сторону есть один. Нужно на склад сходить, остальные семь Демидов с командой разобрали.

— Вот и сиди тут, а я пошла.

Динамик умолк.

Девочки оказались в комнате с красными лампочками на стенах. Налетело облако белёсого газа, скорее похожего на пар. На привкус сладкий и спустя секунд тридцать был откачан. Открылась створка поменьше, с оранжево чёрным обрамлением по контуру. За ней было большое, белое помещение, до нелепости похожее на кабинет хирурга. Девчонки зашли, створка позади шмыгнула в сторону, а в нос ударил запах старой больницы. Серенькие ширмы, потёртые стулья, стальные кушетки, стол из ДСП. Дверь с окном, за которой Лена всё старалась собраться с мыслями и войти. Оля держала всё это время винтовку в руках. Убирать за спину не отваживалась.

Наконец дверь отворилась, к девочкам зашла Лена, чьё взволнованное лицо можно было видеть сквозь окошко в герметичном костюме.

— Садитесь, дети, садитесь, — Лена присела за широкий стол с кипой бумаг и стопкой карандашей на нём.

Подозрения в мародёрстве Олю очень задели, отчего она недоверчиво смотрела на эдакого вахтёра.

— Тебя Тоня зовут? А подружку твою серьёзную как?

— Ага, я Тоня, а она Оля.

— Да, я Ольга.

— Ольга и Антонина. Запишем. Вы как тут у нас оказались?

Не успели девочки ответить, как динамики в кабинете включились.

— Лена, Демидов передаёт, танк при входе, совсем недавно брошенный. С котом внутри, что самое интересное.

— Это наш! Скажите, чтобы не трогали! Там ещё число двадцать один на корпусе, а кота Кишка зовут, позовите его, он откликнется! — ерничала на стуле Тоня от нетерпения.

— Слышал, Юрьевич? — сказала Лена.

— Сейчас передам.

Прошло секунд десять.

— Да, откликнулся и цифры те же, — удивлённо отметил Юрьевич.

— А вы можете котика забрать?

— Нет, у них дел полно.

— Всё, не подслушивай, иди дальше спи, — сказала Лена и снова обратилась к девочкам, — Бывает же, на танке?

— Да, из Челябинска, говорили же, — говорила Тоня.

Лена положила листок с записями на стол, чтобы девчонки его вдели, — Оля, Тоня. Семнадцать и двенадцать лет. Вы приехали на танке. Из Челябинска. Сквозь огромный радиационный фронт... С котом. А на танке у вас двадцать один написано?

— Ага, — Оля опомнилась, отложила винтовку, достала из рюкзака документ: — Вы не знаете, о чём это?

Лена взяла листок, вчиталась, покрутила его в руках. Глубоко вздохнула и принялась всматриваться Оле в глаза.

— Чего вы на меня так смотрите?

— Знаем о чём, но для начала расскажите о себе. Нужно понимать, кого мы впускаем.

— Мародёров впускаете.

— Не злись, работа у него такая — ворчать, потому что старый уже. Никакие вы не мародёры. Вот, например, что у тебя с ушком?

Оля стала сколько не злой, столько нервной.

— Неважно. Рана обычная.

— Угу... А ты, Тоня?

— А что ещё рассказать? Вот недавно только поднялись на тридцатый этаж, вроде, но там так душно, что голова кружится.

— Наверное, как в Москву приехали, голод с жаждой постоянно мучают?

— Ага.

Лена взглянула на девчонок с досадой и облокотилась щекой на руку.

— Меня ваше молчание напрягает, — Оля чуть нахмурила брови.

— Скажи мне, у тебя месячные есть? — спросила наконец Лена.

Оля впала в ступор.

— Оль, это же?..

От неловкого объяснения спасла Лена: — Потом объясним. Ну так что, Оля, есть?

— Сейчас нету, — разговоры эти вгоняли Олю в краску от стыда, так как об этом она общалась с мамой лишь пару раз и больше тема не поднималась за ненужностью.

— А были?

— Ну, да..

— Понятно. Дайте сюда пальчики, не стесняйтесь. Это быстрый тест.

— Не люблю я кровь из пальца, — с отвращением на иголку взглянула Тоня.

— Я только проверю вас и всё. Стерильная иголочка, зелёной вымочила, вот ватка и спирт, не бойтесь.

Девчонки противились.

— Нет, что за дети? Да как я вам докажу? Хотите, чтобы я их в бочке с йодом измазала или в цистерну со спиртом окунула? Я вас проверить должна на наличие болезни. Порядок такой!

Оля нехотя протянула мизинец. Холодный металл на долю секунд погрузился в кожу, раздвигая мёртвые клетки, впился в мясо, потревожил нервы, из ранки потекла свежая кровь. Лена капнула ею на бумажку, которая тут же окрасилась в синий цвет. Тоня же зажмурила один глаз и отвернулась. Вторая бумажка тоже окрасилась в синий. Лена посмотрела на результаты, на девочек, снова на результаты. Смяла бумажонки и выкинула в мусорку под столом, зашуршала чем-то у себя за спиной. Скафандр стал чуть пышнее, она наконец сняла с себя шлем.

Коротко подстриженные рыжие волосы, добрый и тоскливый взгляд, узкие брови. Щёки, как обычно у Оли, бледные, а на нижней губе справа большой шрам, как от рваной раны.

— А вы заболеть не боитесь? — спросила Тоня.

— Здоровы вы, это точно, — Лена нажала на какую-то непримечательную кнопочку на столе, — Юрьевич! Каменёву скажи, чтобы приём готовил.

— Чего случилось?

— Чего девять лет ждали.

— Да быть не может.

— Каменёву ты скажешь или нет?

Динамик замолчал, Оля уже косо посматривала на винтовку.

— Спокойно, защитница наша. Никто вас не тронет.

— Верю.

— Правда, не стоит нервничать. У нас там старики и дети, испугаешь всех. У нас и еда есть, и вода, и всё, что нужно. Переночуете у нас, отдохнёте, а мы вам расскажем всё.

— Тётя Лена, а почему вы так с ним общаетесь? — вновь перебивала Тоня.

— С кем? Юрьевичем? Он отчим мой. Человек хороший, потому и ссоримся часто. Он правила чтит — воспитание, в войну партизаном был. А я больше справедливость люблю. Мы, конечно, ругаемся, но это так, любя, — Лена улыбнулась.

— А что за звук там был? Вы его ударили что ли? — уже встряла и Оля.

— Да ты что! — Лена тихонько засмеялась, — Нет конечно, я ему парик сорвала, он за ним и головой о дверь ударился с грохотом. Подняла его, вас впустила. Я ж не изверг какой. Юрьевич! Ну, что там?

— Да готово всё, готово. Вас ждёт.

— Пойдёмте за мной, покажу вам всё.

Технические помещения. Народа нет, зато есть пыль, трубы, вентиля и люминесцентные лампы. Некоторые из них помигивали, а другие и вовсе не работали.

— Две тысячи нас тут, маленький городок. Дети, старики. Вы уже слышали одного, самого ворчливого. В основном у нас тут бывшие учёные, да пара депутатов, Демидов один

из них. Умный мужик и наглый, потому и заделался политиком.

— Круто, значит мы со всеми повидаться сможем? — Тоня вглядывалась в даль идущий коридор с кучей разветвлений, но двери эти как правило были заблокированы или закрыты.

— Не сможете.

— Почему? — Тоня даже возмутилась.

— Позже объясню.

— Ладно... А что кушаете. Запасов много?

— Чего едим? Вода дождевая в целом безопасная, как и снег, мы её собираем хитрым мученным способом, потом сквозь фильтры промышленные пускаем, хотя они порядком износились, кипятим, потом и пьём. С едой сложнее. Плесени мы новой не придумали, да и грибы с такой радиацией есть опасно. Погода чуть лучше станет, теплее, пойдут группы в таких вот костюмах, но поновее, обыскивать окрестности в поисках съестного, за МКАД иногда выбирают за землёй чистой. Овощи разные пытаемся выращивать. Картошку и морковь под лампами ультрафиолетовыми. Животных нет, единицы только приспособились как-то к новым условиям. Что ещё, фундук собираем, горох пока приживается, рыбы нет, куриц у нас тоже нет, поэтому сублиматы и концентраты из запасов едим.

Вот и Оля заинтересовалась: — А электричество у вас откуда?

— Видели столб пара уходящий высоко вверх?

— Наверное, не обратили внимания.

— С противоположной стороны подъезжали. В общем, ещё давно умудрились недалёко по катакомбам ядерный реактор для независимого питания установить. А до него можно на дрезине доехать. От него и городок наш, и Дворец Советов, и даже округа в радиусе километров десяти питается. Простой совершенно, небольшой, оттого надёжный. Стержней урановых рассчитано было на двадцать лет при полноценной эксплуатации. А тут и питать почти нечего, так что на наш век не закончатся. У нас и выход к Метро есть! Только толку от него нет.

Компания спустилась по узенькой лестнице к коридору пошире.

— А что за болезнь эта, о которой вы говорили?

— Вирус искусственный или бактерия, за столько лет так и не решили. Вроде и антибиотики действуют, а как вирусы может вечно жить на поверхности. На ручке дверной, например. В организме не мутирует. О заболевании и раньше знали и прививали, а этот штамм новый в начале войны появился.

Тоня: — И вы не боитесь?

— Мы этой «лакмусовой бумажкой» проверили, вы не болеете. Сейчас вам Каменёв всё объяснит, если я права конечно, — Лена открыла какую-то непримечательную серую дверь. Следующий коридор был шире, и очень чистый.

— Кто этот Каменёв? Депутат второй? — Оля рассматривала стены, укрытые одеялом из детских рисунков и картинок мелом.

— Он самый. Их больше было, только померли почти все. Он вам понравится. Добрый мужчина, даже дедушка, умный. Детей любит, только курит много. И где только находит.

За стеной послышался разговор двух мужчин.

— Когда мы дойдём? — спрашивала Тоня.

— Квартальчик минует только. Вы главное не пугайтесь реакции, мы редко кого-то нового видим, как правило хороним только.

Лена зашла первой, слева стояли двое мужчин до этого оживлённо о чём-то дискутировавшие. Оля мучалась от голода, отчего даже не обернулась.

— Ох, доброго дня, Елена Сергеевна, — сказал один и уткнулся в ворот куртки.

— А это с вами кто? — говорил уже второй прокуренным голосом.

— И вам доброго, товарищи. Девочки, потерялись тут, — Лена ускорила шаг и подгоняла девчонок.

— Так как же потерялись? Они же... Елена вы куда? Елена! — Мужики лишь почесали головы, да принялись дальше что-то увлечённо обсуждать, но уже по иной причине.

— Елена Сергеевна? С чего такая формальность? — пыталась отвлечься Оля.

— Каменёв Пётр Андреевич главный тут, потом Демидов, как главный разведывательной группы, за ним Юрьевич — имел опыт в управлении, а четвёртая я. Одарённая была, а на деле просто учиться очень любила. Школу экстерном закончила, попала лаборантом в одну лабораторию, к отчиму. Правда, не на долго. Ай, не суть, вот и пришли.

Лена приоткрыла дверь с непримечательной табличкой, за которой был уютный кабинет, освещённый несколькими желтыми лампочками накаливания. Сильно воняло дешёвым табаком. За столом, довольно массивным надо сказать, сидел худощавого вида старичок, именно что старичок, а не старик, на вид лет семьдесят. Уголки его губ приподнялись, мощные брови тоже, лицо покрылось глубокими морщинами. Глазики у него маленькие, чёрные и впалые, пальцы костлявые. Чем-то напоминал Кощея, но он так живо и с интересом пробегался взглядом по гостям, завораживающе двигая руками, перекладывая папочки на столе, что совершенно не пугал.

— Здравствуйте, дорогие! Спасибо, Лена. Можешь чаю принести, пожалуйста? Какой хотите? У нас тут зелёный есть, с шиповником, может кофе, — улыбка честная, но рад он был не самим девчонкам, взгляд не тот.

— А можно с шиповником? — обрадовалась Тоня.

— Конечно, Лена?

— Сейчас приготовим, — Лена поспешно удалилась.

— Я так понял, что вы голодные? — Каменёв достал два больших, похожих чем-то на козинаки, брусочка, — Это хлеб наш. Неказистый, но питательный, уж поверьте.

Тоня взяла с опаской, а вот Оля с жадностью вцепилась в мякиш. Некрасивый, на вкус как сладковатая бумага, но сытный.

— Начнём с формальности. Я Каменёв Пётр Андреевич. Приятно познакомиться.

С голоду Оля забыла о нормах приличия и отвечала с набитым ртом. — Да, взаимно. Спасибо за угощение. Я Оля, а она Тоня.

— Елене вы рассказывать, я так понимаю, отказались, тогда мне поведайте историю вашего приключения.

Оля и Тоня оживлённо, может с получас рассказывали ему о своих приключениях и встречах, а он молча и понимающе кивал, иногда задавал наводящие вопросы и по такому поводу убрал сигареты подальше, хотя часто посматривал в их сторону. Посреди рассказа приходила и Лена, принеся две кружки с чаем. Тоня прямо светилась от радости в гастрономическом экстазе, а Оля, расслабившись на стуле, просто дополняла рассказ сестры.

— А ещё, три дня назад мы женщину встретили... — Тоня заметила перемену в лице Оли и отступилась в мысли, — Но она торопилась куда-то, толком и не поговорили.

— Удивительно! Демидов с командой последний раз год назад людей встречали. Тоже

весной. Семейная пара с младенцем. Пережидали что-то в одном подвале, в районе Лобни.

— И что с ними? — поинтересовалась Тоня.

— Не могли же мы их оставить, вот и привели сюда. Точно помню, что отца Станислав зовут, а маму Ксения. А девочку... Вроде Соня. Главное, Стас у нас сейчас техникой занимается, а жена его в детском саду воспитательницей работает. Рук всегда не хватает, лодырей у нас нет. Одно сломается, другое, ещё нужно с едой что-то решать, проблем немерено.

— Получается, вы не всем помогаете?

— Двери открыты для всех, кто готов жить в мире и трудиться. Исключение — дети.

— Интересная у вас политика, — сказала Оля и пропала в мыслях на мгновение.

И не скрываются ото всех, и в спасателей не играют, потому что на всех места не хватит. Нет, места хватит, а вот еды и прочих благ — нет. Такая простая идея на самом деле, никаких излишеств. И нечему ломаться, что самое главное. Работать может любой, так пусть тогда работает. Зачем придумывать различия и ограничения? На самом же деле, чем больше на идею накинута слоёв, чем она сложнее, тем легче ею обмануть и ввести в заблуждение. Это как лепка на фасаде. Не станут же на гнилую лачугу такую красоту лепить? Будут. И лепили. Чтобы обмануть красивой обёрткой. Денег с обманутого заработать, например. Если поведёшься, потом ещё крыша на голову упадёт.

— Шрам такой серьёзный. Где успела пораниться?

— Да так, недавно.

— Хочешь, мы тебя к врачу отведём? Он у нас профессионал своего дела. Даже меня умудряется латать.

— Не надо, всё хорошо, — Оля ответила сухо, отводя взгляд.

— Ох, дело твоё, но тебе очень повезло со здоровьем, раны такие обычно долго затягиваются.

— Может, и правда повезло.

— Тоня, выйди, пожалуйста. Буквально в соседний кабинет слева, где Лена...

— Почему?

— Не перебивай, — Каменёв сказал это очень строго, по-командирски, но без злости.

Тоня в ответ лишь пристыженно угукнула и села ровно.

— Мне нужно с Олей поговорить.

— Понятно, — Тоня тихонько встала и вышла.

— Убедительный же вы, — отметила Оля, провожая взглядом понурую Тоню из кабинета.

— За сорок лет научился. Так вот, Оля, помнишь родителей своих?

— Нет.

— А адрес? Школу? Где родилась? Что угодно.

— Только отрывками. Свет назойливый, свист в ушах. В Челябинске это всё было.

— Челябинск, значит.

— А что?

— Сейчас, — Каменёв за долю секунд выкопал из-под кипы макулатуры белый компьютер. Машина зажужжала, издала пронзительный писк, — Если предположение верно, то возможно у всех нас появятся некоторые ответы.

Оля спокойно сидела, пока Пётр Андреевич что-то усердно печатал. Вот он остановился, взглянул на Олю, на экран, снова на Олю и вновь на экран.

— Что случилось?

— Нашёл, по мелочи, — он развернул монитор, оттуда на Олю смотрело её фото в школьной форме, когда ей было 16 лет, и какой-то документ, — Узнаешь?

— Да, это я! Не самое лучшее фото конечно, я тут глупо выгляжу и галстук кривой.

Оля принялась вчитываться в документ, который о ФИО старательно умалчивал. Эти строки могли быть о ком угодно.

“Физическое развитие соответствует возрасту. Болеет редко. Сдержана в проявлении эмоций и чувств.

Из добропорядочной, полной семьи. Единственный ребёнок. Никаким систематическим унижениям и дискриминации не подвергалась. К знакомым и семье относится дружелюбно и отзывчиво.

Учится хорошо, но должного энтузиазма в олимпиадах и соревнованиях не проявляет. Лучше всего проявляет себя в гуманитарных науках. Коллективом не отвергается. Не ведомая, не лидер. К любым конфликтам относится отрицательно, новых людей сторонится. Особо массовых мероприятий тревожится. Брать большую ответственность в том числе.

Внеклассные мероприятия посещает редко. Числилась в пяти кружках, в каждый записывалась добровольно. Каждый бросила. Больше прочих посещала литературный — два года. Порученные задания выполняла исправно.

Отличается замкнутостью. Ведёт себя сдержанно. Общается неохотно. Близких друзей нет. Обещания выполняет в срок, чем заполучила положительную характеристику от коллектива. Любит одиночное времяпрепровождение, но не отказывается от возможности поучаствовать в чём-то, как пассивный участник или сочувствующий.

Склонна свои проблемы взваливать на себя, переживаниями не делится. Не единожды была замечена в комендантский час на набережной. На учёте в детской комнате милиции не состоит.

Ребёнок склонен к тревоге и чрезмерной самокритике. Не имеет чётко выраженных целей, пассивен, из-за чего необоснованно принижает своё положение в коллективе. Добра, склонна к сопереживанию. Требуется профилактическая беседа с родителями.”

Оля помотала головой в негодовании.

— Что это? Это так обо мне психолог писала? Единолична? Без энтузиазма? Пассивный участник... ой, участник? И ничего я на себя не взваливала, нормальной была.

Каменёв сидел опечаленным.

— Что ещё там? Это база данных?

— Да. Подходи ближе.

Свидетельство о рождении. И о смерти: на которое Оля не сразу обратила внимание. Протокол патолога-анатомического вскрытия. Там было много чего написано, но главное и больше всего бросающееся в глаза — смерть в результате странгуляционной асфиксии (удушьё). На свидетельстве о смерти печать, росписи и написаны сверху фамилия, имя и отчество. День рождения 22.06.1958, а строчками двумя ниже день смерти 26.12.1975.

— Что это за идиотизм?

Каменёв выставил кружку с оранжеватой водой: — Держи, валерьяна обычная.

Оля недоверчиво взяла её, принялась. Да, валерьяна, самая обычная.

— На старости лет помогает уснуть и тебе успокоиться поможет.

— Так может вы объясните, что это вообще такое? — отпив, продолжала Оля.

— Досье, если просто, на Тоню тоже есть, но неполное. В архивы электронные мало что

успели перенести.

— О чём вы? Свидетельство о смерти, экспертиза какая-то. Я тут перед вами сижу, что за розыгрыш?

— Эх, — он вздохнул, а на лбу у него выступил пот.

— Чего же вы молчите?

— ...

— Говорите уже, хоть напрямую!

— Был в Челябинске один проект...

— Который двадцать первый?

— Да, по созданию вакцины был. По бумагам всё прилежно и чисто, но на деле... На деле эксперименты ставили над людьми. В общем, вы, если это вы, что очень вероятно, этим экспериментом и являетесь.

— Глупость! Не стали бы у нас таким заниматься.

— Не забывай. Как бы то грубо ни было, а жизнь одного — это ничто перед жизнью миллионов. Всё же государство должно было о безопасности всего общества думать, а не о благополучии одного человека.

— Говорю, глупость! И причём тут двадцать один вообще?

— Не поверишь, но просто так. Ничего конкретного, просто цифра.

— Ну, и зачем это всё? Что за эксперимент?

Пётр Андреевич сложил руки в замок, упёрся в них подбородком, опустил взгляд: — А ты думаешь, почему вам с Тоней всё нипочём? И Лена тебя спросила о делах женских. Ты... Не могу я так.

— Что я?!

Каменёв схватился за переносицу, зажмурился, полностью уйдя в себя на мгновение.

— Не учили нас такие вещи рассказывать, так что извини. Ты, как бы так выразиться, неудачный образец. Детей не можешь иметь. Не знаю конкретики, но эксперименты с иммунитетом не прошли без последствий, но огрехи были учтены. Тоня была второй, ей повезло больше. Вы не всеильны, но можете пережить намного большее, чем простой человек. Что-то с метаболизмом связанное.

Оля молчала. Ничего — просто тишина. Никогда не выражающая ничего и никого. Смотрела в его опустошённые глаза таким же опустошённым взглядом. Каменёв чуть обмяк, голос стал мягким.

— Вы совершенно ничего не помните?

— А какая уже разница?.. Никакой.

— Расскажи всё-таки, что у тебя с ушком?

— Мужчина. Напал на нас. Женщину застрелил. И нас хотел. И я его, того, пристрелила. И добила... — Кожа у Оли покрылась мурашками, а руки чуть побледнели,

Пётр Андреевич спохватился и подошёл к Оле, положил ей на плечо лёгкую руку: — Тише, никто тебя не осудит.

— Я обещала, что буду защищать её. Но я же убийца значит? — стеклянный взгляд сменился на полный непонимания.

— Другой мог бы просто сбежать. Не каждый готов стоять на своём, рисковать жизнью, защищать того, кто дорог.

— Наверное... — Оля вытерла нос рукой.

— Хочешь историю расскажу?

Оля по-детски уткнула, будто ей и не восемнадцать почти, а только шесть исполнилось. Каменёв присел рядом.

— Тот день выдался на одну памятную для учёных наших дату, поминали кое-кого, уже и не вспомню. Всесоюзного масштаба была фигура, а тут и банкетный зал был. Решили здесь проводы устроить. Когда бомбы полетели, лет восемь назад, я думаю, все в метро побежали, бомбоубежища, бункеры. И, так вышло, болезнь скосила почти всех. Повезло единицам, тем, кто смог пережить болезнь, и тем, у кого к вирусу иммунитет был, хотя они всё ещё были разносчиками. Честно говоря, я сам был тогда в недоумении, вроде умные люди, подумай, учёные же, не я, кто с бумагами возится, считай бухгалтер, а мозговитые, воспитанные по всем идеалам! В общем, ум о разуме ещё ничего не говорит. В первые месяцы, когда я только начал людей организовывать, даже думать не смел, что стану главным, нашлись обыкновенные предатели. Даже нацисты. Выяснили, что у них иммунитет есть, а значит нужно сохранить особенность, сегрегацию начать. Геноцид, другим же не повезло. Нечего женщинам с мужиками неполноценными возиться. Их тогда около пятисот было. Начали людей терроризировать, избивать, калечить, даже убивали, всё под предлогом исключительности. Горстка депутатов, что тогда нами именно правила, вступила в сговор. И, что думаешь?

Оля внимательно слушала Каменёва, но никаких предположений не имела, потому лишь пожала плечами.

— За дверьми на первом ярусе лежат самые рьяные из них. И тем, кто приказал их расстрелять, был я. Конечно, были единицы покаявшихся, которых мы заставили самую тяжёлую работу выполнять, а других мы просто выгнали.

Оля вжалась в кресло. Каменёв заметил это, извиняющееся покашлял и достал сигаретную пачку. Чиркнул спичкой, что сразу зажглась. В жёлтом свете его лицо выглядело намного приятнее, живее даже. Он глубоко затянулся, а затем кабинет наполнило облако дыма.

— Извини, надеюсь, ты не против? — он стряхнул пепел с сигареты куда-то в ящик.

Оля помотала головой.

— Идейным людям часто не дают выбиться в люди. Лишь единицам и тех потом душат. Я же родом из деревни, вся родня с Днепра. Мы многое пережили, устану перечислять. Особенно в войну, от коллаборационистов, от полицаев, от предателей. Одного деда моего заморили голодом в Бухенвальде. За сотни километров увезли, чтобы просто убить. А второй погиб под Ржевом, так всех раскидало по Родине. Мама немного знала немецкий, её использовали как переводчика. Ошиблась в каком-то документе, с её слов. Решили повесить. Волей случая спасли партизаны, она под пулями и выбралась. Уже когда освобождали Украину — мой отец заживо сгорел в тридцатьчетвёрке. Подбили. А я был рядовым. Мне тогда единственному в роте не хватило ППШ, представь себе? Ходил с Мосинкой, но она мне очень нравилась! Да я и никогда сильно не геройствовал, о чём порой даже жалею. Почти погиб от гранаты, но меня случайность спасла. Я по неуклюжести споткнулся, спасся от осколков, а товарищ позади меня — нет. На самом деле, немцы были глубоко несчастные люди. Но это не оправдание. Им плохо жилось после первой мировой, решили взять реванш, решили, что форма черепа, генетика, фашизм и много чего ещё их спасёт. Как видишь. В принципе глупо в чём-то нацию винить, расу, ты и сама знаешь, человек это всё не выбирает, а разный язык — не повод убивать друг друга. После всего этого я не чувствовал никакого сожаления, отдавая приказ. Люди, возомнившие себя лучше других по факту

рождения и того, чего не выбирали — не достойны такого сострадания. Я так понял тогда, уверен, и умру с этой мыслью. Будь убеждена, если кто-то первый взял тебя на мушку, готов застрелить, ты имеешь полное право защищаться. Жизнь любит играть с нами, потому что нам мало что подвластно, но если подвластно, то мы обязаны отстаивать это. Мы это то, что мы успели сделать. А насчёт прошлого. Вы отличаетесь от нас, советская власть дала вам обоим шанс прожить новую и интересную, пускай и очень сложную жизнь. Вам не следует тратить её на скорбь и траур, вам нужно жить! Как никто из нас сейчас не может, вот так нужно жить! За всех нас. Это же чудо, что вы нашли нас на обломках нашей Родины!

— Значит, я сделала всё правильно?

— Да ты что, конечно! Даже если приходится совершать тяжёлые поступки, если некоторые страшные события — это правда, главное, что ты способна задуматься о ком-то, помимо самой себя. Это большое дело, поставить чью-то жизнь выше своей, тем более лезть под пули ради этого. Скажи, Тоня нашла свою цель?

— Пока нет.

— Ты же сможешь ей?

— Да! — решительно ответила Оля.

— Тогда не волнуйся, — он похлопал её по спине.

— И что нам делать дальше?

— Могу предложить поехать на Байкал. Знаю, что там есть ещё одно крупное убежище, да и природа там намного лучше.

— Понятно.

— Думаю я, историю Тони ты знать не хочешь.

— Не хочу.

— Правильно.

Оля долго сидела, обдумывая услышанное, но вдруг оживилась: — Из-за чего война началась?

— Ох, многие войны не так уж и сильно отличаются. Всё порой невероятно просто. Власть, Оля. Всему виной желание власти, денег, пороки человека, и любая система, что всё это поощряет. Абсолютно любая. Вместе это приводит к страшным последствиям. Понадеялись, что ракеты у них лучше и оборона крепче. А когда на тебя с двух сторон летят бомбы, что остаётся? На каждую ответить тремя такими. Да только весь мир в труху и всё на этом. Что остаётся простым людям? Лишь защищать, что им дорого. Что там, что тут.

— Ну, да, пожалуй, звучит логично. Спасибо.

— Не за что, я же и сам многого не знаю, просто это звучит разумнее прочего. Аналогии, — Пётр Андреевич улыбнулся, — И вообще, пойдём-ка к Лене, а? Городок наш посмотрите, у нас дружные все, общая беда как-никак. Может остаться захотите.

— Давайте.

Они вышли.

В кабинете сидели Лена и Тоня, первая искренне улыбалась, смотря на довольную физиономию второй. Тоня с важным видом восседала на стуле, задрав немного нос и переставляя фигуры двумя пальцами. Вот Лена сходила ферзём прямо под удар пешки, съедая слона, а вот её конь пал под ударом ладьи. Вдруг её король попал в безвыходную ситуацию, застряв между ферзём, который скользнул прямо в угол доски, и пятью пешками, что защищали друг друга. Каменёв с интересом нагнулся к шахматной доске.

— Елена, любите же вы шахматы.

— Оля, Оля! Смотри, а я вот выигрываю, в первый раз играю!

— Молодец, я тоже играть немного умею, — Оля была понурой сейчас, как когда Тоня выходила из кабинета.

— Что случилось?

— Ничего страшного, просто вымоталась немного.

Лена вклинилась в разговор, когда её короля съела пешка: — Пойдёмте-ка вместе в столовую. У нас сегодня варёная картошка, мясо и даже компот есть.

Тоня обрадовалась: — Круто! Мы давно такого не ели.

Столовая. Таких в бункере было несколько, но и этой хватало сполна, тем более обедали тут не все. Лена сказала, что в последнее время поломок много, так что многие без обеда работают или в свободное время едят, кому как удобнее. Деньги в городе не используют. Что умеешь делать — тем и занимаешься, кто старательнее отработал — больше съел. Одежду, мебель и прочее выдают по заявлению, устному или письменному. И даже по почте! Электронной. Питание и локальная сеть остались, так что заметку «Стул сломался, когда пытался лампочку поменять» оставить не было труда. Каменёв этим и занимался, обработкой таких жалоб и просьб.

Тоня взяла алюминиевый поднос и подошла к окошку выдачи.

— Здравствуй, — женщина лет пятидесяти на вид, с поварским колпаком на голове, довольно тучная, приглядывалась к Тоне, — Я тебя не помню.

— А мы тут новенькие!

Каменёв вклинился: — Галина Олеговна, здравствуйте. Накормите наших гостей, пожалуйста, в счёт моей порции положите побольше.

— Ох, и вы тут! Нечасто заходите, Пётр Андреевич, здравствуйте. Правда новенькие? Сколько им? Дети же совсем.

— Да вот, с области, от своей группы отбились, как-то нас нашли. Голодные совсем, я уж вас очень прошу.

— Да вы что! Сейчас накормим.

На тарелку повалились с плоского половника шесть средненьких картофелин, источающих пар, как камни в бане, когда воду на них хлещешь. А ещё кусок сушёного мяса. И Оле так же.

— Кушайте на здоровье, всегда рада детей накормить. А вы, Елена Сергеевна, кушать будете?

— Даже не знаю, сушёнки положите.

— Поняла, сейчас. Компот главное не забудьте, — повариха вытащила четыре гранёных стакана, доверху наполненных красноватой жидкостью с ягодками внутри.

Тоня, как хомячок, напихала себе полные щёки горячей картошки и начала это всё за раз радостно прожёвывать. Лена смаковала сушёное мясо, как жвачку, ну а Оля спокойно кушала, обдумывая, что же всё-таки делать дальше. Пётр Андреевич, как и полагалось, отказавшись от обеда, попивал компот. Интересный квартет, только Юрьевича не хватает, а он, как сказала Лена, дежурит на посту согласно смене, так что всё на своих местах.

После плотного обеда, по закону здравого смысла и нежелания заполучить заворот кишок, лучше не носиться туда-сюда, а спокойно нагулять себе желания поспать. От кварталчика к кварталчику, от переулка к переулку, от лампочки к лампочке. Ходила компания от женщин, хлопочущих над какими-то вещами и тряпьем, до потных, уставших, ворчащих мужиков, которые не замечали никого. А ещё тут крысы домашние живут.

Маленькие, уродливые и людей не боятся. Зачем живут? Да просто так! Они не грязные, проводов не грызут, потому что зубы у них хрупкие стали. Копошатся в клетках, да людей смешат, фыркают, пищат и мордахи умывают своими кривыми лапками (А ещё их на эксперименты пускают разные, но Елизавета отнекивалась). Живучие создания.

За эти года родилось прямо в бункере семьдесят детей. У многих проблемы со здоровьем. Кожа, глаза, сердце, лёгкие, кости — всё подряд, и большинство никак не вылечить. Тут мало что осталось из медикаментов, помимо самых простых: бинтов, средств дезинфекции и некоторых сложных на прочтение.

Тоня не унималась по поводу Кишки, оставленного некормленным и скучающим. Ладно девочки, но как комок шерсти выживает в таком радиационном фоне — совершенно не ясно. Всё же, выпросив у Каменёва разрешение, девчонки пошли бедного кота отыскивать, наткнувшись по пути на тех самых двух мужчин, которых встретили в самом начале.

— Лёха, ты смотри, снова на перерыве пересеклись.

— Здравствуйте, — отвечала Тоня.

Говорил другой: — Привет-привет. Слушайте, вас же вот только недавно увели оттуда, что вы там забыли?

— А мы!..

— Цыц! — Оля одёрнула сестру.

— Ага, скрываете что-то? — мужик, что первым их сейчас заметил, по странному улыбнулся и стал приближаться к Оле.

В этот момент их догнала Лена, держа в руке какой-то пакет.

— Ах ты, гад, а!

— Елена Сергеевна?!

— А ну, пошёл отсюда, ты насос починил или нет?

— Так перерыв же...

— Я Демидову про твои увлечения всё расскажу, ещё и по морде надаю, вон отсюда я сказала!

— Елена Сергеевна, что же вы...

— Извращенец, ни стыда, ни совести.

— Да как вы можете так...

— Я возьму сейчас вот именно этот ключ и так тебя по хребту ударю, тебя в медпункте не узнают. Вон отсюда!

— Да я ни о чём плохом, как вам не стыдно!

— Вон!

Мужчина этот поспешно удалился, будучи, мягко сказать, крайне опечаленным. Второй смотрел в его сторону, но уже не мог сдержать смех.

— Да-а. Елена Сергеевна, вы же знаете, что я бы его остановил, чего же вы так?

— Устала от него, Алексей. Четыре недели — три жалобы! От разных девушек! Весеннее обострение, что ли? Были бы у него мозги такие же золотые, как руки, а он вот чем занимается.

— Он бы и прикоснуться не смел, не вам ли знать.

— Да какая разница? Нельзя добропорядочному гражданину даже шутить так, тем более с детьми. Ох, девочки, я вот что забыла вам передать. Это для... Другу вашему дайте две, чтобы мы его впустить могли. Простите за ситуацию, некоторые совсем обнаглели.

— Ничего страшного. Но что это? — спрашивала Оля.

— От болезни. Ему сначала тяжело будет, но уже минут через десять оклемается.

— Понятно.

Алексей встроился в беседу: — Так, а вы кто такие-то?

Лена: — Ты же не обедал? Иди поешь, я потом тебе сама всё объясню. Ступайте, дорогие, мы вас ждём.

— А снаряга где?

— Там! И вообще, не твоего ума дела. Смена закончилась? Вот и флаг тебе в руки на обед.

Тоню только позабавила эта ситуация, не очень она понимала, что это за мужик и с какими намерениями хотел к Оле пристать.

Снова небо. Каждый раз — как в первый. Кто же знает, выходя тогда из катакомб института в Челябинске, увидели бы девочки небо уже тут, в Москве? Небо единое, а чувства от него всегда разные. Ещё, судя по грозной тёмной туче, с запада идущей, скоро будет дождь. Тоня заглянула в рубку, где лежал шерстяной комок, что даже ухом не повёл. Пузико его надуется чуть при вдохе, он растопырит пушистую шерсть и выдохнет. «Наверное, хорошо быть котом, лежать так, не волноваться ни о чём, и все тебя любят, почти все» — сказал Тоня, когда подняла Кишку на руки и уже хотела вылезти с ним.

— Постой, дай я 57й откачу отсюда, под навес какой-нибудь.

Старые добрые рычаги. Холодные, тугие, грязные и в масле. Теперь их неказистость ощущалась иначе. Проделанный путь делал каждую мельчайшую манипуляцию с ними весомее и значимее. Но с тем же на душе кошки скребли. Никакой краткосрочной, а может, и не краткосрочной цели теперь нет. Жить? Ясное дело, что жить: дышать полной грудью, радоваться мелочам, кушать, смеяться, любоваться чем-то и создавать новые впечатления. А нечто большее? Остаётся только вернуться к Мише. А быть может, лучше решать проблемы по мере их поступления?

Тоня схватила кота под лапки и приподняла, Оля взяла две жёлтые таблеточки из пакета и попыталась раскрыть пушистому челюсти. Сопrotивляется, не хочет глотать. Привередливый. Брыкается и лапами задними отбивается, ещё и царапается. Не объяснишь же, что ему болезнь ничего не делает, а сам он разносчик опасный. Сквозь боль и слёзы, вышло заставить его таблетки эти проглотить. Он же решил обидеться, как непослушный ребёнок, которого что-то делать заставили. Исподлобья глазёнышами своими наблюдает за хозяйками и хвостом машет. Посидел так минут десять, а потом сам на ручки попросился.

Снова стальные створки. Юрьевич на вахте вновь возмущался, но как-то по-доброму.

— Снова документы заполнять... Чего вам всё не сидится? Ещё и мусор всякий таскаете с собой.

— А это не мусор! — возмутилась Тоня, — Это кот!

Тощее пузо, уши на макушке, чуть согнутые свисающие задние лапы, а передние вперёд вытянуты.

— Самый настоящий, живой и сильный!

— Сильный, вижу. Как бы он у нас всю живность не пожрал с голодухи.

Вновь сладковатый дымок, карантинная, снова коридоры, запертые двери. Вот только стало тут гораздо тише. Эхо. И откуда тут эти рисунки мелком и карандашами?

— Любуетесь? — Каменёв стоял в конце коридора.

— Ага. А это что? — спрашивала Тоня.

— Вам Лена не рассказала?

— Нет.

— Этот коридор — наш памятник. Аллея мечтаний. Рисунок каждого ребёнка, что был здесь. Людям всегда требовалось искусство — в нём заключаются память и переживания, но сейчас у нас нет на это времени. И если так, то пускай хотя бы дети выразят себя. Если хотите, можете сами нарисовать что-то.

— У вас и карандаши есть?

— Обязательно найдём! Ещё, я смотрю, ваш друг не боится совсем?

Кишка спал. Может, по кошачьей привычке, а может, лекарство так подействовало.

— Ага, он у нас храбрый, да, Оля?

— Ага.

— Идите-ка вы спать, совсем умаялись, и кота к себе забирайте. Мы вам дадим всё нужное. Попрошу ещё мужиков и Лену осмотреть танк ваш.

— А разве можно просто так? — смутилась Тоня.

— Разберёмся, не волнуйся.

Крохотная комната. Две кушетки с полным комплектом чистого постельного белья. Тумбочка деревянная, стула два, лампочка белым светит, интересная такая, как пружинка выглядит, а ещё два листка бумаги и карандаши. Простой, красный, жёлтый, чёрный и зелёный. Графин с водой, да два стакана.

— Аскетично, — резюмировала Тоня. — Чего рисовать будешь? Я вот танк, да и цвета нужные есть.

Оля молчала. Сидела на кушетке, уставившись на графин с водой.

Спокойная, как маленький кусочек озера. И лампочка, как набережный фонарь ночью. Вроде что-то за дверью шумит, а на поверхности волн совсем нет. Забавно, вода, если нужно, такую форму примет или такую или совсем другую. Ей без разницы. И видно её насквозь, никаких секретов за душой. Глупо, души у неё и нет, откуда секретам браться? А человеку разве без души, без характера, без идеи можно? Нет, не хочу я потом сама с ботинком в черепашке лежать, совсем не хочу. И в земле лежать по глупости совсем не хочу.

— Кишку нарисую. Видишь, всё спит и спит.

— А ты умеешь?

— Умею немного.

И снова ночь. Только за дверью продолжали гудеть лампы, освещая коридоры. Редко слышались глухие шаги, а теперь вот что-то волокни по полу. Двадцать четыре часа в сутки тут что-то происходило, то быстрее, то медленнее, но никогда не останавливалось. Все в работе. Зато Тоня посапывала, в снах её теперь ничего не тревожило. Но не Олю.

Для чего они тут, на что надеются? На что-то хорошее? Всегда же становилось лучше, может через год, пять, десять, но становилось же. Да? Каждый тут потерял родных и теряет, как было и раньше. В сути ничем городок не отличается от других, всего-то технические мелочи в виде отсутствия солнечного света, присутствия обогащённого урана и картофельные посадки под боком. Значит, наверное, живут они, чтобы найти что-то. А пока не нашли, остаётся только выживать. И делают они, что должно, что сейчас надо, без загадываний в далёкое будущее? И каждый каждому друг, товарищ и брат. И каждый остаётся человеком, даже со своими тараканами в голове. Что это за такой коммунизм в отдельно взятом бункере? Может, тут тогда остаться? Нет! Прав Каменёв — нам тут не место. Скиснем, стухнем.

Тягучий сон, будто кисель, чёрный. Руки потеют и дыхание беспокойное, но не проснуться. А кисель густеет, становится как смола и тело обволакивать начинает, как бетон, и затвердевает, не давая двинуться. А потом — раз! И нету. Рассыпался, как песок. Полная свобода, но она таковой не чувствуется. Будто, махая со всей силой руками в киселе, ты делал что-то, боролся, но стоило свободе появиться, как она вдруг потеряла всякий смысл. По крайней мере мысли обмякли, приняли приятную форму — без угловатостей и иголок.

Удивительно, тут и правду был будильник. Трезвонит. На восемь утра поставленный. Пронзительный, мерзкий и громкий — хороший будильник. Вот только охота взять чего-нибудь тяжёлого и разбить его вдребезги.

Девчонки проснулись, захватили вещи и рисунки. Городок с утра был оживлённым. Все были сильно увлечены новым утром и новыми делами. Маленькие дети по коридорам носятся и на девочек совсем внимания не обращают. Тоня пыталась заговорить с одним пареньком, но тот учтиво ответил: — «Мама сказала, с незнакомыми не общаться, а я вас не знаю, до свиданья». И убежал. Некоторые взрослые в отведённых кабинетах учат ребятню, кто-то в библиотеке читает, парни молодые спортом занимаются, тяжести тягают, но большая часть, конечно, занята бытовыми делами и выращиванием всяческих культур. Все ненесущие стены выбили, поставили грядку поближе, над ними лампы мощные висят. Кто-то ходит и в блокнотик что-то записывает, другие прополют грядку, закинут порошок какой-то буроватый, опять прополют, другие поливают. В дальнем углу ругался сантехник, в попытках нацепить резиновую прокладку на кран для полива. Электрик в каморке перебирал какие-то маленькие штучки синего цвета, цилиндрические, диод паяльный достал. Оля бестактно сверлила взглядом каждого встречного. Вдруг опомнилась, похлопала ресницами и повеселела.

Петр Андреевич был в кабинете, где обсуждал что-то с Леной, когда заметил Тоню и Олю.

— Проснулись. Вы покушали?

— Не хотим! — сказали девочки в унисон.

— Дело ваше, сейчас соберём всё нужное и даже больше. Лена, показывай!

Лена выставила на стол громадный ящик: — Дети, смотрите. Все вместе, с парнями моими, мы пойдём танк ваш осматривать — подкрутить, закрутить, поменять. Вот это вот всё. Пойдёте вы в старом снаряжении, чтобы лишних вопросов не было, и себе его оставите. Но! Оно хоть и старое, а всё ещё отличное. Не вам, так ещё кому службу сослужит. Нигде больше такого не производили, не смейте потерять!

Лестница. Квартал. Коридор.

Вот она — Аллея Мечтаний. Пётр Андреевич взял в руки два рисунка. Первый кривой косою, пропорции не соблюдены, да и пушка у танка совсем по-другому выглядит и солнце огромное. Но всё цветастое, искреннее. А второй аккуратный. Штриховка, тени. Котик выглядит, как живой, шерстка, коготки. Спит, уткнувши мордочку в лапки, но чёрный совсем, будто зарисовка от нечего делать на полях тетради. Висели эти два рисунка в окружении ещё трёх сотен таких же, и у каждого есть история, и у этих двух тоже есть теперь и останется тут навсегда.

Юрьевич был немногословен в этот раз, только вслед по динамику сказал: — Доброго пути.

Ремонтная бригада вышла на поверхность. Дышать в костюме сложно, но можно, и Кишка активизировался, с интересом разглядывая существ, а на деле людей в странных нелепых костюмах. Инопланетяне прямо-таки!

Около танка был гул:

— Масло нужно заменить!

— Вот тут прокладка исхудала!

— Тут один насос протекать стал!

Всего по мелочи.

Два часа прошло, и бригада управилась, тогда Лена отправила подчинённых обратно, но сама задержалась.

— Девчонки, езжайте обратно — ничего хорошего в нашей стороне уже нет. Езжайте к Байкалу, пока не поздно, как вам Пётр Андреевич и сказал, обязательно езжайте.

— Тётя Лена подожди! Давайте сфотографируемся!

— У вас камера есть?

— Конечно! Вставайте тут, я сейчас настрою всё, меня Оля научила.

Неотёсанный кусок металла выдвинул объектив, пошумел чуток. Цыкнул раз, цыкнул два. В середине Оля и Тоня с Кишкой на ручках, справа Лена, слева Каменёв. Широкая площадь и позади огромный Дворец Советов. Все в чёрно-оранжевых спецкостюмах. Одно фото держала Лена, другое попало в беленький конвертик, к трём десяткам других.

Лена поблагодарила, приобняла Тоню, пошуршала ладонью по кошачьей макушке и ушла.

Каменёв с тоской смотрел ей вслед и горько вздохнул.

— Удачи вам. Главное — не теряйте ориентир и никогда не теряйте друг друга. Надеюсь, это не последняя наша встреча, хотя я уже порядком устал, — Каменёв повернулся к девчонкам, протянул Оле руку.

Рукопожатие. Честное и сильное. Такая тривиальная формальность, а кажется, что Каменёв вложил в него всего себя. Девчонки забрались в танк. Вновь такое успокаивающее тархтение. На площади, через многочисленные трещины пробивалась весенняя трава, которую без толики стеснения давили траки трёхтонного агрегата.

— Берегите! Берегите себя! Главное помните, что все мы люди! Помните это! — кричал Пётр Андреевич вслед.

Оля не обернулась, как и тогда. Нет, она не волновалась, скорее задумалась. Ей хотелось отложить всё произошедшее в дальний ящик, не обращать пока внимания. Только Тоня помахала на прощание, забыв уже, почему делала это впервые. Девчонки покинули Москву.

Прости меня, что я молчу,

И не прими то за тоску.

Я вижу, но не выношу

Всех чувств немую чехарду,

Что с лиц сгоняет доброту.

Глава 11 Творчество

Весна, апрель. Спокойно и свободно на душе. Тихо. Ничего не действует на нервы. Пашни и поля, давно брошенные человеком, поросли мелкими кустарниками и деревцами, только единицы сумели сохранить зёрнышки особо плодовых сельхоз культур. Пробивались новые колоски, затрачивая много сил, но уверенно. Делали они это по известной только им причине. Вроде и выращивали их для определённой цели, а теперь и не собирает никто, получается, что растут они неясно зачем.

Завывания степного ветра. Оля тщетно пыталась отдалиться этому свободолобивому чувству простоты и естественности, но, к несчастью, а может, наоборот, не могла вынести из головы назойливых мыслей. И если ушедшие переживания были чем-то крайне насущным, важным и волнующим, то сейчас это был какой-то пресный битум на языке. Оно и не нужно совсем, но заняться больше нечем, вот он и жуётся, и жуётся, от скуки или по привычке. Ещё и тело всё скулило, так устало оно от твёрдого сиденья.

— Тоня, ты петь умеешь?

— Странно, что ты только сейчас спрашиваешь, а что?

— Напой чего-нибудь.

— Что, например?

— Что помнишь, а я подхвачу.

— Может, стих лучше? Ты же брала книжку.

Точно, была такая. Больше двух месяцев прошло. Сборничек этот так спокойно в кармане лежал и не отвлекал, что Оля о нём забыла совсем.

— Стих не то. Как там подпоёшь? Вот тогда сама вспомню чего-нибудь, — машинально Оля загнула 57й. — Враги сожгли родную хату?

— Да ну. Это стих, так ещё и грустный. Не хочу такое петь.

— Надежда?

Популярная песня. И в фильмах, и на эстраде, и в мультике была. Ещё её космонавты очень любили. Только вот почему Оле вдруг так захотелось песню, понять Тоня не понимала. Да и сестра уже сама напевала мотив себе под нос, в такт мелодии покачивая головой из стороны в сторону.

Что же с ней происходит? Спокойнее стала. Но не как раньше. Вроде и лучше, но порой совсем опустошённой выглядит. Песня теперь. Совершенно не пойму, что после всего этого творится в её голове.

— Оль.

— Что?

— Тебе не кажется, что ты изменилась?

— Ага. Всё так проще стало сейчас. Ты посмотри! Светло. Тепло. Не нужно теперь думать о ночлеге каждый день. Да и еду теперь найти проще. Глупо было уезжать от Миши в конце осени.

— Я о другом...

— О чём? — сказала Оля непринуждённо.

— Ты странной стала.

— Странной?

— Вроде и весёлая, а я же вижу, что тебе грустно.

— И ничего не грустная. Может, чуть уставшая.

— Я знаю тебя, когда ты уставшая.

— Знаю, что знаешь, но чего ты хочешь от меня услышать?

— Ничего. Просто ты столько волнуешься обо мне, а я никому, даже тебе помочь не могу.

— Ничего подобного, всё ты можешь. Не забивай голову. Это так, глупости всякие. Пойдём лучше прогуляемся.

— Непокойно мне, — прошептала Тоня.

— Ты где там?

Поле. Одно из тех, что не стало пустырём или лесом. Почти созревшие колосья, как и желала того Оля всю зиму, колыхались волнами под лёгким ветром, не претендуя ни на красоту, ни на вычурность, ни на поэтичность. Ничего необычного, прекрасного, захватывающего дух в том не было, но была простота и невесомость в этих движениях, которые были грубо прерваны. Оля плюхнулась на землю, подмяв под себя охапку ржи. Тоня вразвалочку, как медведь, бежала к ней, пробиваясь сквозь плотные ряды стеблей, стоявших, как солдатики на передовой. За высоченными колосьями Олю было почти не видно. Греет, будто ещё и не весна вовсе, а июнь уже. В старой тёплой кофте можно было свариться, потому Тоня расхаживала в подаренной Николаем форме. Отлично сидит, только рубашка через-чур свободная в груди, а вот юбка в самый раз.

— Тоня, а вот ты знаешь, как хлеб готовят?

— Ну, тесто в духовку ставят, ждут, оно там запекается и всё.

— Не-т. Сначала ждут, пока созреет всё. Потом собирают. Сортируют, убирая нехорошие колосья, больные спорыньей, например. Затем нужно перемолоть это всё в муку. Ещё воду добавить, дрожжей где-то достать. Заготовить это самое тесто, подождать пока поднимется. И уже в конце это запекается в больших печах, если партиями делают. Хотя, я думаю, мы и сами могли бы сейчас хлеб сделать.

Тоня присела. Колосья были на столько высокими, что и её бы сейчас с дороги никто не увидел.

— Это-то понятно, но как нам без печи хлеб приготовить?

— А вот у нас есть же пустые банки из-под консерв и котелок?

— Угу.

— Тогда нужно тесто приготовить, потом его в чистые банки сунуть, прикрыть это всё котелком и снаружи, вокруг последнего, костёр развести. Вот и получится духовка настоящая.

— И хлеб получится?

— Ага, правда на одной муке с водой, но так даже интересней. Никогда такого не ела.

— Но рожь-то не выросла полностью. Весна ещё, а она в июне только созреет.

— А вот сейчас и узнаем, — Оля схватила охапку колосков и принялась осматривать их на наличие всяческой грязи. Чистые, что удивительно, — Интересно, есть ли речка поблизости?

— Так ты правда собралась хлеб готовить?

— Ага. У тебя никогда не появлялось желания просто взять и. И прям. И сделать что-то такое, вот чтобы прям сделать, и всё?

Тоня нежно улыбнулась: — Не всё же мне капризничать, давай приготовим!

Девчонки набрали в мешок большую охапку колосьев, тяжеленную, определённо

килограммов пять. Все жирнющие, красивые, пышные, точно половину поля в их поиске обчистили. Вот прошло минут пятнадцать, небольшая лесопосадка, через которую и проходил ручеёк. Тоненький, неглубокий, но шустрый. Там же были и всяческие сухие обломившиеся веточки, и прошлогодние ещё шишки. Коричневые, створки свои растопырили так, что на дикобразов были похожи.

Кишка выпрыгнул наружу, проснувшись от шума пробегающего ручья. Побрёл к нему и стал принюхиваться. Туда головой мотнёт, тут понюхает, там прислушается, под большой лист лопуха заглянет и всё что-то да ищет, как и тогда искал. Вот вроде он остепенился и принялся воду лакать.

— Чего дальше делать будем? — вопрошала Тоня.

— Да думаю вот, прямо тут и будем резать, чего время тратить, — Оля расположила всё нужное на корпусе 57го, — Смотри, стебли мы для розжига оставим, они горят хорошо. А вот эту всю кучу. Зёрна в общем. Их надо от шелухи отделить.

Оля, увлечённая процессом, почти не обращала на сестру внимания, видно очень уж хотела показать ей, что не только винтовкой с лопатой орудовать способна. Вспоминала ту характеристику, и может, хотела доказать самой себе, что хороших черт не растеряла. А Тоня только радовалась, глядевши на Олю и кое-что несомненно понимая.

Может, людям стоило чаще делать что-то самим? Не полагаться на других, на разные соревнования, на обещания? Может, стоило перестать всем нагружать голову бесполезными тревогами, способными только разжижать мозг, а оценивать свои знания и умения? Какие же мы всё-таки странные. Люди. Хотя, вдруг нас это и сгубило? Неужели много кто стал много думать, перед тем как мало чего сделать? И что тогда? Даже не знаю, глупо, наверное, делить что-то на чёрное и белое, но так гораздо проще. Значит, самое простое — не самое правильное? Но глупое и простое же не одно и то же. Простое может быть понятным! Значит, чем сложнее вопрос, тем ответ должен быть не проще, а понятнее! Оставлять меньше вопросов, а не задавать другие.

Банка, что больше прочих, из-под консервированных персиков, превратилась шилом в импровизированное ситечко. В него отправилась первая партия ржаных зёрен с шелухой. Оля начала это просеивать над большим походным котелком. Зёрна созревшие, но может, чуть меньше, чем нужно. Однако вкусовые изыски дело последнее, тут принцип нужно понять. Вторая партия, за ней ещё одна и так ещё более десятка раз. Тоня и сама загорелась идеей, смотря на сестру, работавшую с энтузиазмом.

— А теперь нужно это как-то в муку превратить? — Тоня смотрела в котелок, который заполнился зёрнами на треть, — Может, в деревню ближайшую заехать? Там-то мы точно мясорубку или тёрку найдём.

— Жёрнов надо. Крутишь, зёрна подсыпашь, и мука получается.

— Но сами мы тут ничего не сделаем. Пойдём! И вообще, зачем нам ручей был нужен?

— Чуть не забыла! Воды-то всё равно набрать надо, потом вскипятим.

Ещё одна деревушка, почти нетронутая, Воздвиженка называется. Название по уровню индивидуальности своей сравни Энску. Такое же безликое. Одно отличие: Энск — вымышленный, собирательный образ, а Воздвиженок так много по территории страны, что какая именно — совсем неясно. Это были поселения рабочих, которые, например, город строили или предприятие совсем неподалёку, а раз деревушка уже есть, так чего её бросать, тем более если город рядом. Но эта Воздвиженка была достаточно большая. Раз домик, два домик и ещё сотня, ещё участки и сады. Маленькое здание ЖЭКа и ещё административное

здание, сгнившее полностью. Мельниц здесь не найдёшь, как и допотопный жернов. Оставалось надеяться на удачу и кофемолку. А то целая деревня и ни одной нет! Поселение чаехлёбов — никак иначе.

И снова школа. Проще, чем прочие, целая.

— А что кофемолке тут делать? — спросила Тоня.

— В учительской точно должна быть. Учителя — это люди идейные. Работают много, а спят мало. У меня в школе каждый второй кофе пил. Каждая. Мужчиной только учитель труда был.

Дверь нараспашку. Помятые диванчики, пустой аквариум, газеты какие-то на стенах, грамоты развешаны. На столе глобус, кружки две, компьютер с погнутой крышкой, и вот она! Которую столько искали. Кофемолка. Ручная, пыльная, большая. Вот прям идеальная! Оля схватила ручку, провернула. Туго идёт. Нужно масло или смазка для механизма, затупившегося под гнётом лет, точно найдутся. Оля, полностью удовлетворённая поиском, радостно пошагала обратно. Теперь можно всё сделать без проблем.

Девчонки отъехали на окраину деревни, где, судя по всему, тёк тот самый ручеёк, а может, и другой. Их в этой местности очень много и все шустро уносятся вдаль. Оля взяла дефицитного машинного масла и капнула на парочку шестерней. Только она коснулась ручки, и лезвия для перемолки зашуршали в контейнере.

— А я помочь могу?

— Да, вскипяти воды пока что.

Зёрна перековывали на тент, теперь кастрюля заполнялась мукой. Тоня отправилась за хворостом, чтобы было чему гореть. Оля права была, стебли и правда хорошо разжигались. Стоило поджечь один, он моментально вспыхивал, перенося огонь на другие. Две палки на перехлёст слева, две справа. На них ещё одна длинная, а на ней котелок, наполненный водой из ручейка. Только кот всё сновался по углам, вновь что-то вынюхивая. Обдаёт жаром этот костёр не слабо. Котелок снизу уже покрылся чёрным нагаром.

— Скоро вскипит, ты закончила?

— Ага, почти, — Оля всё крутила и крутила ручку, пока из кофемолки снизу летела желтовато-коричневая мука, — Посмотри в доме, может у них соль есть. А то наша закончилась, не успев появиться.

А вот и соль. В пакете, даже не открытая.

— Теперь лучше подождать, чтобы вода тёплой стала. Нужно ещё большую часть по бутылкам разлить, нам её столько не нужно.

Тоня с тряпками в руках ухватилась за котелок, пока Оля придерживала двухлитровую бутылку с воронкой.

— Оля.

— Лей давай. Нам ещё тесто месить.

— Оля!

— Чего?

— Ты в каком классе была? Я шестой заканчивала.

— Десятый. Меня даже выбрали на последнем звонке первоклашку вести с колокольчиком. Сказали, выгляжу я взросло, как выпускник. Даже обидно было.

— Почему обидно? Хорошо же.

— Да будто хочется раньше времени взрослеть. Я и учиться не любила. Наверное.

— В смысле, наверное?

— Неважно.

Девчонки залили бутылку до краёв, Оля схватилась за кастрюлю, с мукой в ней.

— Оля.

— М?

— Помнишь, когда мы на турбазе были?

— Помню.

— А помнишь, о чём говорили? — Тоня аккуратно вылила оставшуюся воду в кастрюлю с мукой.

— Ну, помню, а что?

— Да так. А почему учиться не любила?

— Скучно. Надо было, вот и училась. Не трогали меня все эти теоремы и законы, карты эти контурные. Зря, что не трогали.

— А сейчас тебе не скучно?

Оля разминала сформировавшийся комочек теста.

— Нет. Сейчас не скучно.

— Понятно...

Тоня подменила уставшую Олю, которая уселась рядом, разминая кисти рук.

— А знаешь, мне очень колокольчики эти нравились, праздничные, с красной ленточкой. Кстати, чего ты в галстуке ходишь, удобно?

— Ага, тебе нравится? Я вот их всегда любила, дают какое-то чувство сопричастности.

— Это точно, тебе идёт, — Оля вновь погрузилась в мысли ненадолго, — У колокольчиков звук чистый был и звонкие такие. Забавные мелодии всегда получались. Найти бы такой, а, Тонь? Хотя, зачем, и так хлама полно.

К девчонкам шёл Кишка, держа что-то маленькое и блестящее в зубах.

Тоня заметила его первой: — А что это у него?

— На украшение похоже, блестит... Подожди, да это и есть колокольчик! Маленький и ржавый.

Кишка открыл пасть, около Оли с тоненьким голоском колокольчик упал на землю.

— Слушай, ты точно кот?

— Мяу.

— Ага, жаль хлеба не ешь.

Ржавчина въелась в побрякушку очень глубоко, отчего звук удара язычка о стенки попортился, однако Оля не сильно придавала этому значения, легонька помахивая и звеня ею.

Тоня с усердием мяла тесто. Без дрожжей, на одной лишь воде, муке и соли, оно было по приятному тёплым и мягким, как слишком жидкий пластилин, держало форму и даже хорошо пахло — по-домашнему. Юный кулинар устремил взор куда-то вдаль.

— Оля, а если хлеб всему голова, то что? Долго же люди занимались собирательством и охотой, боялись друг друга. Может дружить вера или религия мешала? Или цвет кожи или язык, на котором говорили. Может, кушали разное? Но ведь всем кушать хочется, и каждый жить хочет, и дом хочет каждый. И главное, конец у всех один, значит, и боимся мы все одного, зачем враждовать так было?

— Ну, всему своё время. Если всё так было, значит, должно было так быть. События текут друг за другом не просто так, у всего есть причины и у всего есть следствия. Это мы сейчас умные такие.

— Это да, но всё же. В чём смысл? На истории говорили, что хлеб давно придумали, пятнадцать тысяч лет назад. И всегда хлеба можно было сделать много, просто и даже дёшево, особенно сейчас. Разве что грызуны могли запасы попортить, но котов же не просто так приручили?

— Ага, мы тоже приручили, так он и не охотится даже, только запасы проедает. А хлеб делают из совершенно разных злаков, а в Африке вообще из листьев банана, из льна можно, маком посыпать, подольше печь, меньше воды, может, больше, с солью или без.

— А основа получается всегда одинаковая.

— Угу. Вода и мука. Хотя и вода везде разная, чище или мягче, а мука и говорить не приходится.

— Но цель-то у любого совершенно — накормить. И любой такой, лучше или хуже, с этим справлялся. И всё же, почему всему голова... В смысле, на голодный желудок не думается?

— Может. Я не задумывалась.

— Вот смотри, например, культуры разные, и веры, и обычаи, и традиции были сделаны людьми и для людей. А хлеб не боятся, а вот их порой даже очень! Странно и даже вредно, если так подумать. Разные категории, да, но создаётся же всё человеком. Да, дикари есть и каннибалы страшные, но это же уровень развития. Говорили, что людей нужно подталкивать вливаться в общественный поток! Наверное, и с ними можно было так сделать. А самое интересное, что дикари как раз и занимаются охотой и собирательством, потому хлеб произвести дело долгое.

— Правильно говоришь, на одном месте нужно обосноваться, товарищей по делу завести, вспахать поле, удобрить, засеять, поливать, ждать, а потом собирать это. И так по кругу. Желательно ещё, чтобы никто ночью тебя не съел.

— В таком круговороте точно начинаешь забывать, что кто-то там говорил по-другому, разрез глаз у него другой. Со временем, конечно, но чем дело сложнее, чем больших связей между людьми разными оно требует, тем меньше начинаешь цепляться за всякие мелочи. Целая страна, огромная, даже не одна она потребовалась, чтобы человека в космос отправить! Деревня бы, даже город, да даже область одна или республика такого точно бы не сделала!

— Да, пожалуй.

— А если так, значит слово Человек пишется с большой буквы!

— Ты прямо-таки оратор, я смотрю.

— Да ну тебя. Это же именно Человек думает, творит и создаёт новое. Может, меньше или больше, какая разница? Это делает Человек исходя из своего опыта, своих возможностей, воспитания и окружения. Да! Есть плохие люди! Всегда были и будут! Нельзя никогда было отрицать, что Человек и ошибаться способен и заблуждаться, хотя это его от ответственности не избавляет. Мы хоть на деле непохожи все, а в корне одинаковы и равны. Мы же с тобой очень разные, а дружим!

Оля рассмеялась: — Не поспоришь.

— Значит, любая жизнь одинаково ценна! И ставить свою выше прочей нельзя, вот о чём говорил Пётр Андреевич.

— А животные?

— А я о людях говорю!

— Ладно-ладно.

— И маньяк тот, таких людей же меньше становилось, и мир делался лучше. Но значит, те, кто так не считал, что мы равны, решили всё вместо нас?

— Да, погибли многие, потому что такие люди завладели властью, что помогла им воплотить в жизнь многие страшные вещи.

— Ты же об этом и говорила! Что оружие может попасть к плохим людям.

Оля тоскливо вздохнула. Посматривала на сестричку, которая уже минут десять, задумавшись, продолжала это бедное тесто мять, и мять, и мять, и мять. И всё ещё мнёт. Скоро уже вымнет чугуны наружу. Такое забавное личико у Тони становится, когда она задумывается очень сильно, а такой её очень редко застать можно. Губки бантиком, и бровки нахмурила, и головой чуток покачивает, себе поддакивая.

— Тоня, ты не уснула?

— А? Нет, а что? Всё, да? Так, наверное, баночки нужны теперь, да? А, ты, принеси, пожалуйста...

— Хе-хе, да-а. И кто после этого из нас странный? Сейчас принесу.

— Я, вообще-то за, тебя беспокоюсь.

— Говорю тебе. Всё. В по-ряд-ке! Я же не маленькая.

— Не могу я так. Может, мне... Может, стыдно мне, в конце концов, что никак тебе не помогаю.

— Ты мне очень помогла, правда, не мучайся по пустякам.

— Ну, ладно...

— Пусть настоится немного, хоть полчаса, только накрой его. Во, тряпкой плотной.

Оля уселась на траки, посматривая на чистенький ручеёк. Маленькие камушки на дне поблёскивали на солнце, рядом росла странного вида трава. Вихрями такими стебли и вместо одиноких цветочков на верхушке много маленьких, как гроздьё рябины. Даже жук один ползёт, с чёрным панцирем, не жук-носорог, конечно, но тоже красивый. Чем-то на капельку нефти похож. Тут уже и Оля задумалась.

Свободных полчаса? А чем можно заняться на полчаса? Отдохнуть? Никогда не любила такие перерывы между делом. И начинать сейчас что-то дельное глупо и отвлекает на середине. Даже вышить нечего. Ещё и Тоня нервничает, волнуется обо мне. А может...

Из кармана осторожно показался сборничек со стихами, преподнося оглавление.

— Тонь, а Тонь. Хочешь стих?

— Хочу.

— А сочинять ты их умеешь?

— Не-а, не пробовала даже.

— Многое упустила. Я вот сочиняла немного.

— Да? Какие?

— Ой, думала почитать, но давай вспомню парочку...

Оля прикрыла сборник, подняла чуть голову, закрыла глаза, вдохнула полную грудь лёгкого весеннего воздуха, наполненного благоуханием рано цветущей пышной сирени.

«А радость в маленькой надежде,
В принятии добра и зла,
Когда меняешь мир, как хочешь,
А он меняет вслед тебя!

Прими ошибку за возможность,
Смирись с бессмыслием бытия,
Начни смотреть на мир ты проще,
Не думай только про себя!

Ты можешь посчитать всё глупым,
Людей ты можешь невзлюбить.
И будешь ты по-своему правым,
Но всё же, будет сложно жить.

Пускай, мы в большинстве наивны,
Мы знаем мало про себя,
Но что тогда нам помешает,
Понять друг друга, а, друзья?»

Теперь, после истории о каких-то экспериментах, смерти, вакцине, такой стих только раздражал. Был слишком наивным и приласканным, но Тоня так звонко хлопала в ладоши, что Оля непременно засмушалась до румян на щёчках.

— Да ладно тебе, не так уж и хорошо.

— Нет, мне очень понравилось! Добрый, но грустный немного, значит, точно твой. А ещё помнишь?

Оля облокотилась о борт и беззвучно шевелила губами, в попытке вспомнить. Чуть подёрнувши плечами, выпрямившись, она начала.

«Портвейн, попробовав хоть раз,
Винтовку выставь напоказ.
И жизни той гомеостаз
Давно всем нам уж не указ.

Ржавеет мир, весь в бурых красках.
Забыв всё горе в сладких ласках,
Набили шишек мы, хоть в касках,
Да не живём мы с вами в сказках.

Стекая, капли бьют щебёнку.
Не ставь под руку свою щёку,
Не дай ты победить упрёку,
И дай свободу монологу!
Как можно в жизни думать ясно,
Коль ложь в глазах и всё негласно?
Терять надежду ежечасно -
Не столь опасно, чем жить праздно.

Кричи, что силы есть! Молчи,
Покуда слаб — не омрачи,

Не потеряй лица! Звучи!
Покуда живы палачи.

И гулкий звон разбитых улиц,
И едкий запах сгнивших куриц,
И стихший грохот старых кузниц,
Мне близки чувства сих попутчиц!

Угроза боли? Не смей!
Лишь за руку меня возьми.
И пусть, пустые стеллажи,
Крупицу счастья одолжи!»

Тоня тихонько сидела в этот раз, замечая на лице у сестры чуть пристыжённую гордость, которую та определённо не хотела показывать.

— А как ты стихи эти писала?

— По наитию, наверное. Ничего из этого же я не видела. Тогда. Так что и звучат эти строки как-то глупо, наигранно, что ли.

— Нет, совсем нет! Мне очень нравится. Главное — это чувство и эмоцию передать! А какими именно средствами — дело десятое. Разве нет? Искусство же появилось, как попытка... Хм, думаю, как попытка художественно преобразить в материальный мир душевные переживания! Хотя, заумно звучит, — Тоня постукивала себя пальчиком по щеке.

— Как попытка самореализации через творчество.

— Коротко, конечно, но так тоже можно. Да и тем более, сама же понимаешь.

— Вот именно. Толку только. И вообще, тесто уже настоялось.

Девчонки покрыли две жестяных тары изнутри подсолнечным маслом. Уляпавшись руками в тесте, они наполнили каждую из баночек почти полностью, поставили на один большой плоский камень и накрыли это всё котелком. Его хватило впритык, хорошо, что был достаточно большой. И вроде всё готово, осталось только разжечь огонь. Можно было совершенно не волноваться о копоти, дыме и запахе, так как тесто поднималось внутри, а костёр-то снаружи, значит и сделать его можно побольше да пообъемнее, чтобы испеклось всё и быстрее, и лучше, и равномернее, и, хотелось надеется, вкуснее.

Оля обложила котелок по кругу сухой травой, вокруг неё ещё камушки, чтобы пожара не случилось, а то, кто его потом тушить будет? Захрустели ветки, посыпались на тот же котелок в кучу. Пара ловких движений и разгорелся огонь. Языки пламени обхватывали чугун со всех сторон, горячий воздух устремился ввысь, искажая картинку в глазах, да так, что казалось дерево поодаль начало танцевать.

— И сколько хлеб будет готовиться? — спросила Тоня.

— Минут сорок, с таким пламенем может и меньше.

— Понятненько. А ещё стихи помнишь?

— Тебе правда так понравилось?

Тоня утвердительно кивнула. Позади у неё была косичка, которую за это время Оля научилась плести почти идеально. Сядешь так, разделишь пышные длинные волосы на три пучка: левый, средний и правый, а потом начинаешь, собственно говоря, плести. Правый в середину между другими, потом самый левый, и снова самый правый и так вот до победного конца. Потом на два прокручивания надеваешь резинку на волосы и коса готова. Самая

обычная, без изысков, но оттого выглядит приятнее и естественнее.

— Не знаю даже. Можно на ходу придумать пару строк, — сказала Оля.

— Муха села на варенье — вот и всё стихотворенье?

— Ха-ха, да, что-то вроде такого.

— Шуршат траки по земле — рыбы плавают в ручье!

— Нет, тут идея теряется, такие стихотворения ради шутки делаются или белым стихом, а у тебя просто две строчки в рифму. Бежал мужик — устал, бетон — лицом упал на поролон. Вот так надо.

— Ага, понимаю. Тогда... Солнце улетело ввысь — на шариках сбегает рысь.

— Угу, вроде такого. Сюжет нужен.

— Но всё-таки, ты ещё помнишь стихи?

— Дай расположусь, а то вдохновение не находит.

— А вдохновение тут при чём?

— Новый напишу! Не хочу ниточку терять.

— Тогда и мне листок дай, тоже напишу что-нибудь.

Знойным днём танк успел порядком нагреться, и если сидеть на нём было тепло, то вот касаться кожей чревато. Не ожог, понятное дело, но больно. Оля и так сядет, и так расположится, и ещё извернётся, и всё не то. И неудобно, и больно. Пришлось лезть за куском ткани, торопиться всё равно некуда.

Наконец, всё же усевшись поудобнее, она взялась за карандаш. По другую сторону от орудия уселась и Тоня, тоже с листком в руках. Лица их сменяли эмоции каждую минуту, то задумчивые, то задорные, а вот чуть понурые стали, но работа шла крайне оживлённо. Время шло. Девчонки то перечёркивали строки, то писали снова точно те же, туда абзац, сюда абзац. Запятую вот для красоты вставят, дефис, точечку. Пунктуация — штука важная, но раздражающая. Обычно ставишь эти запятые по памяти, а сейчас хочется правильно, с чувством главное!

— Чего, закончила? — Оля мельком глянула, чего же там Тоня написала.

— Не подглядывай! Я к тебе не подглядываю.

— А я ещё и не закончила.

— Дописывай тогда.

— Я вот тебе уже рассказывала, твои хочу услышать. Стихи рассказывать, знаешь, немного смущает...

— Меня вот нет, поэтому возьму и расскажу! — Тоня встала, выпрямилась. Читала с листка громко и чётко.

«Не часто видела я злобу,
Но крови не боюсь совсем!
Нам стоит поболтать о чувствах,
Пока гниль плод не поспел!

Нам удаётся видеть счастье,
И даже там, где пепел есть!
Наш друг железный очень чуток
И не приемлет ложь и месть.

Нас защищают сталь и радость,
Но стоит их предать, как тут
Проснутся горесть и страданья.
Наперекор воткну в них прут!

Быть может, не сильны сейчас мы
И многое забыли в миг,
Но время всё излечит точно!
И пусть, что мир наш многолик.

И даже времена скитаний
Не смогут впредь нас разлучить!
Хочу от мира я немного —
Твою улыбку получить!»

— И не стыдно тебе? — шутливо возразила Оля, смущаясь всё больше.

— Нет, не стыдно! Нечего тут нос в воду опускать, даже если и виду не показываешь.

— Не буду. А стих хороший, красивый. Простенький, конечно, но на первый раз очень даже.

— Свой тогда расскажи.

— Не могу я так, он... Больно сентиментальный получился.

— Тогда дай мне, сама прочту.

— Ладно уж, держи. Только не читай вслух, а то я сварюсь тут со стыда.

— И ничего не сварись, хорошо получилось, я уверена.

Холодный пот окутал веки.
Мы шли по лестнице с тобой,
Оставшись вместе тут на веки.
Прогнивший мир стоял горой.

Металла скрип, гул механизмов,
И в вечности протяжный стон.
Мы будто сводка историзмов —
Протяжно красим моветон.

Мы потеряли, что нам близко,
Мы потеряли нужных нам.
И потеряв свет обелиска —
Мы потеряли счёт ночам.

Но заходя в ночную глушь,
Схватимся за руки с тобой -
Не разлучит и сотня стуж,
Не победит нас смерти вой!

И только делая шаги
Навстречу праведному счастью,
Понять мы сможем вопреки,
Что сделать сможем мы ненастью!

Наш крик сердец — разящий вопль!
Тепло обоих наших тел!
Но холод, в вечности живущий,
Рвёт души, словно огнестрел.

Но пусть ревёт и пусть рычит!
Мы предстоящий встретим бой,
И будет враг наш в прах разбит!
Мы выведем сознаний гной!

— Молчи, — сказала Оля и направилась к ручейку.

— Ты чего?

— Говорю же, сварюсь. И вообще, мешок захвати, может, испеклось уже.

Тоня свернула оба листочка на два раза и убрала в кармашек в юбке. Оля отложила уже догоревший валежник и осторожно сняла чугунный колпак, предварительно намотав на руки мешок толстым слоем. Как бы хотелось увидеть две пышные хлебные шапочки, будто кексы, но оттуда на девчонок глядели те же две жестяные пустые банки. Тесто поднялось самую малость, добравшись до края.

Оля постукала рукояткой ножа по баночке, из неё выпала немного нездорового, если так можно сказать в отношении хлеба, цвета булка. Но не подгоревшая, румяная чуток. И вторая булочка, точно такая же, как близняшка. Горяченные, с пылу с жару. Тоня, боясь носик свой обжечь, немного приблизилась к одной булочке и начала принюхиваться.

Оля приподняла брови: — Ну, чего?

— Эх, а тесто пахло лучше, — отстранившись от хлеба, ответила Тоня.

— Лучше? Да ну, смотри, даже приподнялось чуток, точно приготовилось!

— Попробуй, я же не говорю, что невкусно. Пахнет просто. Понимаешь. Не так.

— Не так у неё! Остыть должно сначала, тогда и попробую.

Вскипячённая вода, приняв незавидную судьбу, ждала участи, с серым видом поплёскиваясь в стакане и кружке с ромашкой, которые уже приготовила Тоня. Оля же принялась за свежее испечённое хлебобулочное изделие. Грудь выпячит, воздуха наберёт, щёки надует и начинает на булку эту интенсивно дуть, аж вена вспухла. Не удивительно, хлебу долго остывать, а попробовать плод собственного труда Оле уже было невтерпёж. Она жадно взялась за булку руками и чуть надломила её посередине. Мякиш рвался без энтузиазма, сильно плотный. Может, стоило сделать закваску. Оля знала, как её делать, просто это долго. Меньше муки, больше воды. Перемешиваешь, оставляешь на некоторое время в тёплом и тёмном месте, минимум на день. Начинается брожение. Потом добавляешь это всё в тесто, и на выходе получается пышный хлеб.

Тоня отломил крохотный кусочек и приложила к кончику языка: — Горчит немного. С сахаром, наверное, вкуснее бы было.

— Ага.

Оля была немногословной. Полностью доверившись самой себе она уверенно откусила немаленький кусок булки, начав пережёвывать.

— Ну что? Вкусно?

Набитым ртом: — А ты, попробуй, ничего так получился.

Вдруг для себя Оля почувствовала рвотный позыв, но подавила его.

Вкусный? Не очень-то и вкусный. Горчит и не слабо, но хоть соль спасет немного. Может зёрна сильно недозрелые или сорт такой, испортился от радиации. А почему вкусный? Всё равно ещё хочется. Может быть, потому что сама приготовила? Если так, потому что правда нравится или сама себя утешаю? Сейчас ещё и Тоня попробует, вот, уже в рот тянет. Она-то врать не будет.

— Ага, вкусный получился, — Тоня тоже болтала с набитым ртом.

Неужели и ей нравится? Правда же горький! Или сама на себя наговариваю? Да нет! Вот же, лицо корчит, потому что совсем невкусный. Обижать не хочет? А чего мне обижаться, сразу же говорила, что недозревшее всё.

Оля через силу протолкнула горьковатый комок себе в желудок, залив это всё полным стаканом воды: — Не мучай себя, я же пошутила. Не вышел хлеб у нас.

— Ну и пусть, главное, что съедобно и ты старалась.

— Куда ты, горький же! Живот потом заболит...

— Не заболит. Мы уже много дряни перепробовали.

Оля не смогла сдержать смех. Набитые хлебом щёки и корявый, небрежный от этого голосок делали из Тони своего рода наглого и толстенького шипящего ёжика.

— Прекрати! Подавишься ещё. И ничего мы такого не пробовали, к счастью.

— А вот и нет, — Тоня тоже с силой протолкнула комок в горло и запила.

— Не надо с набитым ртом говорить, некультурно. Хватай Кишку подмышки и поехали.

— Тебе самой-то понравилось? — Тоня поднимала постоянно сонного кота на ручки, когда тот, опробовав кусочек хлеба, отплёвывался от него.

— Да. Знаешь, порой надо отвлекаться, а то так и с ума сойти недолго.

Погода в Апреле иногда радуется прохладой, иногда ветерок подует, умывая ей же, порой солнце слепит так, что хоть под землю прячься. Тепло. И ни души кругом. Будто весь мир, играющий красками и пейзажами, точно и бесповоротно теперь только твой и делать ты свободен всё, что только пожелаешь.

А в голове сейчас бардак -

Теперь волнуюсь я бессильно!

Открылась мне ты, словно мак,

Что лепестками чертит небо,

Стихами ветра говорит.

Глава 12 Откровения

Знойный день, солнце пекло головы, словно пирожки в духовке. Волосы липли к коже от горького пота, картинка в глазах чуть плыла, а на дороге появлялись тоненькие блики, как мираж. Вместо асфальта, казалось, впереди были яркие лужи. Может, девочкам и было не очень хорошо, но вот мир радовался, расцветал, покорял новые уголки пряными и приторными запахами. Сорняковая мята и валерьяна росли целыми опушками, которые, однако, совершенно не привлекали Кишку. Видимо, он был убеждённым спортсменом. Брал первые места по длительности сна и совершенно не жалел прерывать его, резвясь в море дурманящей травы.

Не в силах терпеть безразличие к вскипающим мозгам, девочки взяли ситуацию в собственные руки и направились, согласно карте, к ближайшему водоёму.

Небольшое озеро посреди леса. При въезде только заросшая поляна и тонкий песчаный берег, в стороны от которого уходили жидкие болотные щупальца, прибрежные рыхлые водоросли и надломленные ветром побеги рогоза. На другом берегу такой же пляж, а совсем недалеко от него и впадающий ручей. Вода была не грязной, да и озерцо вроде не цвело. Дно украшали плоские, чёрные и блестящие камушки. Оля подхватила один, размахнулась и пустила по водной глади, он оставил пять блинчиков и смиренно, будто ударился в стену из ваты, ушёл на дно. Может, тут даже осталась живая рыба, для неё такие укромные места — самое то!

— Оля, смотри! Да там же лодка есть.

— Где? А, и правда, зелёная, в кустах спряталась.

Монстр глядел на девочку из зарослей крапивы, чёрные лапы его растопырились в стороны, выдавая укрытие, они были огромные и на деле очень нелепые. Он, оставшись в одиночестве, лакал живительную водицу, прильнув к нему губами, сидел в тени, отдыхал от пылающего солнца, что хотело всё испепелить. Кажется, заметил неторопливых наблюдателей, но продолжал сидеть на месте, надеясь всё же, что это не охотники, а какие-нибудь работники заповедника, что учтиво попросят его зайти в клетку или съесть кусок мяса со снотворным. Проверят, полечат, накормят, а потом отпустят здоровым и сильным, чтобы он больше не побирался в кустах, прося у природы милостыню.

Девочки, вооружившись хлёсткими ивовыми палками, размахивали ими, срубая толпами орды щиплющихся бойцов. Взмах! И вот с десятков пал к ногам Тони. Взмах! И вот уже два лежало подле Оли. Ещё и ещё! Два богатыря пробивались через зеленое иго к побеждённому временем и тяжёлой участью скакуну. Он смиренно ждал их, не смея даже шевелиться.

Оля, отдышавшись, облокотилась о борт лодки. Поглядела на неё и повернулась к Тоне, которая уже ради веселья продолжала терзать бедные заросли.

— Интересно, целая или нет?

— А ты проверь.

— Старая я, не вижу ничего. И устала.

Тоня приглушённо засмеялась, упёршись руками в колени. Хлыст затерялся где-то в траве.

— Давай посмотрим. Ну, дно целое, наверное, я дырок не вижу.

— И вёсла на месте, прочные.

— Ага, широченные. А ты грести умеешь?

— Да, на рыбалку ходила.

— А мы рыбачить собрались? — взгляд у Тони стал ярким и проникновенным, но чего-то в нём не хватало.

— Ты тут удочки видишь?

Тоня ещё немного потупила взгляд на лодку, выпрямилась, руки в боки и говорит: — Давай вытаскивать!

Упёршись в лодку, большую, метра три точно, девчонки стали мерно толкать её вперёд, в воду.

— Раз!

— Два!

— Раз!

— Два!

И вот, корма оказалась в воде. Последняя проблема: водоросли, что завивались в липкую паутину, окутали гладкое дно судёнышка, не давая ему выбраться из плена. Девчонки разулись, утопились носками в кусачую траву, потом ногами в воду, поднатужились и вызволили пленника из тюрьмы. Теперь его можно было хорошо осмотреть.

Дно целое, ничего не просачивалась. Нос, что находился в воде, был облуплен цепкой флорой, отчего спереди походил на сома с зелёными усищами. Внутри две перекладки, на каждую человека два точно бы поместилось.

— Оля.

— М?

— Это всё весело, конечно, особенно крапиву рубить, но я тут подумала. Мы её зачем вытащили?

— Плавать умеешь?

— Ну, конечно, умею, а кто не умеет?

— Глубины не боишься?

— Конечно, не боюсь! Чего за вопросы такие?

— Я хочу посреди озера искупаться. И тебя одну на берегу не оставлю.

— А Кишка что?

— Да пусть спит, чего его мучать.

Раздевшись до нижнего белья, а вода уже была достаточно тёплой, что для Мая большая редкость, оставив сложенные вещи на песчаном берегу, девочки уселись в маленький крейсер. С озерца дул лёгкий ветер, даже бриз, вода игралась солнечными зайчиками, расходясь клином под носом четырёхместного лайнера. Оля мужественно крутила вёслами, широкими махами отдаляла себя и сестру от берега. Десять метров, уже двадцать, а вот и все пятьдесят прошли. Вдруг она в бессилии остановилась.

— Ой, тебе помочь?

— Не. Тут будем плавать! Только отдышусь.

— И зачем так торопилась?

— А вот захотелось. Нырять, только осторожно, нам ещё нужно будет как-то забираться обратно.

— Нет уж, ты сначала придумай как. Не хочу потом лодочным мотором работать.

— Лентяйка, я вот только что работала, — Оля широко улыбнулась, щурясь на жёлтое

блюдец, что постепенно скрывалось за белёсым молоком.

— А ты могла и помочь попросить.

— Вот пусть тебе теперь стыдно будет.

— Манипулятор!

— Ещё какой. Ладно, если по одному залазить, то лодка и перевернуться может, так что залазить надо с разных сторон и вместе. Такой план устроит?

— Да!

Тоня решительно встала, через секунду оказалась ногами на сиденье, а вот уже бомбочкой летела вниз. Полметра всего, но какой всплеск! Круги шли по воде, кажется, до самого берега, лодку так вообще повело носом в сторону от такой наглости. Вот уже и Оля не выдержала, грациозно нырнув в озерцо, как дельфин, используя всё то же сиденье в качестве своеобразного трамплина для спортсменов. Всё дно усеяно чёрными камушками, и, судя по их блеску, было оно не глубоким. Мелькали тёмные коряги, какие-то корни, во всяком случае так они выглядели, даже целый ботинок. А вот рыб не видно, хотя маленький бомбардир мог их всех просто распугать.

Наконец, Оля вынырнула в метрах пяти от сестры, помотала мокрой головой и улеглась на спину, раскинув руки и ноги в разные стороны. Тоня подплыла кролем, который по количеству шума и брызг походил на тайфун.

— Ну что, Оль, как водичка?

— Тепло-о.

— Вот и хорошо.

— Ты посмотри, какой простор! Сверху синева и тут всё голубое. Свобода!

— Да оно размером-то, как два футбольных поля.

— Ничего ты не понимаешь. Ложись, как я, и почувствуй!

Тоня попробовала, но всё безуспешно. Её тянуло на дно, как бы она не старалась.

— Так ты воздуха набери и лежи спокойно.

— Да не выходит! Тебя твои буйки спасают, а у меня таких нет.

— Чего, завидуешь? — Оля засмеялась и тут же подавилась водой, начав откашливаться.

— Вот, это тебя эта, как её. Карма настигла! Потому что вредина. И вообще, мне же удобнее.

От смеха и кашля Оля расплакалась, так смешно ей стало.

— Ты же сейчас опять поперхнёшься.

— Хи-хи-хи, кхе-кхе, как скажешь, — Оля вдруг нырнула.

— А?!

На поверхность поднялись пузыри.

— Оля?!

Тоня нырнула следом, но сестры и след простыл! Справа, слева, снизу — нигде нет. Вдруг что-то схватило за ногу! Тоня судорожно повернулась, и ей предстало чудище! Глаза громадные, цепкие щупальца — десять штук! Два плавательных пузыря, и длиннющий язык, так и желающий обвиться вокруг шеи! Она хотела было закричать, но спасительного воздуха не хватит! Одним резким движением вынырнула и начала отбиваться от водяного ногами. И тут он поднялся из пучины.

— А говорила, что глубины не боишься.

— Ты дура! Дура! Напугала! Дура!

— Ну, извини... Я же пошутила просто.

— Дура!

— Прости...

— Не прощу, дура!

— Ну, чего дура да дура, я же смешную рожицу скорчила, а ты меня чуть ли не утопила.

— Дура! Я в лодку.

— погоди, а то перевернёшь.

— Вот тогда брюхом кверху уплыву.

— Ты так перепугалась?

— За тебя испугалась, а ты шутишь так.

— Блин. Ну. Ну, даже не знаю. Хочешь с винтовки дам пострелять? Только не дуйся, я не хотела.

Тоня с прищуром: — Хочу.

Девочки подтянулись с двух сторон за борта и взволнованно смотрели друг на друга,

Оля скомандовала:

— Вверх! Права нога! Левая!

— Я падаю!

— Нельзя!

— А-а!..

Тоня плюхнулась в воду.

Оля филигранно шлёпнулась за ней, кричала в небо: — Ты в порядке?!

— Только ногой ушиблась.

— Так, давай снова! Вверх. Правая. Левая!

Девчонки перевалились внутрь, тяжело выдохнули. Довольно тихо, только бултыхания судёнышка, как поплавка в тазике.

Тоня: — Как-то много всего для двадцати минут.

— Тебе не понравилось?

— Если бы ты меня не пугала!

— Я же уже извинилась.

— Вот пусть тебе теперь стыдно будет.

— Манипулятор!

— Ещё какой, — Тоня повернулась к сестре с хитрющей улыбкой.

— Понятно всё с тобой, и не любишь ты меня вовсе. Эх, нигде мне места нет!

— Ох, а я так вообще, как посреди пустыни, податься некуда, слоняюсь тут и там!

Они лежали так ещё минут пять молча. Вдруг над ними что-то прошмыгнуло! Больше жука, серое, на самолёт похоже, но жужжит.

— Оля, это что было?

— Стрекоза, скорее всего. Значит, тут где-то и комары водятся и мухи, только кусать нас не хотят.

— С чего так решила?

— Она же их ест, а без них с голоду помрёт.

— В смысле, нас почему не кусают?

— Противные мы и невкусные, химией напичканы человеческой, вот они и брезгуют.

— Интересные у тебя теории. А как думаешь, рыба тут есть?

— Если оставить на глубине кусок мяса, например, или хлеб покрошить, может кто и приплывёт.

— Мясом рыбу кормить, — скептически отметила Тоня.

— Вдруг тут щука обитает! Зубами щёлк, как за мягкое место укусит, так от тебя только визг на всё озеро услышу.

— Я что, писклявая такая?

— А знаешь, как щука кусает? А вот меня кусала. Там не до баса.

— Ты поэтому рожи на глубине корчишь?

— А я в душе Ихтиандр — воду люблю.

— Ой, поплыли обратно уже, а то простудимся на ветру.

— Грести я буду?

— А тебе помочь?

— Ага.

— Вот и лежи так дальше, а я за вёсла.

Обратно они плыли раза в два дольше. Тоня каждый раз останавливалась, разминала плечи и жаловалась, что неудобно ей. Вся покрасневшая. Кажется, пота на ней стало только больше, но от помощи отказывалась. Всё гребла и гребла. Неожиданно, мель.

— Фух! Мои руки...

— Чего же ты так торопилась? — Оля упёрлась локтями в колени, а подбородком уложилась на кулачки, — Ты в порядке?

— Нога правая болит, как-то не так забиралась, наверное.

Оля взволновалась: — Понести тебя?

— Не, сама дойду.

Горячий песок. Зарываясь в него ступнями, можно было почувствовать, как живительное тепло растекалось по всему телу. Как это мягкое чувство затекало в каждую извилину, оставляя после себя лишь удовольствие. Вот садишься на него, начинают греться ладони. Ладони, что столько времени были вынуждены работать с ржавым железом, тёртой резиной, шумным полиэтиленом и трухлявыми дровами. И всё это было холодным, безжизненным. А эти песчинки обволакивают, прячутся под ногти, норовят попасть туда, куда не следует, но, кажется, совершенно не из злых намерений. Поднимаешь немного голову и вот солнце начинает греть лицо. Только недавно раздражало, мучало, а сейчас, когда сидишь и отдыхаешь, плавают любые злоба и негодование. Хорошо. И с пруда дует прохладный ветерок. Вот пришёл Кишка, улёгся пузом на золотистый песок, чем-то в такой позе напоминая буханку хлеба, прикрыл глаза и снова задремал. А вокруг только лес.

— Оля, ты часто на море отдыхала?

— Пару раз. В Крыму и в Сочи.

— И где лучше? Тут или там?

— Как же это сравнишь? Совсем разные же вещи. Вот я в деревне у бабушки летом бывала. Мы вместе таскали такую же лодку, нам дедушка помогал, отплывали подальше от берега и просто болтали. Мне очень нравилось — спокойно, тихо, никто не тревожит. Она мне книжки читала или рассказывала истории, а я ей про школу, успехи свои. А море — это море. Там тюленем отдыхаешь, сама знаешь. Можно на экскурсию съездить, на замки посмотреть или на гору подняться. Я на Ай-Петри была. Кипарисы интересные там растут, не такие ухоженные и красивые, как в городе, а размашистые и большие. Лианы разные на них. Но всё равно дома привычнее.

— Угу, наверное, ты права. Кстати, мы, получается, купательный сезон открыли.

— Не купательный, а купальный.

— А я в русском никогда сильна не была. Обороты разные, наречия, числительные. Ты же меня понимаешь — значит всё в порядке. И вообще, я больше геометрию люблю. Доказательства разные, теоремы.

— Теоремы... Ты у нас и философ, и оратор, и математик. Ты ещё купаться будешь, а, Пифагор?

— Нога всё ещё болит. Видишь, грею. И вообще, ты мне обещала!

— Что?

Тоня взглянула на сестру неодобрительно.

— А, ты про это. Думай тогда, где и как. Тут же не стрельбище.

— Чего думать? Один раз в воздух пальнуть, так мы всех и распугаем!

— Какая ты простая. Хотя, тоже вариант.

— Давай по банкам стрелять, как в тире.

— У нас, думаешь, так много пустых с собой? Я их портить не хочу.

— А я что-нибудь придумаю, — Тоня подмигнула.

— Ага, изобретательности хоть отбавляй.

Одевшись и обувшись, вытянув лодку на сушу, девочки направились к 57-му. Из ящика с провиантом Тоня вытащила три целых консервы — сокровище по своей сути!

— И в чём же твой план?

— Опустошить их!

— А потолстеть не боишься?

— Ты обещание выполнять будешь или нет?

— Да, но мы не будем ради развлечения набивать животы тем, что нас может от голодной смерти спасти.

— И какой тогда план у тебя?

Оля осмотрелась, на краю опушки стояла мёртвая берёза. Толстая, ветвистая, чуть покосившаяся в сторону леса, вся в огромных трутовиках. Выше малиновки, а значит, в высоту минимум метров пятнадцать.

— Доставай пилу. Сейчас будем дружбой заниматься.

— Чего?

— Берёзу ту спиливать будем.

«Дружба» — она же — пила на двух человек. Вообще, ей нужно пилить вертикально. Стволы на брёвна, брёвна на доски, доски на рейки, но если ствол трухлявый, а сил не хватает, то вполне подойдёт. Тем более, если всегда висит на корме танка. А ствол и правда трухлявый — десятки грибов-паразитов высосали все соки. Гигант был сломлен ордой наглых бандитов, что разрастались, питались за его счёт, не давая ничего взамен.

Голодные до работы зубчики вцепились в кору, преодолели её за долю секунд, вгрызлись в дерево, что ещё сопротивлялось, но скорее по привычке. Девочки пилили немного под углом, так, чтобы берёза упала не в лес или на опушку, а вдоль границы. И вот колосс затрещал, издал предсмертный вопль, сухие ветки безуспешно цеплялись за собратьев, но лишь ломались под весом материнской туши. Оля затаила дыхание, когда исполинский ствол повалился.

— Тоня, ты как там?

— Грандиозно, конечно. И чего теперь?

— Сейчас учить тебя буду. Трутовики видишь, грибы на стволе? Вот в них будешь целиться.

Ноги не ширине плеч, упор в плечо, левая рука на цевье, правая на рукояти. Мишень в двадцати метрах, чтобы интереснее было. Инструктор по правую сторону, дыхание глубже, взгляд горячее, а палец в тоскливом ожидании лежит на спуске.

— Хорошо всё видишь?

— Угу.

— Тогда жми. И стой уверенно, повернись немного, ага. У неё отдача гораздо сильнее.

Вдох. И медленный выдох, как с пистолетом. Выстрел! Попадание! Ствол вверх! Пуля пробила плотный гриб и застряла в трухлявой древесине. Наверное.

— Ю-ху! Оля, а откуда ты так научилась хорошо с оружием обращаться?

— Когда в деревне была, меня дедушка обучал. Строгий был. Потом в секцию спортивной стрельбы ходила год. Вот там дисциплине хорошо учат, а она в любом деле нужна.

— А ушла почему?

— Не помню. Разонравилось, наверное.

Второй выстрел улетел в молоко. Всё-таки даже без штыка «Света» весит все четыре килограмма и длиной полтора метра. Удерживать такую — сложная задача, стрелять без тренировки тем более. И сама винтовка требует тщательного ухода, так как механизм у неё старый и сложный. Ударная часть любит забиваться грязью и песком.

Третий выстрел попал в берёзу, пуля вылетела насквозь, что видно было по разлетающимся щепкам.

— Промах, — спокойно сказала Оля.

— Почему? Я же попала.

— У тебя цель — грибы. Если не попала, значит промах. Нечего патроны на чушь тратить.

— Ну и ладно. Видишь тот, самый большой и кривой? Вот я его сейчас разнесу в клочья!

Оля ухмыльнулась, однако улыбку согнало точное попадание. В яблочко, можно сказать, хотя мишень и огромная. И ещё один, и третий в цель! Калибр — 7.62x54 — винтовочный. Очень мощный, что Оля давно понимала, но вот сестру такая сила опьяняла.

— У тебя талант.

— Я поняла самое главное. Нужно быть спокойным, уверенным и думать, что делаешь! Тогда пуля сама летит куда нужно.

— Так оно и есть. Слушай, может, не поедем уже никуда сегодня? Мне лень.

— Мне тоже.

— Мяу, — утвердительно констатировал и Кишка.

Оля взяла кота на ручки: — Чего, есть хочешь? И всё же не зря мы тебя взяли, котофей.

— Слушай, Оля, есть мазь у нас? Синяк всё больше.

— Есть, конечно. Сильно болит?

— Да, нет, наверное.

Не успели девочки опомниться, как свечерело. Солнце спряталось за горизонт, однако спать не хотелось, особенно Оле. И пускай, что было чем ещё заняться, через силу они уснули.

Новолуние. Полная тишина, к которой так сложно привыкнуть. Сознание заполняет её воображаемым свистом, трещоткой, а порой просто слышишь текущую в венах кровь или биение собственного сердца. Продолжаться это будет недолго, скоро утро, а там разыграется ветер, может, пара шишек упадёт, надломится сухая сосна, зашелестят кусты

можжевелика. Но сейчас — ничего. А ничего способно быть очень громким, очень тяжёлым и очень волнительным.

Слишком тихо — подумала Тоня и присела. Оглядывается, а Оли нет. Хотела крикнуть, позвать, но прерывать ночь желания не хотела, пускай и страшно.

Снова шутить вздумала? И фонарик неясно где. Я же не вижу ничего, блин.

— Мяу, — в темноте блеснуло что-то искоркой.

Ты-то чего проснулся?

— Мяу-у, — послышалось уже с корпуса танка.

Куда? Показать чего хочешь?

Тоня аккуратно шла, ориентируясь на мяуканье и блеск в темноте. Вдруг Кишка остановился и уселся. Под ногами песок. Холодный и противный.

— И чего ты меня сюда привёл?

Кот лениво зевнул, повалился на бок. Вдалеке загорелся тёплый огонёк. Долгое время он был единственным, кто нарушал ночь, но до берега стала доноситься скромная мелодия. Разливалась над водной гладью, пробегала мурашками по спине и врезалась в память. Нет. Нет, она не врезалась, она занимала своё законное, давно утраченное местечко. Вот она остановилась. Нервный всхлип, глубокий вдох и очень тихие слова.

Засыпай, моя тихоня,

И не бойся мир, засоня.

Отдыхай, увидь все сны,

Будут рученьки полны —

Счастья, доброты, любви.

Все друг с другом сплетены.

Мы проснёмся утром рано,

Для любимых столь неожиданно.

Но пока нам нужно спать,

Чтобы завтра всем играть.

И вновь тишина. Перед глазами у Тони замаячили два светлячка. Они выписывали в полёте овалы, потом бесконечность, а потом и вовсе хаотично закружились вокруг неё и улетели куда-то далеко. Кишка боднул лбом в коленку.

— Мяу.

Место тишины занял обыкновенный плач навзрыд. Прерывающееся дыхание, всхлипы, а Оля там совсем одна. Тоня заметалась, на неё укоризненно глядел кот, как бы говоря: — Чего ждёшь? Иди, успокаивай!

Никогда ночью не плавала. Страшно.

Тоня набрала полную грудь воздуха, — Оля! Оля, я же приплыву!

Досадно поглядев на дорожку света, исходящую от лампы, Тоня шагнула в неизвестность. Пупок, шея и вот погрузилась полностью. В беспроглядной пучине можно было раствориться, если бы не холодное течение. Бодрит! Тоня ярко шлёпала ногами по воде, пускай что голеностоп продолжал болеть. Мало что могло её сейчас остановить. Тут её заметила Оля.

— А? Ты? Как?

— Я же. Говорила. Что. Приплыву! Ух...

Оля ошарашено глядела на неё, не в силах подобрать слов.

— Ну, ты мне поможешь? — Тоня зацепилась за борт, но подняться была не в силах.

Оля отсела на край, протянула сестре руку, та её схватила и перевалилась внутрь. Тоня глубоко дышала, наблюдая на лице горе-лодочницы чехарду эмоций.

— Ну и чего ты под ночь устроила? Взяла, сбежала от меня.

Оля вновь взвыла и закрыла лицо руками: — Я идиотка!

— Ничего не идиотка.

— Нет, идиотка! Обещала тебе не убегать и убежала! Обещала защищать, а мы обе чуть не померли! Бабушке обещала, что хорошей буду, доброй, а в итоге сумасшедшая, маньяк! Обещала счастливой быть, а в итоге сижу тут, дура, с лампой этой, посреди озера. И ты мёрзнешь! Прости меня, прости...

Беря ситуацию в руки, Тоня встала и твёрдо сказала: — Я тебя нашла. Ты нас спасла. Никакая ты не маньячка! А если я мёрзну, так может ты сделаешь что-то?

Оля стала раздеваться.

— Так, иди-ка сюда, — лодка покачнулась, нос судёнышка задрался вверх, — Вот так намного теплее.

Оля молчала, только обняла сестру в ответ.

— Нечасто мы так делаем, правда?

Да.

— Ты очень красиво поёшь.

— Я знаю, — стеснённо сказала Оля.

— А выступала когда-нибудь?

Нет.

— Эх, тогда для меня будет честью быть твоим главным поклонником.

— Не смущай меня.

— Долго ты так?

Что?

— Терпела ты долго?

Да.

— С самой Москвы?

— Угу, — Оля склонила сестре голову на плечо.

— И для чего? Думала я тебя не пойму?

— Не могла я так. Я же старше, примером должна быть, и стала бы тебе жаловаться?

— А вот так истерику закатывать посреди ничего — это пример хороший?

Нет.

— Ну-ну, не надо. Знаешь, чего я поняла?

— Чего?

— Я правда мало что умею, но пока жива, всегда готова тебя поддержать. Мы же с тобой в одной лодке.

Оля тихонько засмеялась.

— Вот! Если смеёшься, значит, хорошо всё.

— Это нервное.

— А ты момент не порти!

— Ну, ладно.

— Я маленькая, мало чего знаю, но понимаю-то много. Нельзя столько всего взваливать на себя! Ты так хуже делаешь не только себе, но и тем, кому ты дорога. Мне! Как же ты не понимаешь? Мы должны помогать друг другу, а не рыдать в одиночестве.

— Прости.

— Я не обижаюсь, — Тоня ослабила хватку, — Красиво. Звёздочки. Каждый раз смотрю и не могу нарадоваться.

— Да, всегда там.

— Хорошая всё-таки эта мечта — космос! Столько всего неизведанного, но и там останутся простые любовь и дружба. Ты бы хотела туда? На большом шаттле, колонизировать всякое.

— Да, всё лучше, чем тут за едой лазить по подвалам.

— Смотри, там мерцает что-то!

— Спутник, наверное. Падает. А может, точку перигея проходит, которая самая близкая к Земле.

— Ха-ха, значит, если я математик, то ты у нас астрофизик?

— Нет, запомнила из того, что ты мне из книжки прочитала.

— А что ещё помнишь?

— Что длинна светового года — примерно девять с половиной триллионов километров. А до ближайшей звезды расстояние в четыре раза больше. В общем, далеко нам до покорения галактики.

— Ну и ладно, зато есть о чём тут подумать.

— О чём?

— Да хоть эта лодка. Представь, столько лет без дела лежать! А она ещё на плаву. Какого бы было человеку? Вот так просто остаться на месте, потерять любой смысл. Ходить на нелюбимую работу, где твой труд оценивается бумажками. Идти спать и восемь часов ощущать апатию или агонию. Всю жизнь не для себя жить. Так же прятаться в траве, существовать для виду. Мы не должны были скрываться по углам! Каждый момент должен был быть ценным для нас, наших убеждений, наших целей, наших желаний. Нас, я имею в виду всех! Никто же не сможет жить один, может существовать, есть и спать, но не жить. А люди треть жизни спали, треть работали, треть выживали. И лодка эта медленно гнила там в траве, чудом осталась существующей! Чтобы мы хотя бы на денёк дали ей смысл, а значит подарили жизнь! Потому что мы друг другу даём смысл жизни, а всё остальное это глупости какие-то, самообман. Какой смысл вкусно есть, сладко спать, путешествовать, если делаешь это только для себя? Любой же был создан кем-то, воспитан, вскормлен, а потом вот так просто и эгоистично относиться к миру? Будто он тебе должен? Нельзя же так. Ты же спрашивала всех, мне рассказывала, почему всё это произошло! А выходит так, что если кто-то это и знал, то не понимал вовсе. И значит спасти все вот эти крохи: тебя, меня, Мишу, тот городок в Москве — можно лишь начав жить друг для друга, а не для себя!

— А я жила для себя.

— Ну и ладно! Никто не идеален! Каждый совершает ошибки! Главное иметь силы и желание их исправить, попросить о помощи в конце концов. Это же не сложно, нужно будет просто помочь в ответ. Всем был нужен девиз: «Все за всех!» А не так глупо взваливать на себя всё, не в силах утащить.

— Тоня.

— Чего?!

— Ты pomoжешь мне?

— ... Обязательно... Оля.

— Да?

— А тебе мальчик какой-нибудь в школе нравился?

— Нет, не до того было.

— Ну, ладно.

Глава 13 Гвоздика

Девчонки уже приближались к Свердловску. Спустя более полугода их путешествия, город встречал блёклым закатом и мелким, грибным дождём.

Лето. Простое и без затей. Есть какое-то чувство иронии или сарказма, а может, не того и не другого, а простого случая, у природы в её начинаниях. Природы всеобъемлющей, способной практически на всё. Сначала она очищает мир от всего лишнего, а потом готова занять свято место собой, поглощая из года в год детские качели, карусели, горки и песочницы высоченным слоем луговых трав. Все ржавые механизмы спрятались за высоким травяным забором, а песок стал прибежищем для маленького кактуса, сбежавшего из разрушенной квартиры. Что ему там делать? В земле же и питательнее, и теплее, и друзья вокруг! Возможно, он стеснялся своих иголок, потому что один такой особенный. Воля случая, которая порой создаёт такие наивные, но оттого не менее красивые метафоры, но Олю это раздражало.

Когда придут морозы — всё вновь умрёт, но сейчас травы были очень рады маленькому дождику, когда капельки отскакивали от пружинистых листочков клевера и лопуха.

Вот только девочки очень тревожились. Ехали молча. Скоро путь будет безвозвратно окончен. В том смысле, что круг будет очерчен, и всё происходящее за это время станет одним большим воспоминанием, из которого уже ничего не вынуть, в которое ничего не вложить. Осталось совсем ничего. Так мало. Ощущение, похожее чем-то на то, что было у Оли в десятом классе. Скоро выпускной, экзамены, поступление, целая веха пройдена! Почти. Она, не успев кончиться, была обрублена на финишной прямой. А что, если и этот год будет так обрублен? Вдруг что-то прервёт это всё, концовка будет смазана или вовсе стёрта?

Тоня хотела подбодрить сестре, но слов найти не могла, и так вздохнёт, и взглянет тревожно, и руку потянет с желанием как-то одёрнуть, но постоянно останавливалась. Темно ещё, моросит так, что касочный звон по рубке разносится. Казалось ей, что скорая ночь вовсе не добра, хочет какую-то драму, интригу, выволочь наружу все проблемы — дай повод! «Ей же нравится, точно нравится это всё!» — думала Тоня. Все эти неловкие потуги успокоить, объяснить.

А может, ночь торопит? Правды хочет? Она, конечно, как и смерть, темна, неясна, зла, но не всегда же и не обязательно! Она же, как и смерть, просто приходит, вот её нет, и вот она есть, просто в жизни ночь часто встречается, а сам ты со смертью, настоящей, только однажды встретишься, и уже никогда её не забудешь, как в целом и не запомнишь. Как две сестры. Одна спокойная, рассудительная, неторопливая, даже адекватная. А другая — вот раз! И всё. Первая сестру любит, они похожи, но со вспыльчивостью второй ничего сделать не в состоянии. Первая пытается объяснить неумелому, глупенькому существу, что сестра её не злая, она просто — какая есть, и что не плохая вовсе. Работа такая. Первая каждый день погружает мир во мрак, в неизвестность, потом уходит, а вторая, как дёрнет рубильник, и всё! Всё! Спать пора. Что не успел сделать, то и не успел? Ложиться нужно, всё равно потом кто-нибудь одеяло твоё изрисует и искаляет, но тебе-то что? Ты уже спишь, и никакие рисунки тебя не интересуют вовсе. Но если так, можно ли с уверенностью сказать, что хоть одно одеяло, которое встречали люди на своём пути, осталось в своём первоначальном виде? Собственное?

Солнце успело скрыться за рядом серых, непримечательных пятиэтажек.

Воздух очень чистый во время дождя, когда второй всю пыль, всю грязь забирает с собой и спускает с небес на землю. Казалось, что всё движется к ливню.

Было в нём, бывшем Екатеринбурге, что-то странное и неуловимое для несведущего посетителя. В поэтическом смысле — сердце страны. Большой индустриальный город очень активных и самостоятельных людей. По-своему он цеплял атмосферой беготни, которая была свойственна скорее Москве или Ленинграду. Рабочие же люди тут, неудивительно, но эта была другая беготня. Вероятно, это желание перемен, чего-то нового, неизведанного, а кому-то простых истин подавай. И революция тут проходила в своём неповторимом ключе. На уроках истории девочки не спали и тем более их не прогуливали.

Центры командования на Урале организовались очень скоро и выполняли собственноручно поставленные задачи. И семья императора была тут расстреляна с руки местного руководства. Гражданская война охватила страну, осталась лишь смутная и блеклая вера в лучшее будущее. Всё могло оборваться после одного неудачного случая. А кто мог бы потом, спустя год или десяток лет, таким случаем послужить? Свести на нет все достижения революции? Кто мог такой случай организовать? Вероятнее прочего: императорская семья и приближённые. Отец семейства, жена, дети. Без жертв, кровопролития и трагедий не обойтись. История очень цинична.

Страшное дело — гражданская война. Люди, семьи, друзья, ведомые разными идеями, находясь буквально вот неделю назад в пределах одного дома или деревни, начинают смотреть друг на друга сквозь линзу прицела. И всему виной страшные потрясения, разные взгляды на будущее. Сложно понять, кто прав и виноват во многих деяниях того времени, но! Когда в стране происходит столь всеобъемлющее событие, когда того требует вся Родина, когда начинает литься кровь твоих соотечественников руками твоих же соотечественников, нельзя оставаться в стороне. Да, ты можешь испугаться и уехать, не придавать этому внимания и спасти свою шкуру. Ты можешь работать на другую страну, другое государство. Можешь за границей поливать помоями до недавнего времени свою страну и свой народ. И хотя многое зависит от ситуации, не удивляйся потом, что ты теперь трус и предатель для многих людей, для обеих сторон, и они будут правы. На уроках учили этому, простому и здравому патриотизму. Во всяком случае, так его преподносили: что нельзя сидеть сложа руки и что красные во всём были правы. Куда без этого?

В такой войне решается судьба всего народа, а если эта судьба самой большой страны, то и всего мира. Если решается судьба всех национальностей, Россию населяющих, если народы хотят сохранить собственный язык, собственную культуру, хотят быть равными друг другу, а ты сбегаешь, будто ничего и не происходит, а тем более, где-то за сотню километров отсюда даже не критикуешь, а откровенно лжёшь на одну из сторон, то ты трус! Ты можешь вывезти семью, ты можешь спасти невинных, но, если ты не готов умереть за идею, не убить, но умереть за неё, то ты слаб и жалок — тебе тут совершенно не место! И это было отражено во всём городе, что осталось даже после войны. В лозунгах! В памятниках героям революции! В аллеях в честь лидеров классовой борьбы! Музеях и дворцах культуры! Что главное — в народном творчестве и отношении к жизни! Страшно подумать, чем мог бы стать этот оплот человеческой воли, стань каждый себе на уме.

Но время идёт, вещи меняются, люди рождаются и умирают. У всего есть цикличность. Такая же циничная, как и у природы, которая эту цикличность порождает. Всё продолжало следовать заданному плану. Получат семена сахарной свёклы, засеют, потом урожай

соберут, переработают, получают сахар, его продадут, потом в креме заварном используют, сделают торт, а торт съедят те, кто потом в том числе будут сахарную свёклу и садить, и собирать, и перерабатывать, и использовать. Всё по кругу, но это же вовсе не плохо? Тем более, это даже не круг, скорее спираль, что тянется высоко вверх, но даже в ней есть собственные огрехи, сколы, дефекты, браки, потому что она состоит из маленьких сегментов, что создают большую конструкцию.

Однако же ночь. Некоторые фонари на просторной улице зажглись, освещая широкую дорогу, поросшую всевозможной порослью, цветастыми цветами и всякой другой тавтологической тавтологией, потому что за ширмой из красок теряется всякое воображение и оригинальность, так как рождаются оные только в ограничениях и трудностях. Оля расслабилась, вдохнула полной грудью, но тут затревожилась Тоня:

— А что, если он и забыл о нас?

— Не волнуйся, тебя не забудешь.

— И всё-таки...

— Тут немного совсем осталось. Половину города объехать и всё, считай там уже.

— А вдруг он спит?

— Не, наверное, в штабе сидит, радио слушает. Обрадуется, что вот под ночь приехали.

Всегда казалось, что самое волшебное и трогательное происходит под ночь. Как думаешь?

— Наверное. А ты романтиком становишься, — Тоня смешливо посмотрела на сестру.

— Может... Но мне немного боязно. Мы же на деле ничего не знаем друг о друге. Он просто первый, кто помог нам, и единственный, к кому мы можем вернуться. Но всё будет хорошо, я уверена. Может, отправимся потом куда-нибудь вместе, уговорим его!

Тоня лишь угукнула в ответ.

Было, есть и будет в поездках волшебство, особенно сейчас, под перегоревшими фонарными столбами, лёгким и прохладным дождиком и тленным светом уставших фар. Оля остановила шумный танк в попытках вспомнить, куда же ехать дальше. Она достала керосинку и выпрыгнула из рубки, за ней увязался и Кишка. Шерсть его охотно пропитывалась чистой дождевой водой, но он лишь отмахивался здоровым ушком от назойливых капель, будто от мошкары.

— Может фонарик? — Тоня направила мощный пучок света в сторону Оли.

— Пойдём тогда вместе, не потеряемся.

Подумать только, лоза и кустарники захватили даже балконы. Расторопные ветки пробивались сквозь окна малиновок, как будто в попытках спрыгнуть вниз. А ведь потом это увянет, сгниёт, пропадёт, чтобы появиться вновь. Забавно. Столько стараний, чтобы, потеряв всё, начать заново.

Тоня бегала фонарным светлячком по дорожным знакам и бетонным ограждениям, заборчикам из железных профилей, окрашенных в красный цвет, по тем же разбитым витринам и мятым корпусам автомобилей. Прошлой осенью было совсем не до этого. Да, часто бывает не до чего-то, потому что мозги нерезиновые. А бывает, одна толстая, надменная и важная из себя мысль не пускает чужака в своё укромное, нагретое местечко. Этакая принцесса, но не на горошине, а на широченном и просторном матрасе, который она весь под себя подмяла, скомкав на пять раз, и сидит, радуется.

— Оля, смотри! — Тоня навела фонариком на большую вывеску «Аптека» на старом доме, — Та самая, значит немножко совсем осталось!

Почти пустая. Ну не мог же Миша всё за полгода потратить? Может тут ещё люди

проходили, а если так, то встречали ли они Мишу? Или он их? А если это плохие совсем люди, как тот? А если так, то в порядке ли Миша? Он же тогда без единого патрона был, не то, что Оля, которая всегда с винтовкой и полным магазином.

— Получается, нам по этой дороге ехать? — спросила Тоня.

— Угу. Ещё дождь усиливается.

— Так давай тент достанем.

— Не-е, долго. Проще зонтик найти, чем эту тряпку вновь натягивать, — Оля улыбалась.

Первый раз девочки проезжали тут очень давно. Да, а нутро сжималось, как в последний. Сейчас 57-й был тихим, каким был очень редко, а может, просто ушки совершенно перестали воспринимать грохот мотора, как что-то, что стоит внимания. Столько времени прошло. Ворчание цилиндров меркло за топтанием капель по броне. Будто шипение минералки, таким интенсивным становился дождь.

Оле по носу ударила большущая капля. Маленький ручеёк стёк вниз, оставляя за собой противное щекочущее ощущение. Только подносишь ладонь, в желании избавиться от него, как тут же падала другая капля. Такая глупость, с которой так просто разобраться — всего-то прикрыть рубку чем-то, но так лень. Наверное, люди в своей жизни многое отпускают в счёт лени. Можно потерпеть то, и это, и даже вон то, потому что это не первостепенно, а потом такими мелочами даже проникаешься. Так ли это хорошо? Когда жизнь трудна — нет времени на всякую чушь, а поэтому, наверное, это не хорошо или плохо, так просто происходит. И даже назойливые капли, стекающие по лицу, становились по-своему приятными.

Яркая вспышка на долю секунды. Вдруг пробил гром. Первая гроза этим летом. Тоскливая сероватая тарелка начинала возвышаться над горизонтом, а шадящий дождик перерос в настоящий ливень. Тёплый. Совсем скоро он закончится, когда кучерявые, большие и пышные, тёмные облака источат на землю все свои запасы. Только Луна тунейдствовала, лениво отражая солнечный свет.

Очередная вспышка! Гром не заставил себя долго ждать, потихоньку приближаясь к девчонкам.

— Блин, Оля, давай быстрее!

— Да мы уже промокли, чего торопиться?

— А если простудимся?

— Не простудимся. Если что, у нас аптечка почти полная.

Очередная вспышка! Нет. Нет, это не вспышка, это слепящий свет, который озарил целый город! Вдруг до ушей добрался ракетный рёв. Он зажевался в воздухе, копировал самого себя и становился всё громче. Две боеголовки набирали скорость, взмываясь ввысь. Ещё пара секунд, они изменили траекторию и почти достигли облаков. Крикливые двигатели умолкали. Чуть оглохшие девчонки пытались прийти в себя.

— Что это было? — Тоня вжалась в сиденье.

— Ракеты, — Оля глядела в сторону, куда торопливо сбежала ещё парочка представителей ядерного потенциала СССР.

— Откуда они тут? Да и куда им лететь, война же закончилась!

— Мне откуда знать? В той стороне юг, наверное. Миша же говорил, что он тут не просто так остаётся.

— Езжай быстрее тогда! Мне страшно...

— Я стараюсь.

— Ну быстрее же!

— Что я, по-твоему, сделаю?

На всей скорости 57й нёсся по лужам, переезжая порой старые трупы, раскидывая гнилую, сухую плоть и кости, объезжая немногочисленные препятствия. Неожиданно на повороте трак наехал на что-то большее, чем иссохшее еле узнаваемое тело. Скопившаяся в неровностях на броне вода торопливо сбежала, корму занесло влево, стальные траки скосили слой асфальта, а Тоня со звоном ударилась каской о триплекс. Только Оле не повезло, она с силою стукнулась лбом о передний бронешиток. Лишь кот как спал, так и спал.

— Да что же такое, чёрт. Мы когда-нибудь уже доедем? — Оля потирала лоб, на котором спешно возникала большая розовая шишка.

— Ты в порядке? Почему нас занесло так?

— Сейчас выйду и посмотрю. Посиди тут пока что.

— Нет уж, мне тоже интересно!

— А я говорю — сиди.

Оля вновь выкарабкавалась из рубки с фонариком в руках. «Щёлк...» И ещё раз «щёлк...» Не включается. Она потрясла его немного, стукнула о трак. «Щёлк». Включился!

Первый же луч света преподнёс глазам крайне мерзкую картину. Зелёная камуфляжная форма с пустой разгрузкой. Автомат, который совершенно не был похож на отечественный, чёрный какой-то и магазин совсем другой. Штаны потрёпаны, куртка порвана, пустой рюкзак, руки навыворот, пузо раздавлено траком, шея сломана, а лицо облепили опарыши, которых не согнал с одного даже обильный ливень, так они присосались к плоти.

Оля от неожиданности отшатнулась и чуть не взвизгнула.

— Чего там случилось? — Тоня немного перевалилась за борт в попытках рассмотреть причину остановки.

— Наехали на кое-что, всё в порядке.

Отверстие от пули во лбу. Труп свежий, может, несколько дней, однако ни на одном до этого девочки не видели такого обилия падальщиков, а скорее простых трупоедов. На плече один единственный шеврон и тот порван — четырёхконечная звезда осталась. Оля стала нервно осматриваться вокруг. В метрах десяти от неё, около стены, был ещё труп в точно такой же форме, а по другую сторону от танка, в неглубокой воронке от бомбы, один с оторванными ногами. Кровь смешалась с грязью и дождевой водой. Вытекшие глаза и рот полные земли и порванная грудная клетка. И на всех, даже с большого расстояния, был виден толстый слой личинок, поглощающий дефицитное, сытное, человеческое мясо. Хватаясь за такую ниточку к жизни, насекомые с жадностью пожирали все мягкие ткани иностранных бойцов, послуживших настоящим пиром в этой дыре. Дыре, ставшей одним из немногих мест, что ещё держалось в этом пустом мире техногенной катастрофы.

Оле потребовалось меньше минуты, чтобы убедиться: Миши тут нет. Адреналин отступал, а разгорячившееся сердце разобралось с кровотоком, что минуту назад, будто в час пик, намеревался пробиться сквозь моторчик, надрывая стенки изнутри. Действительно, кто же ещё мог в таком случае отправить ракеты, кто мог дать команду на старт? Только Миша, а значит — всё в порядке.

Ещё пара минут и жёлтые огни, как пара хищных глаз, уставились на открытые ворота, за которыми был старый плац, покрытый громадными лужами, будто маленькими озёрцами. Ливень умолк. Траки остановились, а две пары ножек скорым темпом поспешили к штабу. Там проталкивался сквозь чёрную ширму маленький огонёк. Но это не Казанский. Этот не

пытался спасти девочек от напасти, наоборот, это они спешили на выручку к нему. Только у Оли за спиной продолжала брнчать побитым карабином «Света».

Дверь распахнулась и с треском ударилась о стену, когда Оля навалилась на первую всем весом. Шаг за шагом девчонки поднялись по тёмной лестнице и в конце коридора заметили тусклый свет из приоткрытой дверцы, еле державшейся на единственной петле. Как же это всё знакомо.

— Михаил! Миша! — прозвучало в унисон, спустя столько времени.

Тоня была расторопнее и оказалась у комнаты раньше. Только дотронулась до дверцы, как та с силою повалилась. Грохот раздался эхом по всему коридору. И вот в предвкушении девочки заглянули в комнату и... Никого. Пусто. Только навеки замолчавшее большое радио, которое было разбито в хлам.

— И где же он? — Тоня очень волновалась.

— Так, не бояться, найдём. Может, как в Москве, всё самое важное внизу находится. Пойдём искать!

Девочки принялись обсматривать каждый уголок на первом этаже. Наконец, Оля нашла открытую нараспашку железную дверь, за которой была длинная лестница вниз. Боязно, но надо! Холодный свет люминесцентных ламп. Открытые железные створки, красные аварийные фонари. Как знакомо. Последняя дверь, закрытая.

И всё как на паузе. Кресло. Сожмуренные глаза. Вычурная поза. Автомат. Миша. Оля успела метнуться к нему, врезавшись на всей скорости, ухватиться за ствол и увести в сторону. Длинная очередь в замкнутом пространстве довела Тоню до слёз, с потолка посыпались искры и стекло. На голову полетела шпукатурка. Калаш с треском повалился на холодный пол. Оля ошеломлёнными глазами уставилась на Михаила. Лицо покраснело от злости, а дыхание стало рваным.

— Дебил! — Оля, не придумав ничего лучше, отвела правую руку, свела уставшие пальцы вместе и, рвя воздух, дала ему пощёчину. Сильную, искреннюю и первую в жизни.

Михаил опешил, точно так же, как и в своё время его дедушка. Боль помогает привести в чувство, как бы это грустно ни звучало.

Тоня одумалась первая: — Оля! Ты чего делаешь?

— Что Я делаю?! Да я... Ты... Идиот! Придурок! Мы сюда зачем ехали? Столько преодолели и узнали, чтобы ты тут, похоронив нас, пулю в голову пустил? Я уже насмотрелась! Тебе её-то не жалко? Не стыдно? Я тебе сейчас ещё раз врежу! — она вновь дала ему пощёчину.

— Я...

— Болезни, холод, голод. Трупы, какие-то дурацкие бумажки, секундные надежды, ложь! Чтобы, когда мы наконец-то вернулись, а ты тут мёртвым лежал? Похоронив нас? Да ладно меня! Её? Ты на это надеялся, да? Потому что это проще? Не ты ли давал обещание? — и вновь пощёчина.

Большой экран, красная кнопка, разбитая стеклянная крышечка над ней и стул. Только лампы по привычке своей тихонько гудели, будто ребёнок, что по безобразию своему ходит и насвистывает мелодию. А Михаил улыбнулся. Мягко и слабо, ямочки скрылись за слоем суровой, щетинистой бороды. Улыбался так же, как и его дедушка тогда, на кухне.

Тоня подбежала к Оле и схватила за руку.

— Успокойся же. Мы же встретились наконец!

— Не встретились бы! Мы столько пережили, а он! Он!..

— Всё же обошлось, не кричи. Ты бы выдержала на его месте?

Вдруг Михаил заговорил: — Извини.

— Нет! Не извиню! Не буду я дурака прощать!

Показалось на мгновение, что перед Мишей стоят те же самые девочки, но это не так. Одна повыше, те же волосы цвета угля, но вот бледная кожа сменилась полной живости и разгорячённой крови. Правое ушко было изуродовано, а причёска потеряла в длине. Руки стали не по годам сильными — щека не могла врать! Взгляд стал увереннее и даже с претензией на честность. Он не требовал извинений, но нашёл цель. Знал, что именно он ждёт — правду и справедливость. Но где-то глубоко в нём был игривый огонёк, что хотел простой и наивной истории. А вторая девочка была с длинной косой цвета зрелой пшеницы. Она подросла за эти полгода, наверное, сантиметров на семь. Детская наивность ушла, а искорка в глазах не потухла, но спряталась очень глубоко. Однако чувственность, искренность и доброта остались. Она уже не девочка, нет! Это девушка, повзрослевшая, понявшая некоторые вещи, способная теперь контролировать себя и принимать этот мир, каким бы он ни был. Потому что знала, что она не одна.

Обе они были промокшие до нитки. А ещё на консоль неуклюже запрыгнул комок шерсти, который скорее походил на клок мокрых волос, застрявший в водостоке. Он с интересом разглядывал Мишу, тянувшись к нему мордочкой и принюхиваясь.

— Дядя Миша, чего ж ты молчишь? — Тоня перевела растерянный взгляд на него.

— Что мне говорить?

— Так ведь, ну. А то, что мы вернулись?

— Я знал, что вернётесь. Просто, дни вышли тяжёлые.

Опять, вновь! Опять эта тишина! Глупая, тупая, мерзкая, раздражающая, врезающаяся в мысли тишина! Вены горят от злости! Уши от неё вянут, как язык кукожится от вяленой, солёной воблы!

— Так, пойдёмте на улицу, нечего тут киснуть. Там поговорим. И автомат ты тут оставляешь!

Михаил грустно усмехнулся: — А ты командовать не научилась, да?

Оля хмуро посмотрела на него, стоявши в дверном проёме.

— Иду, иду, — Михаил крайне неохотно поднимался с кресла, — Подожди, я сейчас, сейчас пойдём.

— Дядя Миша, тебе помочь?

— Нет, Тонь, не нужно. Вы хоть расскажите, чего случилось с вами? Ливень там?

— Он самый! Недавно закончился, — ободряюще заявила Тоня.

— А это с вами кто? Увязался небось?

— Спасли!

Кишка шёл с Михаилом, крутясь меж его ног и потираясь о них. Оля насуплено и молча шла впереди, а Тоня, взбудораженная ситуацией, не могла подобрать слов, металась взглядом от Оли к Мише, от Миши к Кишке, от Кишки к Оле и так по кругу. Только Михаил совсем не волновался и шёл спокойный как удав. Хотя больше походил на человека, приговорённого к расстрелу.

Запах летней грозы. Где-то справа слышалось чириканье бессонного воробья, а вот уже слева щебетала его подруга. Может, прилетели на свет фар, которые в ближайшей округе были самым ярким источником света. Всё же животные тоже не обделены любопытством.

— Дядя Миша, — прервала птичий напев Тоня.

— М? Чего случилось?

— А куда полетели те ракеты?

— Ракеты? Так вы видели значит. Конечно, как такое не заметить. В Канаду полетели.

Оля оживилась: — Канаду? Там разве не всё разрушено, как и у нас?

— Без понятия. Мне пришёл приказ, я его исполнил.

Тоня вклинилась: — И ты знал, как управляться с такими ракетами?

— Научили. Так-то я артиллеристом должен был быть.

— Дядь Миша, ты не боялся отправлять их? Ой. А вдруг к нам прилетит сейчас?! — девочки на мгновение очень испугались.

— Не бойтесь, не прилетит. То, что у нас тут базировался десяток все и так знали, давно бы уже долетели. Всё-таки спутники у американцев были лучше.

Как бы не хотела поднимать эту тему Оля, но её это всё ещё волновало: — А убивать страшно было?

Михаил глубоко вдохнул, на мгновение остановился: — Давай начну издалека, а то мне никогда не давалась философия, но попробую. Кажется мне, что все жизни равны, потому что любую ждёт смерть и каждая миру нужна, но «ценность» может быть разной. «Ценность» эту определяет количество ниточек, качество и прочность этих самых ниточек, связывающих нас с другими. Семья, друзья, коллеги, увлечения, да хоть кот дома. Я же помню этого наглеца, его дед мой приютил, вот он и трётся об меня, потому что помнит. Хех, полосатый негодник, у него всегда было чутьё на хороших людей. О чём же я? Да. «Ценность» эта в том, как много ты готов сделать для счастья другого. Не себя, но для чужого тебе человека или, вот, кота. Чужого, потому что самый родной для тебя Человек — это ты. И меряем мы всех и вся через себя. Но чем больше людей вокруг становятся счастливее, чем больше они начинают связывать собственную жизнь с тобой, а ты свою с ними, тем твоя жизнь будет ценнее. Тем больше ты должен ценить того Человека, кто готов прийти на помощь в ответ. По этой причине: грустная, одинокая, чуть полноватая женщина с третьего этажа; холостяк или семьянин, который пьёт и курит, уходит на работу в восемь, а приходит в шесть раздражённым и уставшим; любой, кто жалуется на жизнь, кто спорит с другими на темы, в которых они ничего не понимают — такие люди, способные всё равно просто помочь, будучи, может, наивными, может, глупыми, руководствуясь простым альтруизмом, потому что так их воспитали и взрастили, были куда ценнее, намного важнее и нужнее, чем о том многие думали. Таких людей привыкли там считать простачками, неспособными к свершениям, но не знали, что такие амбиции им и не нужны. И у нас это начинали забывать. А сила народов, всех народов, будет в единении, когда каждая жизнь станет ценной за счёт близости с другой...

Миша нахмурился, подумал немного и продолжил.

— Вы же знаете, что такое атомы? Если мы представим, что каждый из нас это маленький, одинокий атом на затворках, допустим, чайника, а чайник этот пустой внутри и смять его не сложно, то если атомы в этом чайнике станут друг к другу ближе, то будет чайник из металла крепче в сотню раз. У атомов есть и структура, и даже электроны, и даже всякие магнитные поля они могут создавать, потому что каждый атом в сути уникален, но на деле каждый есть кирпичик, что в мире без других не стоит и копейки. Всё величие мира в многообразии и взаимодействии. И как же становится страшно, когда несколько больших атомов, возомнивших из себя хрен знает что, начинают разрушительную ядерную реакцию. И даже если кирпичиков мало, если они разрозненны и не дружны, как в воздухе, всегда

нужно стремиться к объединению в большую прочную структуру, но не сливаясь в одно, а создавая причудливую и крепкую конструкцию, интересный мир, где каждый сохранит своё Я в ней. А всегда так было: большие лишь жаждут остаться таковыми сами, а всех вокруг обделить и сделать одинаковыми, раздав ярлыки и причудливые имена. Лучшего будущего сложно добиваться? Конечно, это будет сложно, кто сказал, что строить мир — это легко? А я? Наверное, я просто продолжил цепную реакцию, пускай и мог её прервать, но может, это не было в моих силах, я не знаю. Просто не нажимать на кнопку? Не слушать все четыре года штабную волну? Тогда чего бы я стоил как атом, что не выполнил свою функцию? Возможно, когда кто-то самолично, по надуманным причинам, ставит собственную жизнь, сам факт её наличия, выше прочей, когда он готов забрать твою, когда, если у тебя проблемы, он даже не протянет руку помощи, то ты имеешь право взять и силой поставить себя на один уровень с ним. Да и те, кто с ним согласны, не желают перечить, — не лучше. Приди мне этот приказ девять лет назад, я бы его точно так же без колебаний и промедлений исполнил. А убивать? Что же, это моя работа, а ракеты — запоздалый ответ. В любом случае я не буду перед кем-либо оправдываться. Я сделал то, что должен был.

Девочки боялись прервать монолог. Будто, сделав это, они бы прервали и мысль, которая вновь зажигала в Мише жизнь. Мысль, которую он, видимо, побоялся тогда им преподнести и о чём потом все эти месяцы жалел. Девчонки и сами пришли к похожим умозаключениям, убедились в их правильности, но Михаил в силу возраста и опыта, очевидно, копнул гораздо глубже.

— Слушайте, зачем лишний раз грустить? Я тут приберёт кое-что на нашу встречу, пойдёмте в казарму.

— Дядь Миша, может тебе лучше правда поспать? Ты вялый совсем...

— Да чего мне, завтра в порядок приведусь, а сейчас так — сонливость. Порой всё ещё удивляюсь, сколько вещей остаются целыми сквозь года. Уверен, вам понравится! Кстати, камера с вами?

Оля махнула рукой в сторону 57го: — Там осталась, не всюду же её с собой таскать.

Казарма ничуть не изменилась. Нет, это не родной дом, но вернуться сюда было по-своему приятно. За окном вновь тарахтел старый плюющийся дымом генератор и мычал ветер. Лёгкий запах бензина, летние порывы ветра, застеленная широкая кровать и Миша, копошащийся в большом шкафу, были очень уютны. Эта казарма для девчонок сейчас была самым безопасным местом в мире.

— Сейчас. Вот, глядите!

— Это что, фейерверки?! — Тоня сразу разгадала их в цветастой и большой коробке.

Да, никуда не терялся её огонёк, он просто стал чуть большим домоседом, не выбирался по любому поводу.

— Ага, тут целых тридцать зарядов! Такой раньше точно рублей пять бы стоил.

Оля и сама бы была рада, но вспомнила, как по неосторожности её одноклассник, запуская просроченные фейерверки, оставил во дворе большую такую яму от взрыва, диаметром в метр, а в его руке потом ковырялись пару часов, вытаскивая мелкие осколки, острые камушки и занозы.

— Вы знаете, что это опасно?

— Конечно, но мы же не в пяти метрах стоять будем.

Оля вздохнула, чего очень давно не делала, и просто смирилась.

Худшее, что может произойти, это подрыв всех трёх десятков ракет. Сразу. В одном

месте. Но на расстоянии же нечего бояться? За танк спрячемся. Отговаривать этих двух энтузиастов всё равно уже бессмысленно. А как мы фитиль положим, если там лужи повсюду? Или у него ещё чего в запасах припрятано? Даже знать не хочу.

Михаил ободрился, выпрямился, а от сна не осталось и следа.

— Пойдёмте, главное зажигалку захватите.

Всё действие происходило на самой середине плаца, подальше от деревьев и зданий. От залежалой пиротехники отходила длинная и толстая нить. Вся четвёрка выглядывала из-за танка, провожая взглядом горящий бегунок, что стремительно приближался к фейерверкам. Это был специальный фитиль, который горел достаточно долго, чтобы можно было убежать и на сотню метров.

Засвистела первая из ракет, выпуская наружу интенсивное и яркое пламя, вдруг она затихла и сразу послышалось, как высоко-высоко взмылась другая. И тут небо осветила синяя вспышка, что разгорелась искорками в форме одуванчика, который опускался некоторое время. Уже вылетела третья ракета и тут взорвалась вторая в форме красной астры. Квартет уселся на холодный асфальт, даже кот следил за представлением.

Синяя!

Жёлтая!

А вот как ромашка, белая и громадная!

Вот эта вспыхнула на секунду, а затем с дюжину маленьких красных взорвалось!

А огоньки от этой как дождик, но фиолетовый, на землю веером спускались!

И ещё! И ещё! И ещё!

Каждую секунду на ночном небе появлялись новые цвета и оттенки, что смешивались друг с другом в неуклюжем танце, превращались в необъятный воображению калейдоскоп красок.

Сквозь шум Оля услышала вопрос.

— Вы не зря в Москву ездили?

Она уже хотела ответить, но замешкалась.

В чём в итоге вообще была цель.

Вдруг, когда с два десятка ракет уже вылетело, каскад умолк.

— А что? Всё уже? — огорчилась Тоня.

— Нет, говорю же, тридцать должно...

Не успели они моргнуть, и весь плац окрасился не цветами радуги, а пронзительной жёлтой вспышкой. Вторая! Девочки оглохли, как не глохли даже от выстрела с танкового орудия. Кишка с поджатыми ушами запрыгнул к Мише на спину, вцепился в неё со всей силой, выпуская свои старые когти, как будто ему уже и не десять лет, а только год исполнился. Но Миша был непоколебим! Очевидно, такого конца огненного представления он и ожидал. Неожиданно для девочек он рассмеялся.

— Ну, чего, вам понравилось?

— Ага, очень, — Оля разминала уши и несколько недовольно смотрела на него.

— Ладно тебе, красиво же.

Огромная заасфальтированная площадь практически не пострадала от взрыва, разве что место, где стояли фейерверки, покрылось сажей или чем-то в этом роде. Тоня в бессилии улеглась на холодный плац.

— Никуда не хочу, мне и тут хорошо, прохладно.

— Вставай давай, простудишься, — обратилась к ней Оля со смешинкой в голосе.

— Вот как дождь, так не простужусь, а как камни холодные, так сразу?

— А это другое, вставай давай и фотографии доставай!

Перечить и обижаться она не собиралась. Лишь встала, покопалась чуток в вещах и вытащила набитый фотографиями конверт — свою маленькую причину для гордости, которую она создавала все эти месяцы.

Около пятидесяти штук и все разные. Некоторые из них Оля даже не видела раньше, особенно тот кадр, где она уснула в позе каракатицы или какого-то индийского йога. А вот и тот самый Дворец Советов, который вовсе не уместился на бумагу; древний белокаменный монастырь; село, что с холма выглядело, как деревянные кубики, разбросанные по траве; панорама города, укрытого льдом. Тут вот, точно с горы снятый, весеннего пейзажа, где поля и леса, словно лоскутное одеяло, — укрыли всю землю до самого горизонта. Тут вот странный разбитый памятник полководцу Жукову. Ещё одна фотография, где девочки стоят вместе около странного подбитого танка. У него была белая звезда на борту несуразной и кривой башни, похожей на обмылок, и большая командирская башенка, которую на советской технике делали гораздо меньше. А ещё, как сказал Миша, это танк М60 и у него 105мм орудие, которое очень мощное, но стреляет редко и на ходу косит часто. Тут вот одна «картина», где кот старательно вылизывает причинное место. На удивлённые взгляды (в том числе и Кишки, которому такой компромат был неприятен) Тоня ответила, что коты забавные и иногда подловить их так очень смешно.

И всего один кадр, сделанный исподтишка по известной только Тоне причине, где на кухне мило общались Оля и дедушка Николай. Миша долго смотрел на него. Очень долго. Не выражение лица совершенно не менялось, он будто пытался осознать что-то, что и не хотел вовсе осознавать или понимать, но отпустить фото с запечатлённым в последний раз дедушкой не мог.

— Миша, он...

— Да, понимаю. Старый совсем был и до войны сильно болел, — Михаил потёр глаз, — На удивление такой счастливый. Пойдёмте спать, завтра всё, завтра. Хватит на сегодня, — он убрал снимок в карман.

Столько времени прошло, а уставшие кости, мышцы и сухожилия, натёртая тканью от грубых лямок рюкзаков и ремней кожа не забыли первой, самой удобной и приятной кровати за всё путешествие. Да, эти пружины порядком проржавели и стали суровее, будто к ним месяцами никто не прилагал и малейшего усилия, тщательно обходя стороной. И сейчас Миша ушёл спать на диван, оставляя девочек одних.

Тоня почти закрывала глаза: — Мы же не зря в Москву ездили?

Оля уставилась в потолок. Все слова спутались в узелки, главный из которых не развяжешь, пока не сделаешь то же самое с теми, что меньше, но намного заковыристее и сложнее. Они вроде маленькие, но такие тугие и противные, к каждому нужен свой подход, а потом появляется желание сжечь их всех и выкинуть в мусорку. Пусть там и валяются себе на здоровье, главное, что извилины в мозгу не мозолят. Да только нет чем жечь и приходится импровизировать.

— Конечно, не зря. Мы повзрослели, доказали себе что-то. Повстречали многих людей, узнали, что не всё потеряно. Не зря, наверное. Может, всё бы иначе повернулось, останься мы тут, но Миша был прав, здесь безопасно. Но мы и там чуть не погибли. Я не знаю, правда. Никто ничего не знает и, кажется, никогда не знал. Меня саму так раздражает это. Столько всего произошло, а я будто просто чуток серьёзнее стала.

А Тоня уже заснула.

Вновь сон. Нет. Каждый прожитый в пути день! Сны! Быстрые и волнительные, перетекающие из одного в другой как истерика или неприглядная история. А в сути же они ей и являются. Историей! Всегда ей являлись. Утрированной и несвязной. Но разве не любая история в сути бессвязная? Цельный или не очень сюжет есть в любой, но его же создаёт что-то извне. Может писатель, может, события за пределами литературных и художественных строк, хотя и они придуманы и продуманы Человеком. Разве «связное» это не то, что является таковым само в себе? Что-то цельное и понятное и внутри, и снаружи. Яблоко, например, цельное, но мы же не знаем, например, сколько в нём косточек, можем только предположить исходя из наших знаний. Или вековой дуб зимой. Вдруг вся его сердцевина прогнила? А зимой ты так просто не поймёшь! И даже наши мысли, наши истории в сути никогда не были и не будут связными для других, а порой даже для нас самих. Всегда мы все что-то додумывали, всегда видели в чём-то то, что хотели видеть. И для сна мы сами, пускай и неосознанно, но сценаристы. Начинающие, какими навсегда и останемся, но сценаристы! А сейчас, когда маленький автор внутри совсем изголодался по любимой работе, короткие рассказы скомкались в огромный клубок ниток, которые переплелись, стали одной целой историей — кривым и слабо понимаемым целым. Это такой объёмный пласт переживаний, самокопаний, волнений и предвкушений, который невозможно понять даже нам самим. Мы знаем, что он связный, что он состоит из понятных и ясных нам вещей, но мы никогда не сможем это объяснить другим, потому что наши переживания исключительно наши! А дело искусного творца — это как можно лучше передать зрителю или читателю то, что тот никогда не имел чести или несчастья почувствовать. Утрата близкого, появление ребёнка, венчание, убийство, кризис и метания в поиске смыслов в жизни, да хоть просто красивый восход! Автор сна, который где-то внутри, понимает каждую мелочь в своём творении, но на то он и начинающий, плохой сценарист, что его главный зритель, мы сами, почти ничего не понимаем, что уж говорить о других. Если сценарист этот, самый искренний из возможных, решил неуклюже скинуть все истории, и цветные, и чёрные, в одну корзину, значит, эта кипа грязного и скомканного белья очень важная и очень ценная для нас.

Утро.

Травы покрылись маленькими блестящими капельками, которые отражали солнечный свет, будто блёстки или рыболовная блесна, маня к себе взгляд, а он неприхотливый, ему и такая мелочь очень даже приятна.

Вновь зачирикали воробьи где-то на ближайшей яблоне-ранетке. Возможно, совсем скоро, где-то в ветвях появится гнездо, затем в нём яички мраморного или серого цвета, а потом малюсенькие пищание клювики новорождённых птенчиков затребуют от родителей постоянной заботы и кормёжки. Вся яблоня была покрыта белоснежными цветочками, боровшимися за внимание оставшихся шмелей и бабочек, которые не так давно вылезли из своих сот и куколок, с яркими цветами, грушами и рябинами. Где-то в середине лета, может, ближе к осени, цветочки уступят место маленьким яблочкам, кислым и хрустящим на зубах.

Михаил вышел к девочкам побритым и умывшимся, но мешки под глазами сходить определённо не желали.

— Дядя Миша, чем займёмся?

— Если вы не голодные, то я хотел вам показать кое-что.

— Что?

— Сюрприз.

Оля пробурчала себе под нос: — Любит же он сюрпризы.

За штабом была сколоченная из прочных досок клумба, покрашенная в розовый цвет. Никакого чернозёма, только простая бурая земля. В ней рос один интересный экземпляр. Его окружали цветочки попроще: одуванчики и пара пёстрых ирисов. Не крупный, но очень гордый и сильный кустик, он тянулся к солнцу своими стебельками, раскинув на верхушке цветки из волнистых и острых, алых лепестков, выглядящих, как дикобраз, выпячивающий иглы.

Оля подошла ближе: — Это же гвоздика, да?

— Она самая.

— Красивая выросла.

— Да, очень! — Тоня присела на корточки, с интересом изучая маленькие фейерверки на ножках.

— Я со скуки скотил, только потом дошло, что семян-то у меня нет никаких. Ни малейшего понятия, как она тут оказалась, в округе ни одной не видел. Может, ветер принёс семечко или птица, но выросла же, — Миша улыбнулся, — Я, наверное, с начала весны сюда не заглядывал, она вот как вымахала.

Оля тоже наклонилась к клумбе, Миша продолжал.

— Символ революции. Символ мужества всего нашего народа, от Калининграда и до Владивостока. Символ наших побед и наших утрат, нашей любви и нашей скорби. Символ такой тривиальный, но такой всеобъемлющий. Символ советского человека, способного находить прекрасное в самом простом и обыденном, способного каждого признать товарищем, способного не делить народы на худших и лучших, способного погибнуть за свои идеалы, способного, в конце концов, быть Человеком. И знаете, я горд, что не предал эти идеалы, счастлив, что вы меня спасли, рад, что даже в таком мире ещё остались проблески счастья. Простите, что хотел сделать такую глупость.

Оля отвлеклась от гвоздики, взглянула на Михаила. Всё такой же спокойный и уверенный. На первый взгляд — по обыкновению удручённый, но на лице мягкая улыбка. У его ног тёрся Кишка.

— Не извиняйся. И, знаешь что?

— Да?

— Путь, что пройден всеми нами...

Тоня обернулась, алый галстук приковал взгляд всей компании: — Пройден совершенно не зря. Мы все устали, ждём спасенья.

Быть может, ангел или врач -

Найдётся, кто прервёт мученья

И остановит детский плач.

Но мы остались одиноки

В голодном мире нас — рабов.

Нам жизнь диктуют войн заскоки,

Что поощряют маньяков.

Убей того, купи другое!

Тебе не нужен друг и брат.
Такое время — непростое.
Не дрейфь, надень-ка коловрат!
Запомни: он другой, он хуже.
Коллега, он нас не поймёт!
И ходит тупо, неуклюже,
А рожа — голубя помёт.
Ты посмотри, да он же нищий,
Да он не ровня нам двоим!
Ударь, зарежь, стреляй — он лишний.
Мы за ценой не постоим?
Нам врут, играют с дураками.
Нам лгут о смысле песен, строк.
Скажи: — «Давай, товарищ, с нами!»
Ну а слышишь: — «Не дай Бог!
Ты превратишь меня в невежу,
Из шеи вырвешь позвонок!
Вдруг за станком разок опешу -
Отправлюсь сразу в воронок!»
— «С чего бы вдруг, да почему же?»
— «Со слов богемы понял я!»
— «Со слов того, кто предаст в стужу?»
— «Тебе откуда знать, свинья?!»
А каждый третий — самый лучший.
Он не посмотрит на других,
Услышит гром орудий жгучий:
— «Бегу к спасенью напрямик!»
Когда споткнётся, обопрётся
О человека ниже плеч —
Второй не стерпит сумасбродства,
Попросит лишь войну пресечь.
Но лучший стукнет, встанет ровно:
— «Не смей указывать ты мне!
Ты жирный, страшный. Тошнотворно.
Да я б таких подвёл к стене!
Ты слаб! Трусливый, недостойный -
Взгляни на дрожь, на свой кадык!»
— «Как лицемерно, уважаемый,
Вам в жизни главное — ярлык!
Эх, наплевать, все хотят счастья
Себе! Другому — никогда.
Помочь, не привлекав вниманья —
Ну что за глупость и брехня?
Немногие способны к жизни,
К взаимопомощи, к семье.

Но если смыслы бескорыстны,

Не пропадёшь ты в небытие.

Больше книг на сайте - Knigoed.net